

И. Б. Шишкин

У стен
великой Намазги

И.Б. ШИШКИН

У стен великой Намазги

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

902.6
Ш65

Ответственный редактор
Г. Н. ЛИСИЦЫНА

Шишкин И. Б.

Ш65 У стен великой Намазги. Послесловие Г. Н. Лисицыной. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

191 с. с ил. и карт.

Книга посвящена работам советских археологов в Южной Туркмении. Исследования советских ученых привели к открытию на юге Туркменской ССР культуры древних земледельцев, дали возможность восстановить картину хозяйственной деятельности живших там людей, изучить их быт, планировку населенных пунктов, архитектуру, систему учреждений, искусство, погребальные обряды, верования.

Ш $\frac{10604-169}{013(02)-77}$ —129-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

Открытие пяти тысячелетий

На юге Туркмении, зажатая между Копетдагом и Каракумами, тянется узкая полоса плодородных земель, орошаемых речушками и ручьями, стекающими с гор. Эта подгорная полоса поражает не только своим контрастом с выжженными солнцем Каракумами, но и обилием исторических памятников, относящихся к самым различным эпохам.

В самом деле, когда едешь на машине вдоль Копетдага, постоянно встречаешь то небольшие, высотой 1,5—2 м, холмики, образовавшиеся на месте поселений древних земледельцев эпохи неолита; то гигантские холмы в 10—20 м высотой — остатки первых городов бронзового века; то античные усадьбы или средневековые караван-сарай. Здесь можно увидеть руины как отдельных поселений, так и целых оазисов эпохи бронзы и времен Ахеменидов. Высокие сасанидские крепости соседствуют с мусульманскими мечетями и мавзолеями...

Подойдя к одному из этих исторических памятников, можно найти бусину из полудрагоценного камня, выточенную 4—5 тыс. лет назад; обломок сосуда любой эпохи, начиная с VI тысячелетия до н. э.; наконечник стрелы из бронзы или железа; греко-бактрийскую или арабскую монету, а то и терракотовую женскую статуэтку, созданную неизвестным мастером бронзового века.

А ведь еще совсем недавно, когда подавляющее большинство исторических памятников Прикопетдагской подгорной полосы не было исследовано, история Южного Туркменистана начиналась не с каменного века, а с вторжения в Среднюю Азию персидского царя Кира, т. е. с VI в. до н. э. Когда мы говорим «совсем недавно», то

имеем в виду дореволюционную эпоху. Чтобы нагляднее представить себе ту глубочайшую пропасть, которая отделяет наши знания по истории Средней Азии от знаний начала XX в., обратимся к одному надежному источнику, связанному с именем П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Этот удивительно талантливый человек был не только выдающимся путешественником и географом, статистиком и ботаником, геологом и энтомологом, общественным и государственным деятелем, не только вдохновителем и организатором многочисленных экспедиций, в корне изменивших прежние представления об Азии, он был еще и замечательным редактором. П. П. Семенов-Тян-Шанский редактировал многотомную «Живописную Россию», выпустил в свет пять томов «Географическо-статистического словаря Российской империи», и, наконец, он же, вместе с акад. В. И. Ламанским, руководил таким во многом непревзойденным до сих пор изданием, как «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Среди вышедших томов (издание осталось незавершенным) есть и том, посвященный Средней Азии, — «Туркестанский край» В. И. Масальского. На эту хорошо написанную, доброту сделанную, точную и полную для своего времени сводную работу мы еще не раз будем ссылаться.

«Туркестанский край» состоит из трех частей (отделов): «Природа», «Население», «Замечательные населенные места и местности». Одна из глав отдела «Население» посвящена истории Средней Азии. В этой главе В. И. Масальский собрал все, что было известно об истории данного региона к моменту выхода книги.

«История Туркестана, — справедливо отмечал автор, — представляет глубокий, захватывающий интерес. Немногие страны испытали столько превратностей судьбы, столько войн, нашествий, кровавых смут и усобиц, как Средняя Азия... Судьбы Средней Азии представляют, однако, выдающийся интерес не только трагизмом происходивших здесь событий, но и важностью их для истории всей человеческой культуры»¹. С чего же начинается история этого региона? «Первым крупным и вполне достоверным историческим событием в жизни Средней Азии было завоевание ее основателем персидской монархии Киром...»².

Ну а что же было до Кира (т. е. до VI в. до н. э.)? «Следы доисторического человека в Туркестане, несмотря на все основания найти таковые здесь в изобилии, чрезвычайно скудны и почти совершенно не изучены. Если не считать нескольких сомнительных находок каменных орудий, то исследование памятников доисторической эпохи началось лишь с 1904 г., когда американская экспедиция под руководством Пемпелли приступила к раскопкам в Закаспийской области близ Анау и в Гаур-кала, древнейшем городище старого Мерва»³. Огромное же большинство памятников старины, с некоторым удивлением отмечает В. И. Масальский, относится «к сравнительно недавнему мусульманскому периоду...»⁴.

Итак, к 1913 г. из эпохи до ахеменидского нашествия было известно о «нескольких сомнительных находках каменных орудий» и кое-что о какой-то странной культуре Анау.

Более того, даже сами памятники домусульманского времени в своем большинстве не попали в поле зрения ученых. Те же, которые уже были зафиксированы историками, характеризовались примерно так, как описывает В. И. Масальский Кара-депе (у станции Артык): это «огромный курган, насыпанный, по преданию, более тысячи лет тому назад»⁵. И это все, что знали в начале нашего века о поселении эпохи энеолита, которое не просто богато, а прямо-таки насыщено предметами материальной культуры. К тому же все в этой фразе о Кара-депе, кроме определения «огромный», неверно: это не курган, никто здесь холм специально не насыпал, да и возник он не тысячу лет назад, а гораздо раньше...

За время, прошедшее после выхода в свет «Туркестанского края», наши знания об истории Средней Азии не только резко возросли в количественном отношении — они стали качественно иными. Дело в том, что мы впервые получили сведения о целых эпохах в жизни среднеазиатских народов, о неведомых доселе культурах, городах и государствах. Все это дало возможность представить историю Средней Азии не в виде отдельных фрагментов, а как связанное целое. Кроме того, исследования советских археологов, историков, лингвистов, антропологов, географов, искусствоведов, проводившиеся в особенно широких масштабах с начала 50-х годов

XX в., позволили удлинить историю этого региона на многие тысячелетия. В частности, стало возможным реконструировать и культуру древних земледельцев Южного Туркменистана, существовавшую с VI до начала I тысячелетия до н. э., т. е. в течение пяти тысяч лет!

Но для того чтобы получить подобные результаты, советским ученым пришлось проделать огромную работу. Прежде всего нужно было выявить и нанести на карту если не все, то, во всяком случае, возможно большее количество исторических памятников. Затем следовало провести раскопки⁶. Причем одни памятники оказались к настоящему времени раскопанными полностью, другие — частично, а на третьих удалось лишь заложить разведочные шурфы. Гигантскую массу нового материала, добытого археологами, требовалось систематизировать, определить, к какому времени относится тот или иной предмет, а нередко — просто понять, что вообще найдено. Не менее важно было разобраться во взаимосвязях отдельных комплексов материальной культуры каждого памятника, а также установить их между всеми комплексами всех памятников. Нужно было, наконец, просто описать находки и опубликовать их...

Легко сказать «просто», но ведь описание, классификация любой найденной «мелочи» — это тоже труд, нередко однообразный и утомительный. Когда же первичная, так сказать, черновая работа была проделана, на очередь стали вопросы реконструкции хозяйства, быта, общественных отношений и, наконец, контактов древних земледельцев Южного Туркменистана с другими народами Древнего Востока. Важно было также определить место культуры южнотуркменистанских земледельцев в общей истории человечества.

Естественно, что работа эта далека от завершения: не все еще раскопано, не все опубликовано, не все понято, — но и уже известные нам результаты поражают воображение.

Ныне мы знаем, например (причем не менее «достоверно», чем о походе царя Кира), о занятиях джейтунцев в VI тысячелетии до н. э., о планировке их домов и поселков; о переселении племен на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. и об антропологическом составе населения Южного Туркменистана в ту эпоху; знаем мы и о том, как изменялась техника изготовления посуды, как

менялись ее формы и росписи на сосудах. Ныне известно, в какие игрушки играли дети намазгинцев и как менялись женские прически, столь же подверженные моде, как и в наше время; мы знаем о первых каналах и первых городах, о возникновении ремесла и появлении классовых различий, о верованиях этих людей и о многом, многом другом...

О древних земледельцах Южного Туркменистана и рассказывается в этой книге. В ней повествуется о седом Джейтуне и поселении живописцев — Песседжике, о великой Намазге и великолепном Кара-депе, о созвездии Геоксюрюв и городе золотого быка — Алтыне...

Это книга о тех, кто создал одну из замечательнейших культур нашей страны, и о тех, кто открыл ее для нас с вами.

¹ В. И. Масальский. Туркестанский край. СПб., 1913, с. 273—274.

² Там же, с. 275.

³ Там же, с. 318. Правильнее писать Пампелли.

⁴ Там же, с. 317.

⁵ Там же, с. 633.

⁶ Только за восемь лет (1955—1962) были произведены раскопки на 11 памятниках; вскрытая площадь превысила 15 тыс. кв. м.

Первые земледельцы и первые живописцы

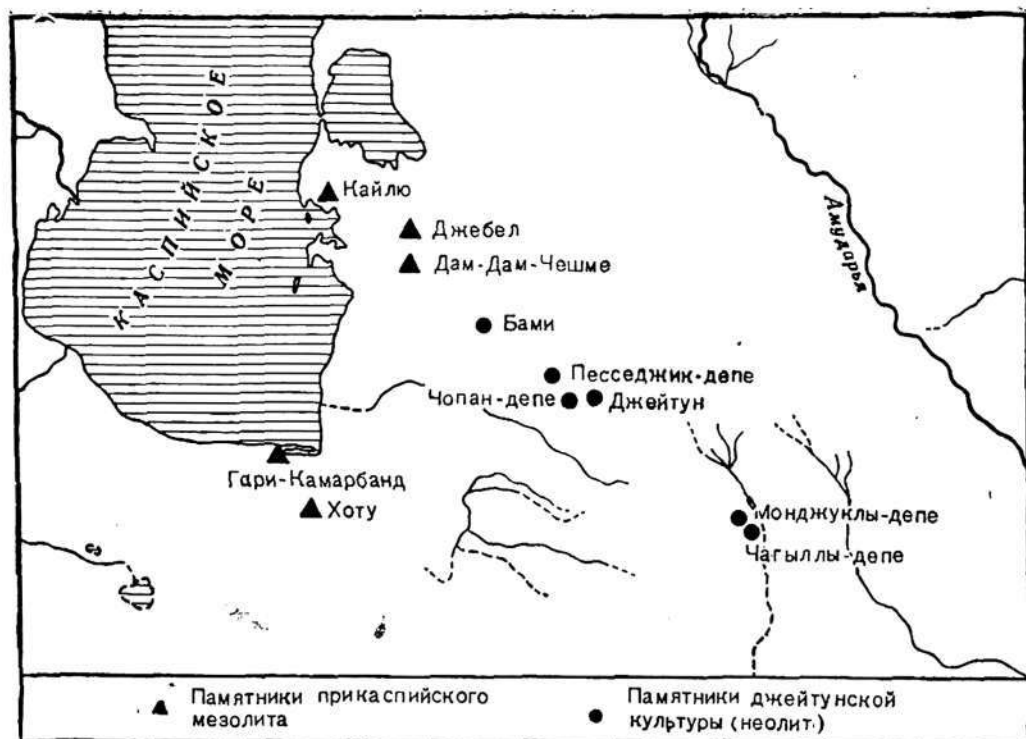
Охотники Джебела

Раскопками последних десятилетий установлено, что в эпоху новокаменного века (неолита), в VI тысячелетии до н. э., в подгорной полосе Копетдага возникла культура древних земледельцев, существовавшая затем и в медно-каменном веке (энеолите), и в эпоху бронзы — в течение примерно 5 тыс. лет! Назвали эту культуру джейтунской — по имени типичного, тщательно исследованного поселения Джейтун, расположенного недалеко от Ашхабада. Так как памятники предыдущей эпохи — мезолита (среднекаменного века) — здесь не найдены, остается предполагать, что предки джейтунцев пришли откуда-то в эти места.

Откуда же? И чем они занимались до того, как стали здесь, между Копетдагом и Каракумами, создавать поселки, сеять ячмень и пшеницу, разводить овец и коз, поклоняться богине плодородия?

Как ни обидно, но ответов на эти вопросы нет, и мы поэтому не можем решить многие важные проблемы, например узнать истоки джейтунской культуры, выяснить некоторые аспекты происхождения культурных растений и домашних животных. Но, не имея возможности получить, если можно так сказать, прямые ответы на интересующие нас вопросы, мы все же кое-что узнаем, познакомившись с жизнью тех племен, которые в мезолите (X—VII тысячелетия до н. э.) жили совсем недалеко от джейтунцев — у берегов Каспийского моря.

О прикаспийском мезолите узнали сравнительно недавно, и большая заслуга в его изучении принадлежит А. П. Окладникову. Этот энергичный археолог и неуро-

Средняя Азия и Иран в эпоху мезолита и неолита

мимый путешественник за многие годы своей деятельности провел полевые исследования на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии и Монголии. Он открыл удивительные наскальные изображения на берегах Лены и Ангары, написал интереснейшие книги о своих путешествиях и исследованиях, был избран академиком и стал заслуженным деятелем науки трех республик — Российской, Якутской и Бурятской. Но все это было потом, а тогда, 25 октября 1947 г., когда А. П. Окладников подходил к пещере Джебел, расположенной в 3—4 км от станции Джебел Ашхабадской железной дороги, он был прежде всего и больше всего известен своим открытием остатков неандертальца в пещере Тешик-Таш в Узбекистане (1938 г.).

А. П. Окладников принадлежит к тому типу археологов, которые непременно что-нибудь находят, где бы они ни появились (правда, можно сказать и иначе: они начинают раскопки только там, где можно что-либо найти). Так было и на этот раз: при первом же посещении пещеры Джебел Окладников установил, что в ней «имеются относительно мощные отложения, в которых

находятся следы деятельности людей, пользовавшихся каменными орудиями...»¹. И Окладников раскопал эту пещеру целиком, хотя и не во время первого посещения, а несколько позже, в 1949—1950 гг.

Раскопки показали, что в мезолите и неолите здесь жили охотники и рыболовы, причем ловили они не морскую, а речную рыбу. Значит, где-то неподалеку протекала река. Так как поблизости от Джебела имеется только одно сухое русло, то это упрощает наши поиски: речь может идти лишь об Узбое. В таком случае остается предположить, что в мезолите Узбой был действующим водотоком.

Напомним, что Узбой — это ныне сухое русло, по которому в прошлые эпохи Амударья неоднократно сбрасывала часть своих вод в Каспийское море. Если посмотреть на карту, то можно увидеть, что Узбой вытекал из Сарыкамышской впадины (озера) и, обойдя с юга горы Большой Балхан, впадал в Каспий. Последний раз Узбой «работал» сравнительно недавно — в XV—XVI вв.; и сейчас в его долине можно видеть соленые и даже пресные озера, существующие за счет подземного питания.

Десять-двенадцать тысяч лет назад обитатели Джебела, подойдя к выходу из пещеры, видели перед собой не выжженную солнцем равнину с прорезающим ее сухим руслом, а широкую, полноводную реку, берега которой покрывали пойменные (тугайные) леса. Река изобиловала рыбой, и джебельцы в большом количестве употребляли в пищу сазанов и осетров. Но обитатели пещеры питались не только рыбой — не меньшую роль в их рационе играло мясо.

Это закономерно: раз была вода, то были и копытные, приходившие на водопой. И джебельцы в полной мере пользовались выгодами своего положения: судя по найденным костям, они добывали джейранов, куланов и диких быков; били (или каким-то способом ловили) птиц, преимущественно, видимо, водоплавающих; добывали также и пушных зверей — лисиц и каких-то диких кошек². Вид последних, впрочем, определить не удалось (из-за плохой сохранности костей) даже такому мастеру в этой области, как зоолог В. И. Цалкин, который много сделал для реконструкции животного мира Средней Азии в интересующее нас время.

Обилие диких копытных не должно нас удивлять: действующий Узбой — это не только вода, но и пастбища. Около самой воды тянулись тугайные леса, дальше от реки, там, где для деревьев уже не хватало влаги, шла полоса сухолюбивых кустарников, а еще дальше начиналась степь, постепенно переходившая в пустыню. Словом, в районе Узбоя в те далекие от нас времена можно было наблюдать ту же гамму растительных сообществ, которую мы и сейчас видим, скажем, на берегах Сырдарьи.

Однако обилие пастбищ могло объясняться не только наличием в Узбое воды, но и несколько более прохладным и влажным климатом того времени.

Сейчас местность вокруг Большого Балхана и по восточному побережью Каспия — типичная пустыня. А в X—VII тысячелетиях до н. э.? Тут мнения специалистов расходятся, хотя и не столь сильно, как кажется некоторым из них.

Палеогеограф Г. Н. Лисицына, непреременный участник экспедиций, изучающих культуру древних земледельцев Южной Туркмении, работает над реконструкцией той природной среды, которая их окружала. Она считает, что в мезолите климат Прикаспия в целом мало чем отличался от современного³. Засушливый климат, близкий к существующему, полагает Г. Н. Лисицына, установился примерно 15 тыс. лет назад. В последующем если климатические колебания и происходили, то «были столь незначительными, что не находили своего отражения в растительном и животном мире»⁴. Она вполне обоснованно указывает на тот факт, что состав растительности не отличался от современного и на территории Туркмении обитали те же животные, что и в наши дни.

Другие авторы полагают, что колебания климата были более значительными. По их мнению, в эпоху палеолита в ряде районов Средней Азии «установился относительно влажный климат»; в VI—III тысячелетиях до н. э. «отмечалось изменение климата в сторону большей влажности»⁵. Сторонники этой точки зрения вполне резонно указывают, что в то время в Каракумах и особенно в Кызылкумах, прямо посреди нынешней пустыни, существовали обширные стойбища, которые начинают пустеть на рубеже III—II тысячелетий до н. э.

Только в Кызылкумах в последние годы обследовано около тысячи (!) пунктов и стоянок эпохи неолита. Поселения эти существовали, несомненно, у постоянных источников воды или у непересыхающих пресных водоемов. Уровень пресных вод был выше, а число озер больше, многие ныне соленые озера (например, Лявляканские) были в то время пресными.

Археолог А. В. Виноградов и географ Э. Д. Мамедов полагают, что в VII—III тысячелетиях до н. э. пустыни, видимо, были сдвинуты на юг на 700—1000 км по сравнению с их современными границами и значительную (если не бóльшую) часть площади нынешних пустынных районов занимали в то время степи или сухие степи. Осадков выпадало больше — не 75—150 мм в год, как, скажем, на большей части Туркмении в наше время, а 250—450 мм; средняя температура июля была на 8—9° ниже, чем теперь в южной части Кызылкумов⁶. К этому можно добавить, что в то же время увлажнение климата отмечается и в Сахаре, которая представляла собой не пустыню, а саванну, кормившую многочисленные стада антилоп, слонов и жираф.

Не будем дольше задерживаться на этой дискуссии, ибо ученые, придерживающиеся различных точек зрения, в сущности, не столько противоречат друг другу, сколько говорят на разных языках примерно одно и то же. Прежде всего, налицо некоторая нечеткость в терминологии, выражающаяся в том, что смешиваются такие понятия, как «смена климата» и «колебания климата». Когда речь идет о коренном изменении климата, о смене одного климата другим, предполагается перестройка всего ландшафта, коренное изменение почв, растительности, животного мира. При колебаниях же климата происходит лишь некоторое потепление или похолодание, иссушение или увлажнение, не вызывающее, однако, коренных изменений ландшафта. Видимо, для Южной Туркмении в интересующие нас эпохи были характерны не смены, а именно колебания климата.

Однако даже если полностью согласиться с Г. Н. Лисицыной, то из этого нельзя вывести заключение о неправоте ее оппонентов. В самом деле, те «незначительные» колебания климата, о которых она говорит, могли иметь (и наверняка имели) огромные последствия для человека. Было, скажем, чуть-чуть холоднее, немного бо-

лее влажно... Следовательно, богаче были пастбища, больше было копытных... Ко всему этому следует добавить и то обстоятельство, что в мезолите не существовало еще скотоводства вообще и кочевого скотоводства в частности. А раз так, то не было, естественно, и стравливания скотом пастбищ, превращения закрепленных песков в движущиеся, перевеваемые. Таким образом, в мезолите и неолите при том же в принципе засушливом климате в Средней Азии могла быть обстановка, напоминающая ту, о которой пишут А. В. Виноградов и Э. Д. Мамедов, даже при отсутствии коренных изменений климата.

Итак, примем за основу предположение, что природная среда, окружавшая джеббельцев, была более благоприятна для человека, чем современная. Это настолько важное положение, что мы не раз еще будем вспоминать о нем, а сейчас вернемся к обитателям Джебела.

Каким способом ловили они рыбу, мы не знаем, но охотились, используя скорее всего лук и стрелы. Во всяком случае, А. П. Окладников нашел в пещере кремневые наконечники стрел различных типов. Кроме охоты и рыболовства джеббельцы занимались сбором дикорастущих съедобных растений, прежде всего зерен злаков, о чем свидетельствуют найденные обломки зернозерок. А в неолите обитатели Джебела начали как будто бы заниматься и скотоводством. Об этом говорят находки костей овец и коз, которые, по определению В. И. Цалкина, с известной долей уверенности можно считать принадлежащими уже домашним животным.

Джеббельцы обитали в пещерах вплоть до начала эпохи бронзы, т. е. в течение длительного времени (в неолите) сосуществовали с джейтунцами. Когда в предгорьях Копетдага люди уже создали довольно высокую земледельческую культуру, построили поселки, научились выделывать отличную посуду и покрывать стены святилищ фресками, обитатели Джебела обходились еще примитивной глиняной посудой, украшениями из морских раковин и так и не смогли перейти к земледелию. Знали ли они о своих соседях-земледельцах? Какова была последующая судьба обитателей пещеры? Этого мы не знаем...

Другие памятники мезолита Прикаспия — грот Кайлю (в 20 км от Красноводска), пещеры Дам-Дам-Чеш-

ме около Небит-Дага, а также североиранские памятники Гари-Камарбанд и Хоту. Обитатели этих пещер, так же как и джебелыцы, были охотниками и собирателями; как и последние, они со временем стали приручать овец и коз (жители Гари-Камарбанда одомашнили козу уже в VII тысячелетии до н. э.).

А дальше? Дальше начинаются логические умозаключения, догадки и предположения, нередко противоречащие друг другу. И это понятно: не хватает материала по такому важному вопросу, как происхождение джейтунцев и их связь с прикаспийскими племенами.

Но прежде — о схеме: она ясна, бесспорна и состоит в следующем: в XI—VII тысячелетиях до н. э. в ряде районов Ближнего Востока складываются условия для перехода племен охотников и собирателей к земледелию и скотоводству. Они приручили, а затем и одомашнили диких баранов, козлов, быков, кабанов. В своих странствиях эти племена то и дело попадали в места, богатые дикорастущими злаками, прежде всего ячменем и пшеницей. Дело началось, естественно, со сбора зерен этих злаков, а кончилось их возделыванием, чем мы и занимаемся до настоящего времени. В общем, как догадывался еще Лукреций Кар:

Первый посева пример и образчик прививки деревьев .
Был непосредственно дан природою, все создающей...

(Лукреций Кар. О природе вещей, кн. V)

Уже в конце VI — первой половине V тысячелетия до н. э. у прикаспийских племен появляются глиняная посуда и топоры из полированного камня — предметы материальной культуры, характерные для неолита, а также серпы с кремневыми вкладышами.

Постепенно от сбора зерен дикорастущих злаков люди перешли к их возделыванию. Но это, естественно, было удобнее делать не на небольших, нередко труднодоступных горных плато, а в предгорьях, где есть обширные участки ровной поверхности, почва плодородна, достаточно воды и много солнца. Уйти дальше от гор было нельзя — там начиналась пустыня. К тому же селиться в предгорьях представлялось более выгодным, так как в горах был лес, который давал необходимый строительный материал.

Подводя итог своим многолетним исследованиям культуры древних земледельцев Южного Туркменистана, советский археолог В. М. Массон пишет, что в X—VII тысячелетиях до н. э. в целом ряде областей Передней Азии благодаря накоплению производственного опыта, высокой производительности орудий труда, общему культурному и хозяйственному развитию сложились предпосылки для перехода к новым видам хозяйства. «Вызревали условия для становления новой экономики, складывались реальные предпосылки для этого решающего скачка в истории человечества. Отражением этих процессов явилось образование ряда раннеземледельческих культур, складывавшихся на основе местных культурных традиций и, как правило, независимым друг от друга путем»⁷. Так человек от присвоения готовых продуктов — охоты, рыболовства и собирательства — перешел к производству продуктов, т. е. к земледелию и скотоводству.

Такова схема. И какие бы новые детали мы ни узнали, как бы ни расцветивалась ее живая ткань, основы схемы вряд ли будут существенно изменяться. Но когда мы от нее пытаемся перейти к конкретному вопросу — происхождению джейтунцев, то, как уже говорилось, сталкиваемся с недостатком фактического материала.

В самом деле, вот культура джебелских охотников и рыболовов, а вот земледельческая культура джейтунцев. Есть ли между ними хоть что-то общее? Да, кое-что есть. Так, наблюдается несомненное сходство орудий, особенно изделий из кремня. Зато ничего (или почти ничего) общего нет между керамикой джебелцев и джейтунцев. С одной стороны, прослеживаются связи джейтунской культуры с мезолитическим комплексом Гари-Камарбанда, но, с другой — материала все же недостаточно, чтобы прямо, непосредственно связать джейтунцев с прикаспийским мезолитом, генетически вывести их из него.

«В целом,—предполагает В. М. Массон,—кремневый инвентарь Джейтуна и Джебела производит впечатление двух ветвей одного общего корня»⁸. Может быть, действительно джейтунцы, так сказать, не дети прикаспийцев, а их братья? То есть и джейтунцы, и известные нам племена прикаспийского мезолита произошли от кого-то третьего, кто нам еще неизвестен?

Пока ответа на этот вопрос еще нет, и мы можем утверждать лишь следующее: предки джейтунцев пришли откуда-то с гор, вероятно, с юга, ибо они имели домашних животных и семена культурных растений, пригодных для возделывания. Пустыня же никогда не была местом их первичной доместикиации. Джейтунцы находились в каком-то родстве с мезолитическим населением Прикаспия, но в каком — мы не знаем. Зато сравнительно легко можно ответить на другой вопрос — почему предки джейтунцев обосновались в предгорьях Копетдага.

*Копетдаг
и подгорная полоса.
Прошлое и настоящее*

Начнем с настоящего — так, пожалуй, легче. И начнем, естественно, с Копетдага: ведь если бы его не было, то не было бы и подгорной полосы.

Копетдаг — это северная часть Туркмено-Хорасанских гор. В пределах СССР он протянулся на 650 км, достигая наибольшей высоты 2942 м (гора Ризе) и образуя ряд параллельных хребтов с крутыми, обрывистыми склонами; горы труднодоступны, прорезаны глубокими ущельями.

Осадков в Копетдаге больше, чем в других районах Туркмении: 300—500 мм в год. По мере подъема в горы пустыня сменяется сухой степью, а последняя — горными степями; выше 2200 м идут горные луга. На высотах свыше 1500 м можно видеть арчевые редколесья, в которых в виде примеси встречается невысокий клен туркменский. Арча (можжевельник туркменский) — дерево, достигающее 12—15, а иногда и 20 м в высоту, с бугристым, неровным стволом.

Особенно богата и разнообразна растительность в ущельях, по берегам ручьев. В густых зарослях встречаются шиповник и боярышник, ежевика и барбарис, кизильник и алыча, инжир и гранат, грецкий орех и дикий виноград, яблоня и клен, вяз и тополь.

Вдоль Копетдага протянулась та самая подгорная полоса — родина культуры древних земледельцев, которую туркменский географ А. Г. Бабаев не случайно назвал «благословенной»⁹. Особенно сильное впечатле-

ние она производит, когда смотришь на нее с вершины холма или, скажем, со стен древней Нисы — некогда одной из резиденций парфянских царей, называвшейся в те времена Митридатокертом.

...Позади — стена Копетдага, внизу, прямо перед нами, — цветущая, полная жизни равнина. Видны селения, сады и виноградники, поля, а дальше, у горизонта, — пески пустыни... Ослепительное солнце, южное, безоблачное небо; зеленая полоса предгорий; коричневатожелтоватый Копетдаг; желтая полоса Каракумов — поразительная гамма красок, запоминающаяся на всю жизнь.

Таковы впечатления. А что говорят географы?

Прикопетдагская подгорная полоса — это наклонная к северу равнина шириной от 5 до 20—40 км. На значительном протяжении она отделена от передового хребта Копетдага грядами холмов (баиров) высотой до 400 м. Осадков в подгорной полосе меньше, чем в горах, но больше, нежели в Каракумах. За год выпадает в среднем 228 мм (в Ашхабаде — 233 мм). Толщина снежного покрова всего 1—8 см. В Ашхабаде снег лежит в среднем 13 дней в году, но в отдельные годы его вообще не бывает. Средняя температура января $+0,9^{\circ}\text{C}$ (наименьшая -26°C), июля $+29,9^{\circ}\text{C}$ (наибольшая $+48^{\circ}\text{C}$); длительность безморозного периода — 230 дней; 1 кв. см поверхности получает здесь в течение года в среднем 160 больших калорий тепла, т. е. вдвое больше, чем в центральных районах европейской части СССР. Большая часть дождей выпадает в конце зимы и весной. Лето — пять месяцев сухой и жаркой погоды (май — сентябрь).

Прикопетдагская подгорная полоса орошается небольшими речками и ручьями, стекающими с гор. Они мелки и маловодны, но роль их в жизни человека, в особенности в истории становления производящего хозяйства, огромна. Воды в этих речках действительно мало: все копетдагские речушки, ручейки и родники, вместе взятые, имеют среднегодовой расход 12 куб. м воды в секунду, т. е. почти в 3 раза меньше, чем расход воды в Теджене у Пулихатуна (32 куб. м в секунду). А ведь Теджен — речка тоже не очень большая, по расходу воды она в 3 раза меньше Москвы-реки (109 куб. м в секунду).

Но, повторяем, роль копетдагских ручьев велика: они дают жизнь двум цветущим оазисам — Ахалскому (западная часть подгорной равнины) и Атекскому (ее восточная часть). Все они полностью разбираются на орошение и хозяйственные нужды. Их воды давно уже не хватает для быстро развивающегося хозяйства Туркменской республики, почему и сооружается Каракумский канал, уже доведенный до Геок-Тепе (к западу от Ашхабада).

Почвы подгорной полосы плодородны. Это прежде всего сероземы, содержащие 1—1,5% гумуса, имеющие значительные запасы фосфора и калия. Есть здесь и такыровидные почвы (гумуса — до 1%), дающие — при орошении — также неплохой урожай. Но самые ценные — орошаемые почвы, сформировавшиеся за последние тысячелетия в результате деятельности человека и отличающиеся очень высоким плодородием.

Такова в самом сжатом, сухом описании подгорная полоса сегодня. Ну а что она представляла собой 7—8 тыс. лет назад, когда предки первых земледельцев спустились с гор? Что нашли в предгорьях Копетдага создатели одной из древнейших земледельческих культур?

«В те далекие времена, — пишет А. Г. Бабаев, — как и сейчас, к югу от равнины поднимался Копетдаг. Как и сейчас, особенно хорош он был на рассвете, когда не замутнен еще горизонт и в прохладную эмаль бледного неба словно врезан волнистый гребень гор. Встающее солнце, еще не сжигающее, а мягкое, низким боковым освещением подчеркивает объемность хребтов и ущелий. Розовым и палевым теплеют восточные склоны, в синем холоде стыннут затененные...»¹⁰.

К этой красочной и, несомненно, точной картине стоит лишь добавить, что и тогда, так же как и теперь, с севера к подгорной полосе подступали Каракумы. Но были и отличия. Вот они-то и сыграли немалую роль в том, что предки джейтунцев облюбовали для жизни именно эти места.

Проведя тщательные палеоботанические исследования, изучив современную флору Туркмении, проанализировав многочисленные литературные данные, Г. Н. Лисицына смогла воссоздать природную обстановку в подгорной полосе в эпохи неолита, энеолита и бронзы.

Большое значение в этой работе имело определение пород деревьев и кустарников по углям, найденным при раскопках поселений¹¹.

Анализ показал, что угли арчи встречаются на памятниках, расположенных недалеко от подножия гор (Кара-депе, Намазга-депе, Улуг-депе), и отсутствуют на поселениях, которые находятся сравнительно далеко от Копетдага (Джейтун). Сейчас заросли арчи попадаются, как уже говорилось, примерно с высоты 1500 м, причем склон Копетдага, обращенный к пустыне, совершенно безлесен. Вероятно, в VI—V тысячелетиях до н. э. северные склоны гор были покрыты арчевыми лесами, которые спускались и в предгорья, во всяком случае, до высот 400—500 м над уровнем моря, а скорее всего и ниже.

Тяжелая, прочная, красивая древесина арчи играла, видимо, настолько большую роль в хозяйстве древних земледельцев, что они даже изображали это дерево на керамике, на которой рисунков других деревьев не обнаружено. Возможно, этому способствовали не только ценные механические качества арчи, но и то, что она даже внешне резко отличается от других деревьев, растущих в Туркмении, как единственная хвойная порода в этом районе, и, возможно, именно с ней были связаны какие-то воспоминания, существенные для племен, пришедших с гор, где арча была самым обычным, распространенным деревом.

В пользу значительной лесистости Копетдага в прошлом говорит и такое соображение. Мы уже упоминали Нису — древнюю парфянскую крепость и царскую резиденцию, расположенную недалеко от Ашхабада. Раскопана она была в 1946—1960 гг. советскими археологами во главе с блестящим знатоком Древнего Востока М. Е. Массоном, отцом В. М. Массона. Замечательные работы М. Е. Массона дали огромный материал о многих сторонах хозяйства, культуры, быта парфян; бесценные сведения получены об архитектуре Нисы. В частности, оказалось, что обнаруженный там так называемый квадратный зал имел размеры 20×20 м, а перекрытия в нем были деревянными.

Трудно представить себе, чтобы лес везли из дальних стран. Скорее всего и джейтунцы, и впоследствии парфяне находили его, что называется, под руками. И не

какое-то там мелколесье, а настоящий, высокоствольный лес, в котором можно было рубить деревья минимум метров в двадцать пять, а скорее даже в тридцать; иначе, отрубив тонкую верхушку, невозможно было получить бревно длиной более 20 м, необходимое, скажем, для перекрытия того же квадратного зала.

Есть, наконец, и прямое, достаточно надежное свидетельство: знаменитый древнегреческий географ Страбон в своей «Географии» писал, что Парфиена «лесиста, гориста и бедна». А Парфиена — это историческая область, занимавшая в древности район Туркмено-Хорасанских гор (в систему которых входит Копетдаг) и Прикопетдагскую подгорную полосу.

Теперь можно сделать некоторые выводы. Во-первых, нынешнее безлесье Копетдага — результат деятельности человека (в неолите горы были покрыты арчевыми лесами)¹²; во-вторых, лесистость Копетдага способствовала обилию воды. Ведь вырубка лесов ведет к обмелению рек. И действительно, исследования показали, что в энеолите, например, речки, стекавшие с Копетдага, заходили гораздо дальше на север и были полноводнее, чем сейчас. Впрочем, что говорить об энеолите, если только за последние 30 лет суммарный сток копетдагских речек сократился на 50%¹³. Да и число их в свое время было большим, чем в наши дни, ибо некоторые речки и ручьи вообще исчезли за прошедшие тысячелетия.

Но и это еще не все: сейчас копетдагские речушки не имеют по своим берегам древесной растительности. Не то было в неолите, энеолите и бронзовом веке: анализ углей показал, что в те времена берега рек были покрыты такими же тугайными лесами, какие и теперь можно видеть, скажем, на Теджене. Интересно, что тугайная растительность интересующих нас эпох, по словам Г. Н. Лисицыной, по своему составу «чрезвычайно близка» к современной. Чаще всего встречаются угли карагача и тополя, реже — клена, тамарикса и ясеня. Знаменательна находка углей саксаула на Джейтуне и Песседжике, свидетельствующая о том, что пески в те времена находились неподалеку от этих поселений.

Учитывая все эти факты, нельзя не согласиться с Г. Н. Лисицыной, которая писала: «Растительные ландшафты, а следовательно, и природные условия рассмат-

риваемых районов за последние 7 тыс. лет почти не изменились»¹⁴.

Да, почти... Но это «почти», как видите, включает в себя и обезлесение гор, и уничтожение тугаев вдоль рек, и обмеление рек, и как результат всего этого «сжатие», уменьшение подгорной полосы, наступление на нее Каракумов. Кроме того, на эту разрушительную деятельность людей могло наложиться и некоторое ухудшение климата на рубеже III—II тысячелетий до н. э., о чем мы уже говорили.

Но в VI тысячелетии до н. э., когда предки джейтунцев появились на подгорной равнине, они нашли там, замечает Г. Н. Лисицына, все, что им было нужно для перехода к производящему хозяйству: плодородные почвы, которые при наличии орошения могли давать богатые урожаи; климатические условия, позволявшие в некоторых районах развивать даже богарное земледелие; водные источники, которые могли обеспечить население водой круглый год; древесную растительность, дававшую населению топливо и строительный материал; прекрасные кормовые угодья для развития скотоводства¹⁵.

Это полный и точный ответ на вопрос о том, почему предки джейтунцев обосновались в предгорьях Копетдага: лучшего места поблизости просто не было.

Так что же нам известно на сегодняшний день о тех самых джейтунцах, которые выбрали себе для жизни столь привлекательное место, как Прикопетдагская подгорная полоса?

Но прежде — как был открыт Джейтун.

Открытие Джейтуна

Когда говорят или пишут об открытии Джейтуна, обычно называют несколько имен, в том числе и ашхабадского археолога А. А. Марущенко, сыгравшего немалую роль в изучении культуры древних земледельцев. Просматривая работы по этой проблеме, можно узнать, что именно он открыл такие исторические памятники, как Монджуклы-депе и Баба-Дурмаз (1935 г.), Тоголок-депе (1939 г.), Бамийское поселение (1951 г.), Чопан-депе (1952 г.), а также Елен-депе, Шор-депе, Тайчанак-депе и многие другие...

А. А. Марущенко с неутомимостью первопроходца открывал все новые и новые памятники, собирал «подъемку» — тот материал, который лежал непосредственно на поверхности холма, закладывал шурфы, производил небольшие раскопки... И получилось так, что его упоминают чуть ли не во всех работах, посвященных древнеземледельческим культурам Средней Азии, но на труды его ссылаются очень редко. И не потому, что они ненадежные, сомнительные — нет, просто их крайне мало. Ведь огромное большинство собранных А. А. Марущенко материалов так и осталось неопубликованным. Не приходится поэтому удивляться, читая об А. А. Марущенко такие, например, строки: «Им собран большой материал, к сожалению почти совершенно неопубликованный»¹⁶.

Все это написано вовсе не в плане осуждения или хотя бы критики — такова характерная особенность деятельности А. А. Марущенко. В самом деле, одни входят в историю науки грандиозными раскопками, другие — смелыми гипотезами, третьи — монументальными монографиями, четвертые — и тем и другим одновременно. Марущенко вошел в историю изучения древних земледельцев как первооткрыватель, проложивший путь последующим экспедициям. Так что этот ашхабадский археолог внес свой вклад — и, добавим, немалый — в изучение древней культуры Туркмении. Исследование Джейтуна также связано с его именем.

В 1937 г. от одного из жителей селения Киши Ашхабадского района он получил сведения о том, что в 30 км к северу от Ашхабада есть место, где часто находят кремни — прямо посреди песков. Это песчаный бугор, называемый местным населением Чакмакдаш-бейик, т. е. «возвышение с каменными кресалами». Рядом с ним расположена водосборная яма, именуемая Джейтун. Позднее, когда бугор был обследован и здесь нашли древнее поселение, его так и называли — Джейтун.

Но тогда, в 1937 г., бугор назывался иначе, и вот до него-то и добрался неутомимый ашхабадский археолог и собрал подъемный материал, свидетельствующий о том, что памятник относится скорее всего к эпохе неолита. В 1944 г. окрестности Джейтуна были обследованы геологами. Но по-настоящему работы на этом поселении начались лишь после создания в 1946 г.

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, которая сыграла огромную роль в изучении древней и средневековой истории Туркмении. В течение многих лет эту экспедицию возглавлял М. Е. Массон, и в то время, когда он проводил раскопки на Нисе, другой отряд этой же экспедиции — XIV — специально занимался изучением культуры древних земледельцев.

С 1952 г. во главе XIV отряда ЮТАКЭ встал Б. А. Куфтин, и эти работы развернулись на широком фронте. И хотя Б. А. Куфтину удалось поработать в подгорной полосе Копетдага всего один сезон, сделать он успел очень и очень много.

Б. А. Куфтин — советский этнограф и археолог, известный прежде всего своими блестящими археологическими исследованиями в Триалети (Грузия) и получивший Государственную премию СССР (1942 г.) за монографию об этих работах (Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси. Т. I, 1941). Приехав в 1952 г. в Туркмению, Б. А. Куфтин с поразительной энергией (особенно удивительной, если учесть его возраст — как никак 60 лет) и размахом приступил к решению узловых вопросов истории древнеземледельческой культуры. За два месяца, с 9 октября по 10 декабря, его отряд обследовал более 20 поселений, т. е. практически почти все известные в то время памятники первобытнообщинного строя в подгорной полосе Копетдага. «Работа, — писал Б. А. Куфтин, — велась в трех направлениях: а) маршрутных разведок, б) стратиграфических шурфовочных исследований и в) стационарных раскопок крупных строительных площадей»¹⁷.

На Джейтуне Б. А. Куфтин побывал дважды, вместе с А. А. Марущенко. Был заложен шурф, прорезавший культурный слой, собран подъемный материал; среди найденных предметов — обратите на это внимание — оказался и вкладыш от серпа. Но А. А. Марущенко даже после этой находки продолжал считать Джейтун лишь временной стоянкой охотников-собирателей диких растений — и ошибся... Куфтин же сразу (и совершенно правильно) охарактеризовал Джейтун как оседло-земледельческий памятник эпохи неолита. Вот его вывод, во многом определивший направление последующих работ: «Этот культурный слой, содержащий в себе образ-

цы керамики с красным ангобом, состоящий из очажных отложений с пятью последовательными уплотненными слоями типа полов, кости животных и кремневые пластинки с обработкой, указывал на существование здесь хотя и недолговечного, но оседлого поселения»¹⁸.

С большим подъемом Б. А. Куфтин готовился к обширным раскопкам следующего полевого сезона, когда несчастный случай внезапно оборвал жизнь яркого, талантливому ученого. Случилось это 2 августа 1953 г. ...

Во главе XIV отряда встал В. М. Массон, приступивший с 1955 г. к раскопкам Джейтуна. Активное участие в них принимали археологи И. Н. Хлопин и В. И. Сарияниди. Именно эта «бригада» и раскопала Джейтун. Раскопки поселения велись в очень тяжелых, изнуряющих условиях. «Часто песчаные бури, — вспоминает В. И. Сарияниди, — на несколько дней прерывали работы — археологам и рабочим приходилось отсиживаться в наглухо застегнутых палатках. Песчаные лавины начисто заметали раскопы. Приходилось по нескольку раз откапывать уже знакомые места. Работе мешала и каракумская жара»¹⁹.

Раскопки 1958 г., когда археологи вскрыли центральную часть поселения и получили массовый материал, позволили ввести в науку термин «джейтунская культура», получивший с тех пор широкое распространение. К концу полевого сезона 1963 г. Джейтун был раскопан почти целиком, что дало ценнейшие материалы, составившие эпоху в изучении древнеземледельческих культур Средней Азии. Причем все находки тщательно изучены и опубликованы — наиболее полно в итоговой монографии В. М. Массона «Поселение Джейтун»²⁰.

Так что же мы знаем сегодня о Джейтуне и его обитателях?

Домики из «булок»

«Я раскопал на берегу океана нетронутый курган. Я нашел там, как полагается, — иронизирует в „Острове пингвинов“ А. Франс, — каменные топоры, бронзовые мечи, римские монеты и монету в 20 су с изображением Луи-Филиппа I, короля Франции»²¹.

Археологи, раскопавшие Джейтун, также могли бы

сказать, что они на краю пустыни раскопали нетронутое поселение и, как полагается, нашли там различные предметы материальной культуры, за исключением тех, которых там и не должно было быть, — вроде монеты в 20 су... Но кроме этого советские ученые вскрыли и тщательнейшим образом изучили жилые и хозяйственные постройки, а также планировку поселения в целом.

Раскопки Джейтуна показали, что поселение не имело ни улиц, ни площадей, представляя собой хаотическое скопление (так что слово «планировка» можно употреблять лишь условно) небольших однокомнатных домов. Сложены они были из сырцовых кирпичей, вернее, протокирпичей — глиняных «булок», как называли их археологи. Всего на Джейтуне одновременно существовало не более 30 таких домиков, поражающих удивительным сходством друг с другом.

Дома представляли собой квадратные в плане сооружения таких, например, размеров: $5 \times 4,6$ м; $5,75 \times 5,75$ м; $3,75 \times 3,5$ м. В каждом из них имелся массивный очаг, перед которым нередко находилась небольшая площадка, обнесенная глиняным валиком. Ее обожженная поверхность свидетельствует о том, что сюда выгребали угли. Напротив очага — выступ в стене, а в нем — небольшая ниша. Стены штукатурили глиняно-саманным раствором, т. е. глиной, смешанной с рубленой соломой, и иногда окрашивали в черный или желтоватый цвет; пол выбеливали известкой и красили красной, черной, белой красками. Единственная, пожалуй, разница между домами, не считая размера, заключалась в том, что в одних очаг располагался у северной стены, а в других — у восточной.

«Этот тип домов, — пишет В. М. Массон, — и взаимное расположение отдельных элементов выдерживался с такой последовательностью, что достаточно было в ходе раскопок обнаружить один из составных элементов (дверь, очаг или выступ), чтобы совершенно определенно наметить планировку всего дома, неизменно подтверждавшуюся при дальнейшем вскрытии»²².

Около домов находились хозяйственные постройки и небольшие дворики, окруженные (во всяком случае, некоторые) глиняными заборами. Хозяйственные строения сооружались не столь тщательно, как жилые дома, и часто перестраивались. В них обнаружены ямы (одна

имела 80 см в диаметре и глубину 80—100 см), стены которых покрывались глиняно-саманной штукатуркой. Подобные хозяйственные ямы известны на многих древнеземледельческих поселениях Ближнего Востока.

Дома сооружались, как уже говорилось, из глиняных «булок», а перекрывались бревнами. В сечении «булки» были овальными, в поперечнике — 20—25 см, длиной 60—70 см. В глину, из которой изготовлялись протокирпичи, подмешивалась крупнорубленая солома; «булки» также клались на глиняно-саманном растворе.

Возникает вопрос: почему джейтунцы применяли «булки», а не квадратные в сечении кирпичи, явно более удобные в работе? Видимо, такой кирпич — не первый, а минимум второй уровень строительной техники, которая началась именно с «булок». Возможно, что последние имитировали отрезки бревен.

Когда дом ветшал, его обрушивали до высоты 50—60 см. Образовавшуюся грудку строительного мусора выравнивали, утрамбовывали, в результате чего получалась строительная площадка, на которой и возводили новый дом. Всего на Джейтуне оказалось три строительных горизонта. Первый (верхний) и второй из них раскопаны полностью, третий же, расположенный непосредственно на песке бархана, вскрыт лишь частично.

Археологи не раз натыкались на отложения песка внутри культурного слоя: пустыня, несомненно, была рядом. Особенно часто такие включения встречаются в северной части поселения, обращенной к Каракумам.

Возможно, именно сильные ветры и побудили джейтунцев сооружать дома без окон (а может быть, тогда их еще просто не знали) и с узкими дверными проемами; вращающихся дверей не было, о чем говорит отсутствие подпятников. Узкий дверной проем, впрочем, мог быть и наследием прошлого: предки джейтунцев жили в пещерах, и чем уже был в них вход, тем легче было отбиваться от нападений хищников. Но, конечно, узкий проем с не меньшей степенью вероятности может свидетельствовать и о стремлении сократить доступ холодного воздуха в помещение, на что обращает внимание В. М. Массон. Дверные проемы наверняка чем-либо закрывались. Это могли быть деревянные щиты, шкуры, тростниковые циновки.

Около очагов во многих домах найдены прокаленные

и растрескавшиеся камни. Но зачем джейтунцам нужно было класть камни в огонь очага?

Известно, что многие народы использовали раскаленные камни для приготовления пищи. Такой способ был, например, широко распространен в докерамическом неолите Перу. Раскаленные на огне костра или очага камни опускали в деревянные или кожаные сосуды с водой, которая довольно быстро закипала. В 1974 г. в Литве археолог В. Е. Щелинский на практике продемонстрировал мне весь этот несложный процесс. В сосуд, им же изготовленный из кожи коровы, В. Е. Щелинский с помощью двух палок опускал раскаленный камень. Вода закипала, рыба в ней быстро разваривалась.

Несомненно, однако, что варить пищу, особенно мясо, в глиняном сосуде все же проще. Сосуды из глины у джейтунов были, но вот котлов для варки пищи у них не оказалось. Более того, у археологов вообще нет данных о том, что джейтуны использовали глиняную посуду для приготовления пищи на огне. Позже, в энеолите, на других поселениях Прикопетдагской подгорной полосы кухонные котлы уже появились.

Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать о домах джейтунов. Неясным остался только вопрос о назначении той самой небольшой ниши, которую джейтуны считали необходимым сооружать в выступе стены, причем непременно напротив очага. Ниши эти настолько малы, что поместить в них какой-либо сосуд невозможно. И все-таки ниши эти существовали, да еще притом тщательно окрашивались черной, белой и красной красками.

Обратите внимание на такое довольно-таки странное обстоятельство: на поселении не обнаружено никакого специального культового сооружения. Предметов же культа — статуэток людей и животных — найдено немало. Видимо, полагает В. М. Массон, в каждой семье было свое изображение (статуэтка) божества, которое и помещалось в этой загадочной нише.

Ну а как же с общим святилищем: что же, его вообще не было? На этот вопрос дать точный ответ пока невозможно. Остается лишь предполагать, что такое святилище могло находиться вне поселения.

Таков был неолитический Джейтун с его примитивнейшей архитектурой. Но, как верно подметил

В. М. Массон, в этой неказистой архитектуре крылись огромные потенциальные возможности, реализованные позднее в строительстве монументальных храмов и дворцов²³. И действительно, на Чагыллы-депе появляется сырцовый кирпич той формы, которая и сейчас принята во всем мире, а на Алтыне уже начинается сооружение храмовых комплексов...

В. И. Сарияниди — московский археолог, принимавший активное участие в раскопках Джейтуна и многих других поселений древних земледельцев Южного Туркменистана, — обращает внимание на другую особенность джейтунской архитектуры — устойчивое сохранение в течение длительного времени ее основных принципов. В своей книге «Тайны исчезнувшего искусства Каракумов» он пишет, что, возникнув по крайней мере в VI тысячелетии до н. э., эти архитектурные принципы устойчиво сохранялись на протяжении всех последующих тысячелетий, являясь типичными для домостроительной техники Востока. «Глина как основной строительный материал, толстые стены, сохраняющие прохладу даже в самый жаркий день, — вот те основные элементы строительной техники, которые в наилучшей степени отвечали условиям сухого, жаркого климата Востока»²⁴.

Мы начали разговор о посуде в связи с находками камней около очагов, да так его и не окончили. Так вот, посуду свою джейтуны лепили от руки, тщательно заглаживая поверхность сосудов. В глину подмешивалась рубленая солома. Одни сосуды джейтуны раскрашивали, другие — нет. Расписывали их красной краской, после чего обжигали. После обжига роспись приобретала темно-коричневый или каштановый (реже малиновый) цвет. Рисунок на сосудах весьма простой: как правило, это волнистые линии или нечто похожее на угловые скобки, реже — сетчатый рисунок. Обжиг не очень качественный. Число форм посуды ограничено: корчаги — сосуды, предназначенные скорее всего для хранения припасов; небольшие чаши; «салатницы».

Последнее название археологи дали четырехугольным сосудам, поразившим их своей странной формой. В самом деле, для гончаров характерно стремление к шаровидным формам — четырехугольную посуду делать труднее. И все-таки джейтуны лепили именно четырех-

угольные «салатницы». Зачем? Археологи предполагают, что такие изделия — результат подражания сосудам докерамического времени, скорее всего деревянной колоде.

Оценивая джейтунскую керамику в целом, В. М. Массон отмечает, что количество ее невелико, формы грубы и архаичны, орнаментация примитивна, словом, это явно первые ступени гончарного мастерства. «На неолитическом Джейтуне, — подводит он итог, — глиняный черепок является более редкой находкой, чем кремневые орудия»²⁵. Последних же действительно множество.

Но прежде чем перейти к рассказу о них, следует представить читателям еще одного исследователя. Надо сказать, что древним земледельцам Южного Туркменистана повезло: в наше время над изучением их культуры работают не только мужчины, но и женщины — даровитые, энергичные, целеустремленные. Видимо, не зря древние земледельцы поклонялись богине-матери...

О палеогеографе Г. Н. Лисицыной мы уже писали; об А. И. Шевченко и Н. М. Ермоловой, изучающих диких и домашних животных, с которыми имели дело древние земледельцы, мы еще будем говорить; теперь же речь пойдет о Г. Ф. Коробковой — исследователе орудий древнего человека.

Г. Ф. Коробкова — ленинградский археолог, участник археологических экспедиций в различные районы Советского Союза и автор многих научных работ. К изучению орудий труда древних земледельцев Средней Азии она применила трасологический метод. Этот вспомогательный метод в археологии разработал известный советский ученый, специалист по материальной культуре древнего человека С. А. Семенов, получивший за свои работы Государственную премию СССР 1974 г. Метод этот заключается в следующем²⁶.

Известно, что на рабочей поверхности орудий труда всегда остаются следы от той работы, которую выполняло данное орудие. Это и заполированная поверхность, и выкрошенность (или затупленность) края, и выбоины, и стертости, и царапины... Любой такой след свидетельствует о характере работы, т. е. о назначении (функции) орудия. Изучаются они под микроскопом, производится

микрофотосъемка. Но, рассматривая фотографию, на которой видна покрытая какими-то линиями или выбоинами поверхность каменного орудия, археолог не может определить, в результате чего эти линии и выбоины образовались.

Вопрос решается путем эксперимента. Археологи изготавливают орудия из тех же материалов и тем же способом, каким их создавали люди каменного века. Этими орудиями современный человек, имитируя деятельность своего далекого предка, рубит, пилит деревья (разных видов, обладающих разными механическими свойствами), очищает их от коры, разбивает кости животных, снимает с них шкуры, скоблит их, выделывает кожи, режет мясо, вскапывает землю палками-копалками, жнет каменными и бронзовыми серпами пшеницу и ячмень, обмолачивает зерно, одними орудиями обрабатывает другие...

Естественно, что на этих орудиях, изготовленных сегодня, после их употребления остаются следы работы. Такие орудия также фотографируют, изучают под микроскопом, полученные результаты сравнивают с результатами изучения древних орудий, и это дает возможность точно установить, как и для чего применялись те или другие типы орудий людьми каменного века.

Орудия, изготавливаемые археологами, настолько схожи с орудиями, созданными людьми каменного века, что С. А. Семенов, заканчивая в каком-либо месте полевые исследования, в последние годы стал уничтожать орудия, сделанные его сотрудниками. Говорят, что это понадобилось после того, как один местный археолог обнаружил изготовленные и брошенные экспедицией С. А. Семенова орудия, изучил их и написал статью об открытии древней стоянки... Только то, что статья этого археолога попала на отзыв к самому С. А. Семенову, спасло «первооткрывателя» от позора²⁷.

С. А. Семенов и его сотрудники побывали в самых различных районах страны и везде проводили эксперименты, о которых рассказано в упомянутых книгах. Если читать об этих экспериментах интересно, то наблюдать за ними интереснее во много раз. Летом 1971 г. в районе села Воронцовки Адлерского района Краснодарского края мне удалось наблюдать, как сотрудники Кавказского опытного археологического отряда Инсти-

туда археологии АН СССР во главе с С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой проводили эксперименты.

...Ущелье небольшой горной речки. На склонах — роскошный буковый лес, у самого берега — заросли самшита. Влажная, липкая жара... Тишина, только шумит бегущая по камням речушка... На берегу, у валунов, сидят археологи А. Е. Матюхин и В. Е. Щелинский. Оба — полуобнаженные, загоревшие, обросшие, всклокоченные; в руках — крупная речная галька; чуть в стороне — записные книжки и часы, необходимые для хронометрирования всех операций.

Работа археологов, в считанные минуты изготавливавших каменные орудия, рубивших ими деревья, скобливших шкуры животных, производила прямо-таки ошеломляющее впечатление. Судя по этнографическим материалам, документальным кинофильмам, старинным рисункам, все — и приемы, и позы, и движения современных мастеров — ничем (на глаз) не отличалось от действий первобытного человека. И я могу повторить лишь то, что уже как-то писал: ученые хорошо «вжились в роль»²⁸.

Так вот, этот-то трасологический метод Г. Ф. Коробкова и применила для изучения орудий джейтунцев. И, как красочно писал Владимир Орлов, «тубус микроскопа стал нежданно как бы зрительной трубой, позволяющей сквозь даль времен заглянуть в пещерную мастерскую и увидеть тонкие подробности ранней колыбели труда»²⁹.

Подробности, которые удалось установить Г. Ф. Коробковой, оказались действительно «тонкими». Она выяснила, из чего изготавливались орудия, каково было их назначение, как обрабатывались камень и кость и многое другое... Результаты исследований Г. Ф. Коробкова обобщила в монографии «Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии»³⁰. Что же удалось ей узнать об орудиях джейтунцев?

Прежде всего необходимо сказать, что Г. Ф. Коробкова изучила, по ее словам, «абсолютно все» найденные каменные и костяные изделия джейтунской культуры. А их немало: только на одном Джейтуне за 1957—1964 гг. собрана коллекция в 6669 экз. Ясно, что труд проделан поистине титанический.

Оказалось, что бо́льшая часть изделий выделялась

из кремня (97,03%), а остальные — из кости (1,81%) и различных мелкозернистых пород камня (1,16%), прежде всего кремнистого известняка и халцедона. На самом деле, конечно, состав орудий — по материалу — был у джейтунцев несколько иным: ведь до нас не дошли изделия из дерева.

Оказалось также, что индустрия Джейтуна весьма богата и разнообразна как по набору орудий, так и по технике их изготовления. Среди орудий труда мы видим ножи, скребки, серпы, пилки, сверла, скобели, проколки, шилья, отбойники, ретушеры, ложила. Обнаружены также ядра для пращи — небольшие галечки шаровидной формы, оббитые со всех сторон приемом так называемой точечной техники; шлифовальная плитка из мелкозернистого песчаника, использовавшаяся для заточки изделий из камня; обломки зернотерок; прекрасно отшлифованные топорики (кельты) из мыльного камня. Среди орудий больше всего вкладышей серпов (более 34%) и различных скребков и скобелей (около 27%).

Индустрия Джейтуна, отмечает Г. Ф. Коробкова, носит микролитический характер и отличается рядом архаических черт (и в самой технике обработки камня, и в изготовлении орудий труда), которые сохранились с мезолита³¹. Микролиты — это мелкие каменные орудия, иногда геометрических форм (треугольники, трапеции, сегменты). Характерны они для мезолита, но встречаются и в неолите. В. М. Массон подчеркивает, что именно в создании миниатюрных кремневых орудий джейтунцы достигли «подлинной изощренности».

На Джейтуне найдено 350 микролитов; использовались они как вкладыши для составных режущих и метательных орудий. Оставим вопрос о метательных орудиях и остановимся на режущих, прежде всего на серпах. Последние имели для жителей поселения особое значение — ведь они были земледельцами!

Составные серпы изготавливались, вероятно, так: в деревянной или роговой рукоятке (прямой по форме) вырезался паз, в него вставляли кремневые вкладыши, которые скорее всего как-то закреплялись. Известно, что в Европе и на Ближнем Востоке это делалось с помощью битума.

С. А. Семенов заинтересовался вопросом, прочно ли битум удерживает вкладыши в рукоятке? Были изго-

товлены серпы по образцу древних составных и в районе Дубингай (Литовская ССР) проведены эксперименты. За шесть часов работы был срезан камыш (высотой более 2,5 м и диаметром 8—9 мм) на площади 312 кв. м двумя серпами, в которых кремневые вкладыши были закреплены битумом. За это время из прямого (деревянного) серпа не выпало ни одного вкладыша, а из изогнутого (рогового) выпало два. Такими же серпами срезали ивовые и березовые ветки до 8 мм в диаметре³². Как видите, битум достаточно прочно удерживает вкладыши в ручке серпа. Так что если джейтунцы действительно закрепляли в своих серпах вкладыши с помощью каких-либо смол, то они имели вполне надежные орудия для уборки урожая.

Из других кремневых орудий стоит обратить внимание на боковые скребки для обработки шкур животных; на резчики-скобели, которыми резали и скоблили деревянные изделия; на пилки (ими пилили камень, раковины, кость, дерево); на вкладыши ножей (составными ножами разделявали туши убитых животных). Из кости изготовляли прежде всего скобящие орудия. Так, из лопаток животных делали орудия для скобления кожи, а также и для ее лощения (лошила); из кости же выделялись шилья и иглы.

Интересно, что орудия труда распределены по поселению довольно равномерно; видимо, их выделяли практически в каждой семье. И еще любопытный факт: среди найденных на Джейтуне предметов почти полностью отсутствуют отщепы с галечной поверхностью. Отщепы — это осколки, отбитые от кремня рукой человека. Раз отщепов с галечной, т. е. естественной, поверхностью нет, значит, первичная обработка кремня производилась не в Джейтуне. Как предполагает Г. Ф. Коробкова, это делалось в районе месторождения, а на поселение приносили уже готовые к расщеплению нуклеусы.

Нуклеус — кусок кремня (или какого-либо другого камня), от которого отбивались или отжимались отщепы или ножевидные пластины, а уже из них выделялись различные орудия. Нуклеусы использовались на Джейтуне до самой последней возможности. Вероятно, отсутствие поблизости качественного кремня, трудность его добычи и заставляли джейтунцев бережно относиться-

ся к сырьевым ресурсам. «Экономное, предельное использование сырья и орудий труда, — пишет Г. Ф. Кобрякова, — становится характерной чертой джейтунской индустрии»³³.

Откуда же джейтунцы получали кремень? Скорее всего его добывали где-то в Копетдаге; там же, видимо, производили первичную обработку, а на Джейтун приносили полуфабрикаты — нуклеусы. Однако никаких каменоломен джейтунцев в Копетдаге пока не найдено.

Вот, пожалуй, то главное, что хотелось рассказать об орудиях джейтунцев. Как вы помните, чаще всего среди орудий попадаются вкладыши для серпов. Что же ими жали? И где? Ведь сейчас здесь барханы...

Что они сеяли и кого разводили

Просто так посреди песков пшеницу не посеешь — нужна вода. В великой полосе пустынь, «которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Тарию вплоть до наиболее возвышенной части азиатского плоскогорья, — писал Ф. Энгельс в письме К. Марксу 6 июня 1853 г. — Первое условие земледелия... — это искусственное орошение...»³⁴. Откуда же брали воду джейтунцы?

А она у них была, и притом в достаточном количестве. Об этом говорит и сам факт длительного существования поселения на одном месте; и состав растительности — типично тугайной; и находки серпов, зерен пшеницы и ячменя; и огромное количество соломы, добавлявшейся в глину, которая шла на строительство, ремонт домов и изготовление посуды. Только на возведение стен жилых домов Джейтуна (без учета хозяйственных сооружений) потребовалось, по расчетам В. М. Массона, 10 т самана. А солома — такой же продукт земледелия, как и зерно, и чтобы она появилась, также нужна вода.

Вопрос с водой оказался достаточно трудным, и для его решения потребовались усилия представителей трех наук: геолога (Л. Г. Добрин), археолога (В. М. Массон) и палеогеографа (Г. Н. Лисицына). В результате изысканий было установлено, что во времена существования Джейтуна воды Карасу, небольшой речушки, сте-

кающей с Копетдага, проникали на север дальше, чем в наши дни. Сейчас воды этой речки целиком разбиваются на орошение уже в среднем течении, в древности же ее дельта находилась недалеко от Джейтуна.

К югу от поселения тянется песчаная гряда, в которой были обнаружены пропилы. Именно по ним-то воды Карасу в древности и прорывались на север. Затем, следуя уклону местности, они поворачивали на запад и разливались на ровном месте прямо перед Джейтуном, к юго-востоку от поселения. Сейчас место прошлых разливов Карасу представляет собой отакыренное понижение, поросшее верблюжьей колючкой, а некогда именно здесь находились поля джейтунцев. Почвенный шурф, заложенный тут в 1962 г. Г. Н. Лисицыной, показал, что под современной такырной почвой находится древний почвенный слой толщиной 85 см.

Одно из древнейших на нашей планете, поле джейтунцев обрабатывалось и орошалось самыми примитивными способами. Вопрос о том, как джейтунцы орошали поля, был предугадан за три десятилетия до первых раскопок на Джейтуне. Это научное предвидение связано с именем талантливого советского инженера-ирригатора Д. Д. Букинича. Изучив труды экспедиции Р. Пампелли, собрав материалы на поселениях Анау и Намазга-депе у Каахки и опираясь на глубокое знание современного ему земледелия Средней Азии, Д. Д. Букинич пришел к выводу, что первым было так называемое «сбросовое орошение», которое теперь принято именовать лиманным.

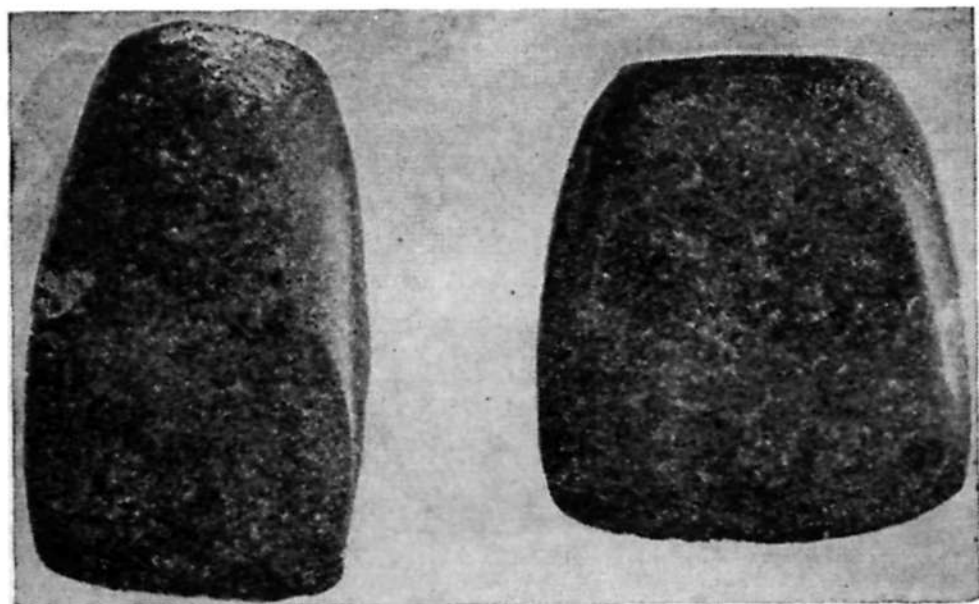
Напомним, что под лиманами понимаются не только расширенные устья рек, превратившиеся в мелководные заливы (например, всем известные черноморские и азовские лиманы), но и скопления талой воды в понижениях местности. Эти мелководные озера, образуемые весной, летом пересыхают. Отсюда и понятие лиманного орошения, под которым подразумевают глубокое одно-разовое увлажнение почвы весной водами местного стока.

Д. Д. Букинич, изучая лиманное орошение в Туркмении, пришел к выводу, что первые посевы в предгорьях Копетдага производились в полосе так называемых затихающих вод, на такырах. Речки, стекающие с гор, образовывали в подгорной полосе широкие разли-

вы; здесь отлагался плодородный ил, принесенный полой водой. Достаточно было оградить участок земли на месте такого разлива небольшими валиками для удержания воды — и участок становился орошаемым полем.

Этот примитивнейший способ орошения сохранялся кое-где в Туркмении до 20-х годов нашего столетия. Д. Д. Букинич сам наблюдал, как после паводка по влажной почве разбрасывались зерна пшеницы. «При исключительных паводках, или снегах, — писал он, — местность не может подвергнуться сильному затоплению, так как начинает проявляться регулирующее действие песков, впитывающих огромное количество сброшенной воды. Человек на таких залитых глинистых такырах пострадать не может — он только заберется на свой курган или ближайший бархан и выждет, пока жаркое солнце пустыни быстро высушит разлившееся море воды»³⁵. Ну чем не описание Джейтуна, сделанное человеком, который, еще раз подчеркнем это, ничего не знал о нем?!

Исследования последних десятилетий показали, что Д. Д. Букинич оказался прав, и нам остается только поражаться глубине его научного предвидения, сделанного на основе небольшого количества фактов. Идея

Каменные топоры. Джейтун. Неолит

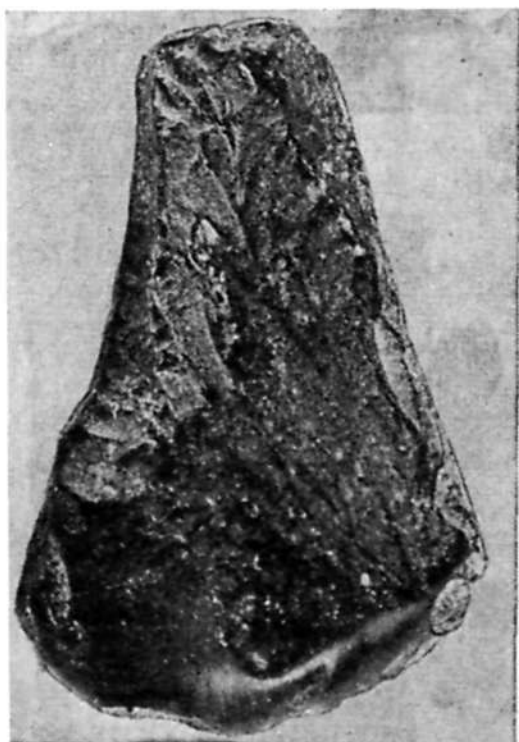
Д. Д. Букинича о лиманном орошении оказалась той путеводной нитью, с помощью которой удалось выбраться из лабиринта фактов, полученных при изучении хозяйства древних земледельцев Южной Туркмении.

Но если мы знаем, как джейтунцы орошали поля, что они сеяли и как убирали урожай, то неясным остается вопрос о способах обработки почвы. Дело в том, что ни лопаты, ни мотыги, ни сохи, ни плуга на Джейтуне не найдено. Что ж, может быть, его жители просто разбрасывали по влажной земле зерна злаков, как это делалось кое-где еще в 20-х годах XX в.?

Такую возможность нельзя было исключить до тех пор, пока на Чагыллы-депе и Бами не нашли каменные диски диаметром 11—15 см с отверстием в центре; после этого мысль археологов обратилась к палке-копалке. Трасологическим методом было доказано, что каменные диски с дыркой — это утяжелители для палки-копалки. Следовательно, она у джейтунцев была, и именно ею-то и вскапывалось поле (деревянные палки-копалки, естественно, не сохранились).

Интересно, что на Джейтуне утяжелители не найдены. Значит, жители этого поселения пользовались палкой-копалкой без них. Такие палки известны у ведда, австралийцев, индейцев Северной и Южной Америки. Утяжелители появились лишь на поздней стадии развития джейтунской культуры, изобретенные каким-то неизвестным нам техническим гением с Чагыллы-депе, Бами или какого-либо еще поселения.

Насчет технического гения сказано не ради красного словца.

*Каменный кетмень.
Чакмаклы-депе. Энеолит*

Плоское каменное кольцо с дыркой посередине — действительно блестящее техническое новшество, резко повысившее производительность труда древних земледельцев. Так что это был, конечно, гораздо более значительный факт в развитии техники, чем, скажем, переход от одной модели самолета к другой в наше время.

То, что использование утяжелителя давало значительный эффект, доказано экспериментами. Г. Ф. Коробкова в своей книге «Орудия труда...» рассказывает, что археологи, работая палками-копалками то с утяжелителями, то без них, убедились в том, насколько повышается производительность труда с применением утяжелителей.

Следующим крупным техническим новшеством было появление каменной мотыги: в 1967 г. это орудие найдено на Чакмаклы-депе. Однако находка относится уже не к неолиту, когда процветал Джейтун, а к более поздней эпохе — к энеолиту. Отсутствие мотыг у джейтунцев настораживает, ибо в то же время в Хассуне (Ирак) и в Сиалке (Иран) земледельцы уже пользовались этим орудием. Трудно решить, в чем тут дело: то ли мотыги чисто случайно не сохранились на Джейтуне, то ли техника здесь была более застойной в своем развитии, чем у соседних племен, то ли она развивалась иными путями.

Каменная мотыга из Чакмаклы оказалась прообразом того среднеазиатского кетменя, который, став железным, дожил до наших дней. «Употребление кетменя при различных земляных работах положительно универсально... — писал В. И. Масальский. — Кетмень заменяет плуг, лопату, заступ, лом, сапку и т. п.; им устраиваются грядки и валики и проводятся оросительные борозды и каналы; он служит для уничтожения корки или так называемого спекания на лессовой почве и для ее разрыхления, для выкапывания сорных трав и мотыжения посевов, для постройки запруд, рытья ям, выравнивания дорог и проч.»³⁶.

Сейчас кетмень во многом вытеснен машинами, но там, где приходится применять ручной труд, он и в наши дни остается незаменимым орудием в условиях Средней Азии. Думается, что и древние земледельцы Южного Туркменистана использовали свои каменные

мотыги не менее широко, чем их потомки — железные кетмени.

Учитывая все сказанное, можно реконструировать примерно такую картину земледельческих работ в Джейтуне: весной Карасу разливалась и около Джейтуна возникало мелководное озеро, быстро высыхающее под жаркими лучами южного солнца. После того как вода испарялась, влажную почву разрыхляли палками-копалками и засеивали пшеницей и ячменем. Когда зерновые поспевали, их жали составными серпами, обмолачивали, веяли и сушили, но какими способами все это делалось, мы не знаем. Затем зерно доставляли в поселение. В чем? Возможно, в глиняных сосудах, но скорее в плетеных корзинах.

Меньшая часть зерна рушилась в ступах и затем растиралась на зернотерках, после чего из растертого зерна (муки? или это еще была не мука?) пекли хлеб. Но вполне возможно, что зерно до ruшения обжаривалось: ранние формы культурных злаков отличаются твердой оболочкой, отделить которую не так-то легко. Недаром на раннеземледельческих поселениях археологи находят так много обгорелых зерен. Возможно, что хлеб в то время вообще еще не выпекали, а после растирания зерно употреблялось в виде каши.

Большую же его часть надо было хранить длительное время, до следующего урожая. Возможно, зерно держали в крупных сосудах (корчагах), но скорее в ямах, обмазанных глиной. Туркменский археолог О. Бердыев отмечал, что хранение зерна в таких ямах практикуется и поныне населением Южного Туркменистана, причем зерно в них не портится.

Как уже не раз говорилось, основными зерновыми культурами у джейтунцев были пшеница и ячмень. Так как в подгорной полосе эти злаки не произрастают, то джейтунцы, видимо, принесли их с собой, со своей прародины. Ведь район обитания их предков был в то же время и одним из центров происхождения культурных растений. Детально проблему таких центров разработал выдающийся советский биолог, путешественник и общественный деятель Н. И. Вавилов.

Талантливостью, разносторонностью дарований, широтой интересов Н. И. Вавилов чем-то напоминал П. П. Семенова-Тян-Шанского. Н. И. Вавилов был гене-

тиком и селекционером, географом и путешественником, президентом ВАСХНИЛ и президентом Всесоюзного географического общества, создателем уникальной мировой коллекции культурных растений Всесоюзного института растениеводства (ВИР) и членом ВЦИК. Он был автором «Закона гомологических рядов в наследственной изменчивости» и многих работ по происхождению культурных растений. Блестящие научные работы, многочисленные (и весьма результативные) экспедиции, яркость таланта, высокая принципиальность — все это создало Н. И. Вавилову мировую известность. «Многогранность его научных исследований,— пишет советский селекционер, академик ВАСХНИЛ Н. А. Майсурян, — позволила Н. И. Вавилову поднять в науке такие мощные пласты, разработка которых была посильна только его научному гению»³⁷.

Н. И. Вавилов прозорливо связал вопросы происхождения домашних животных и культурных растений с проблемой возникновения древних цивилизаций. Он писал: «Проблема происхождения домашних животных так же, как происхождения культурных растений, связана с историей народов: она есть часть истории материальной культуры... география первобытных цивилизаций мира совпадает в значительной мере с географией мирового распределения первоисточников культурных растений»³⁸.

Н. И. Вавилов установил, что центры происхождения культурных растений находятся в горных районах; среди семи таких центров он выделил и Юго-западно-азиатский, куда включил Малую Азию, Кавказ, Иран, Афганистан, Среднюю Азию и Северо-Западную Индию. Здесь, полагал Н. И. Вавилов, возникли многие виды пшеницы, ржи, различные зернобобовые, дыня, лен, ряд плодовых культур и овощей, так что один этот центр дал около 14% всех культурных растений, используемых человечеством.

В более поздней работе он разделил этот центр на два — Среднеазиатский и Переднеазиатский. В последний Н. И. Вавилов включил Малую Азию, Закавказье, Иран и горы Туркмении. В списке культурных растений этого очага (или центра) числится 84 растения. Заканчивая главу о Переднеазиатском очаге происхождения культурных растений, Н. И. Вавилов писал: «Этот очаг

замечателен прежде всего исключительным богатством видов культурных пшениц... *В Передней Азии сконцентрирован мировой потенциал европейского плодоводства...* Новейшими данными показано, что все мировое виноградарство, весь основной ассортимент винограда заимствованы из Передней Азии... *Из Передней Азии ведут свое начало важнейшие кормовые травы»*³⁹.

В рассказе о Копетдаге мы уже перечисляли растущие там плодовые деревья и кустарники, многие из которых были впоследствии введены человеком в культуру; к ним остается теперь добавить встречающиеся в этих же горах дикую пшеницу и дикий ячмень, лен и люцерну, клевер и различные огородные растения. И сейчас в Копетдаге можно видеть заросли дикого ячменя, местами образующего сплошной покров. А к востоку от этих мест, недалеко от афганской границы, дикого ячменя так много, что до Великой Октябрьской социалистической революции русские переселенцы пытались даже косить и обмолачивать его. Этому, однако, мешали ломкость колосьев и небольшие размеры зерен; зато дикий ячмень с успехом использовался как кормовое растение.

Так что предки джейтунцев жили, можно сказать, среди зарослей дикого ячменя и дикой пшеницы, зерна которых они собирали и использовали в пищу; когда же обитатели гор двинулись на поиски лучших мест, они захватили с собой и зерна этих злаков. Так пшеница и ячмень попали в Прикопетдагскую подгорную полосу.

Итак, Южный Туркменистан не случайно оказался одним из тех мест на земном шаре, где земледелие возникло в глубокой древности. Этому способствовали и благоприятные природные условия, и наличие племен охотников-собирателей, находящихся на достаточно высоком уровне развития и готовых поэтому сделать следующий шаг — перейти к земледелию и скотоводству.

Переход к земледелию — один из главных факторов, способствовавших росту производительности труда и накоплению богатств. Земледелие стало более надежным источником получения пищи, нежели охота, рыболовство и собирательство, почему переход к нему сразу же сказался на численности населения: оно стало возрастать быстрее, чем при присваивающем хозяйстве. Наконец, регулярное употребление в пищу продуктов

земледелия имеет огромное значение для человеческого организма, который с этими продуктами получает большое количество столь необходимых ему углеводов.

Переход к земледелию важен еще и потому, что он дал мощный импульс развитию знаний и в конечном счете способствовал появлению современной науки. Занятие земледелием невозможно без знания того, как и когда сменяются времена года, без некоторых, пусть самых элементарных, познаний в почвоведении и агрономии, метеорологии и ботанике, без создания календаря и первых ростков астрономии. Не случайно поэтому, что именно земледелие стало основой всех высоко развитых культур и возникших на их базе цивилизаций.

Но, оказывая такое могучее воздействие на все стороны жизни людей, земледелие — при том уровне развития культуры — неизбежно должно было восприниматься не только как некое реальное явление, но и как нечто сверхъестественное, дарованное богом, а потому и зависящее от него.

Недаром все земледельческие народы с поразительным единодушием считали земледелие даром богов. Древние вавилоняне верили в Таммуза — бога зерна и плодородия, подателя влаги и жизни; древние египтяне считали, что Осирис, бог умирающей и воскресающей природы, был и богом зерна. Как говорится в одном древнем тексте, Осирис принес людям «всемирный свой злак и пищу»⁴⁰. В Ветхом завете можно прочесть, что бог дал людям «всю зелень травную в пищу» (Бытие, 1,30). Деметра, рассказывали в своих мифах древние греки, научила людей возделывать нивы, дала им семена пшеницы, за что и почиталась как богиня плодородия и земледелия...

Такого рода преданий и мифов известно множество, но и сказанного достаточно, чтобы почувствовать все то почитание, которым наши предки окружали земледелие. И это, в общем, легко понять, ибо, как говорится в уже цитированном древнеегипетском тексте, именно Осирис «вводит сытость и являет себя в виде воды. Все дышат, сердца ликуют, утробы радуются, все молятся, все прославляют красоту его... Велика любовь к нему у всех»⁴¹.

Вот эта-то «сытость» и могла появиться лишь в результате перехода к земледелию, ибо только оно давало «неограниченное для тогдашних условий увеличение

жизненных припасов», — отмечал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»⁴². Не понимая естественной закономерности возникновения земледелия, люди отлично понимали в то же время все его значение, что и являлось причиной обожествления.

Верили в божество плодородия и джейтунцы, но как они его называли, мы не знаем: письменности у древних земледельцев Южного Туркменистана не было. Изображения же его, точнее, ее, богини плодородия, в большом количестве встречаются на всех поселениях подгорной полосы. Мы еще не раз будем говорить об этих статуэтках, когда перейдем к духовной жизни, а сейчас обратимся к другой важнейшей отрасли сельского хозяйства — скотоводству.

Для его развития в подгорной полосе были все условия. Ведь этот район находится в том самом Старом Свете, который, по словам Ф. Энгельса, «обладал почти всеми поддающимися приручению животными...»⁴³.

Зоолог А. И. Шевченко, проведя анализ остеологических материалов с Джейтуна, установила, что жители этого селения использовали мясо и шкуры многих животных, и поныне обитающих в тех местах. Но, пишет она, «следует сказать, что у нас нет доказательств, прямо свидетельствующих о наличии среди исследованного материала одомашненных животных»⁴⁴, за одним исключением — собаки: у джейтунцев они, бесспорно, были, как, впрочем, и у их предполагаемых мезолитических предков в Прикаспии.

Однако сама же А. И. Шевченко пишет далее, что, возможно, кроме собаки были одомашнены еще два вида — коза и овца. Кости этих животных дают в совокупности почти 70% всех костей, найденных на Джейтуне. Отличать кости коз от костей овец трудно, почему их и считают нередко вместе, но на Джейтуне преобладали все же козы. Или, точнее, безоаровые козлы, как они и обозначены в цитированной работе А. И. Шевченко. В Копетдаге и сейчас обитают безоаровые козлы и дикие бараны — предки наших коз и овец. Неясно только, когда безоаровый козел и дикий баран были одомашнены. И все-таки кое-что ученым удалось узнать.

Изучая кости безоаровых козлов, найденных при

раскопках Джейтуна, А. И. Шевченко обратила внимание на то, что некоторые фрагменты роговых стержней козлов отличаются хотя и слабым, но положительным скручиванием. Известно, что наличие положительного скручивания — один из признаков одомашнивания.

А. И. Шевченко считает также, что предком джейтунской овцы был азиатский муфлон — один из видов дикого барана, хотя прямых доказательств этому тоже нет. То, что у джейтунцев уже были домашние овцы, подтверждается одним косвенным признаком. Судя по собранным костям, среди овец и коз на Джейтуне явно преобладали молодые особи, а это служит достаточно убедительным (хотя, повторяем, и не прямым) доказательством того, что эти животные или были одомашнены, или находились в процессе одомашнивания. По морфологическим же признакам уловить начальную стадию одомашнивания практически невозможно, ибо они еще только-только начинали проявляться.

Другой зоолог, много работавший в области видового определения животных Южной Туркмении в интересующую нас эпоху, — Н. М. Ермолова, также полагает, что овцы и козы были одомашнены там же, в Южной Туркмении, и происходят они соответственно от диких баранов и безоаровых козлов Копетдага ⁴⁵.

Однако В. И. Цалкин не согласился с приведенными выше соображениями и в своей интересной работе о происхождении домашних животных дал иное решение этой проблемы ⁴⁶. Он полагает, что джейтуны действительно имели домашних коз и овец, но только одомашнены эти виды были вовсе не в Туркмении. По его мнению, коза была одомашнена в Передней Азии и уже, так сказать, в готовом виде попала к джейтунам. Это, конечно, могло быть и так, но могло быть и иначе: ведь факт процесса доместикации безоарового козла на Джейтуне твердо установлен А. И. Шевченко. Но с овцой В. И. Цалкин скорее всего прав. И вот почему.

Количество хромосом у всех домашних овец — 54, а у диких баранов Южной Туркмении — 58. Дикие же бараны Передней Азии имеют те же 54 хромосомы, что и домашние овцы. Следовательно, полагает В. И. Цалкин, овца была одомашнена в Передней Азии (скорее всего в IX тысячелетии до н. э.) и оттуда постепенно распространилась по всему миру.

Исследования хромосом диких баранов, проведенные группой зоологов во главе с Н. Н. Воронцовым⁴⁷, подтвердили правоту В. И. Цалкина. До последнего времени в вопросе о числе видов диких баранов существовал порядочный разнобой — их насчитывали от 1 до 17. Исследование хромосомных наборов показало, что дикие бараны в Европе и Передней Азии имеют 54 хромосомы, в районах от Каспия до Памира — 58 хромосом, а далее, от Памира до Хингана (включая горы Центральной Азии), — 56 хромосом. Таким образом, с неизбежностью следует вывод, что существуют лишь три вида диких баранов. Поскольку у домашней овцы 54 хромосомы, то она произошла не от горных баранов Средней Азии (имеющих 58 хромосом), а от баранов Европы и Передней Азии с их 54 хромосомами. Так как наиболее древние кости домашней овцы обнаружены в Передней Азии, то именно там, где-то на западе Ирана, она и была одомашнена.

Тут, однако, возникает одно затруднение. Вспомним, что у безоаровых козлов с Джейтуна отмечены признаки доместикиации, а среди костей многие принадлежат молодым особям. «Сам факт обилия молодых животных в остатках овец и коз из раскопок Джейтуна, — пишет В. И. Цалкин, — вряд ли может вызвать какие-либо сомнения, а это обстоятельство служит одним из косвенных указаний на наличие домашних особей»⁴⁸. Словом, складывается впечатление, что именно в это время и в этом месте происходило одомашнивание козы и овцы. Но, как уже говорилось, несовпадение хромосомных наборов говорит против доместикиации овцы в Южной Туркмении.

Известно, что домашняя коза обнаружена в докерамических слоях Иерихона и Джармо (VII тысячелетие до н. э.), а овца, по словам В. И. Цалкина, была, возможно, одомашнена даже в IX тысячелетии до н. э. «Иными словами, — делает он вывод, — все упомянутые виды появляются в Передней Азии по крайней мере на 1—2 тыс. лет ранее, чем в Южной Туркмении, — срок достаточно, надо полагать, длительный, чтобы домашнее животное могло быть расселено человеком на значительные расстояния»⁴⁹.

Если мы встанем на эту точку зрения, то получится явное противоречие: в Передней Азии, где происходила

доместикация овцы и козы, находят кости уже домашних животных, а в Туркмении, куда эти животные попали через одну-две тысячи лет, они почему-то оказываются находящимися на самой ранней стадии доместикации. Казалось бы, за прошедшие тысячелетия овца и коза должны были стать, если так можно сказать, еще более домашними по морфологическим признакам, а мы видим обратную картину: ослабление этих признаков в Джейтуне по сравнению с поселениями Передней Азии.

Может быть, доместикация козы и овцы происходила все-таки в разных местах? Может быть, человек пытался одомашнить диких баранов, принадлежащих к разным видам? Может, единый для всех современных домашних овец набор хромосом свидетельствует лишь об итоге длительного соревнования, в котором этот вид вытеснил из хозяйства другие?

Предположим, что процесс одомашнивания овцы в Прикопетдагской подгорной полосе не успел зайти слишком далеко (о чем свидетельствуют находки на Джейтуне) и был прерван появлением в этом районе уже давно одомашненной овцы из Передней Азии с ее 54 хромосомами. Это могло быть вызвано миграциями населения, усилением контактов между племенами или какими-то другими событиями. Возможно, что джейтунцам показалось более выгодным разводить завезенную овцу вместо местной, в результате чего местная, 58-хромосомная овца была заменена переднеазиатской, 54-хромосомной. Тогда будет понятно, почему на Джейтуне процесс доместикации только-только начинался и почему в то же время мы имеем сейчас в этом районе не 58-, а 54-хромосомных овец. История знает примеры, когда человек одомашнивал какое-то животное (например, антилопу в Древнем Египте), но затем оно по каким-то причинам не удерживалось в хозяйстве.

Все это, конечно, не более чем предположения. Знаем же мы лишь то, что джейтунцы имели три вида домашних животных: козу, овцу и собаку. Мы практически не имеем достоверных фактов о формах скотоводства. Не будет, однако, большой ошибкой предположить, что скотоводство было пастбищным. Кормов в подгорной полосе всегда хватало, тем более в джейтунскую эпоху, когда климат был немного мягче, а подгорная полоса шире.

Несомненно, однако, что мяса и шкур домашних животных джейтунцам не хватало, так как они продолжали, подобно своим предкам, активно заниматься охотой.

На водопоях Карасу

На кого же, как и с каким оружием охотились джейтунцы?

Определение А. И. Шевченко костей, найденных при раскопках Джейтуна, говорит о том, что жители поселения добывали джейранов, куланов, кабанов, волков, лисиц, диких (мелких) кошек и зайцев. Так как вопрос об овцах и козах до конца не ясен, то мы можем отнести этих животных и к домашним и к диким формам. Возможно, джейтунцы уже имели домашних овец и коз, но продолжали в то же время охотиться на их диких сородичей. В таком случае перечень зверей, добываемых на охоте, следует пополнить дикими баранами и безоаровыми козлами.

Перечень этот не случаен. Ведь в него входят типичные животные подгорной полосы, и поныне обитающие в этом районе; за прошедшие тысячелетия изменилось лишь то, что кулан здесь к настоящему времени выбит, а дикие бараны и козлы оттеснены в труднодоступные для человека горные районы.

За то, что список не случаен, говорит и другое: если мы посмотрим, на кого охотились жители других поселений подгорной полосы, то увидим, что в неолите, энеолите и бронзе перечень дичи практически не менялся — колебалось лишь процентное соотношение между добываемыми видами.

Действительно, работами Н. М. Ермоловой установлено, что древние земледельцы Южного Туркменистана добывали таких животных, как кулан, джейран, безоаровый козел, дикий баран, волк, кабан, сайга, лисица; найдены также кости каких-то птиц. Разница явно случайная: на Джейтуне не найдено костей сайги и птиц, а на других памятниках — диких кошек и зайцев. Все различия приходится или на те виды, кости которых плохо сохраняются (птицы), или на те, которые были второстепенными объектами охоты (сайга, дикие кошки, заяц), т. е. их добывалось настолько мало, что вероят-

ность нахождения остатков этих животных крайне незначительна. Основные же объекты охоты (кулан и джейран среди копытных и волк среди хищных животных) представлены почти на всех поселениях подгорной полосы.

Любопытно, что такие хищники, как леопард, самое обычное животное Копетдага (а в прошлом и подгорной полосы), и похожий на него гепард, характерный обитатель равнин Туркменистана, не входили, по-видимому, в число объектов охоты, так как их кости (как и кости третьей крупной кошки этого региона — тигра) не найдены ни на одном из поселений древних земледельцев.

В то же время обитатели Прикопетдагской подгорной полосы знали леопарда (или гепарда), ибо изображение какой-то (дать точное определение вида на керамике не так-то просто) из этих кошек встречается на расписных сосудах Кара-депе. На поселении же Песседжик-депе, существовавшем в джейтунскую эпоху, на стене дома обнаружена роспись с поразительным по реализму изображением стоящего леопарда. Так что крупных кошек джейтунцы, несомненно, знали, но костей этих хищников, повторяем, не найдено. На этой загадке мы остановимся в главе, посвященной Кара-депе, а теперь перейдем к орудиям охоты.

Лук и стрелы появились в мезолите (а может быть, и несколько раньше); в неолите они широко распространились по земному шару. Были они — почти наверняка — и в Джейтуне, хотя обычных кремневых наконечников стрел здесь и не найдено. Раз не было обычных наконечников, значит, джейтунцы использовали стрелы с наконечниками из геометрических микролитов. Это мог быть и один микролит (скажем, треугольной формы), и несколько, из которых изготовляли составные наконечники. Такие стрелы с микролитами в качестве наконечников обнаружены в Дании, причем в торфянике сохранились даже деревянные древки стрел.

Археологи предполагают, что в качестве охотничьего оружия джейтунцы применяли и пращу, ядра для которой найдены как на Джейтуне, так и на других поселениях подгорной полосы.

Так как не сохранилось никаких свидетельств, как именно охотились джейтунцы, нам остается лишь вы-

сказать некоторые предположения. При этом мы будем опираться на такие данные, как природные условия; поведение и биология животных, с которыми имели дело джейтунские охотники; возможности оружия; некоторые этнографические и исторические параллели. Начнем с безоаровых козлов и диких баранов.

Если джейтунцы охотились на них в холмистых предгорьях, то там возможна была охота с подхода. Что-либо определенное об этом сказать, однако, невозможно, ибо мы не знаем силу боя джейтунских луков и потому не можем хотя бы примерно прикинуть, насколько близко нужно было подбираться к животным. Но в предгорьях, среди холмов, возможна и охота загоном. Группа пеших загонщиков вполне могла нагонять стада диких баранов или козлов на затаившихся стрелков.

Если же безоаровые козлы и дикие бараны обитали в те времена и на подгорной равнине, скажем в окрестностях того же Джейтуна, то там пеший загон был, несомненно, более трудным делом: на безлесной равнине для загона требуется много людей, а джейтунцев всего-то было человек полтора. Зато на равнине, в степях и пустынях, все копытные жестко привязаны к водопоям, где их добывать легче всего, или стреляя из луков, или используя какие-либо ловушки.

Переходя к охоте на типичных животных степей и полупустынь — джейранов и куланов, следует сразу же исключить конную охоту, столь широко распространенную в последующие эпохи, так как лошадей у джейтунцев не было. Как же в таком случае они могли добывать джейранов и куланов?

В. И. Сарияниди так описывает охоту джейтунцев на джейранов. Ночью, пишет он, разведчик выследил место отдыха джейранов среди барханов. Днем, когда жара «пригнула» стадо к земле и «разомлел вожак», охотники подползли к месту отдыха джейранов «с подветренной стороны» и устроили избиение, после которого спаслась только часть стада — остальные животные достались охотникам⁵⁰.

Такая картина охоты представляется нереальной. Во-первых, охотиться в полдень, в туркменскую жару, практически невозможно (особенно «подползать»). Во-вторых, даже если бы это было физически выполнимым, то добыча была бы весьма небольшой: ведь стадо

не могло быть окружено, учитывая малочисленность джейтунцев. К тому же подбираться приходилось, по словам В. И. Сариниди, лишь с «подветренной стороны» (что несомненно), но никак не со всех сторон, так что об окружении не могло быть и речи. А раз так, то после первого же залпа стрелами стадо должно было умчаться. Большое же число животных сразу на месте не уложишь: совершенно нереально, чтобы группа охотников одновременно вышла («выползла») на исходную позицию; чтобы перед всеми оказались бы звери в удобном для стрельбы положении; чтобы, наконец, все охотники попали каждый в убойное место того животного, в которое они целились... Повторить же выстрел из лука в таких условиях нельзя, ибо животные после первой же тревоги моментально умчатся, включая, кстати, даже и тяжелораненых: джейраны очень крепки на рану.

Исходя из сказанного, можно предположить, что охота велась совсем иначе. Все было гораздо и проще и легче. Хорошо известно, что джейраны и куланы в жаркое время года регулярно посещают водопой. Поэтому охота скорее всего там и велась, тем более что подкараулить этих зверей у воды не столь уж сложно. И в этом смысле, как мне кажется, охота на джейранов и куланов в эпоху неолита ничем в принципе не отличалась от охоты в последующие времена, включая и начало нашего столетия. Вот что рассказывает в своих очерках один русский охотник, стрелявший джейранов почти точно в тех местах, где на них охотились и джейтунцы.

«Джейраны, в общем, строго придерживаются одного и того же места водопоя и пастьбы... Поэтому охотник засветло выбирает удобное место для засады, ограживает его бурьяном или же вырывает яму, в коей и сидит»⁵¹. «Джейраны, томимые жаждой, целыми стадами ночью подходят к степным станциям и попадают под выстрелы из засад. Несмотря на трудность ночной стрельбы, случаи добыть за ночь 2—3 джейранов на ружье не редкость. На некоторых станциях вблизи Асхабада, например Баба-Дурмазе, такие ночные охоты в летние месяцы прошлого года производились почти ежедневно»⁵². «Трудно себе представить то огромное количество джейранов, которое ежегодно убивалось, и

главным образом на ночных охотах»⁵³. Дневная же охота настолько «трудна», что «очень мало» кто ею занимается⁵⁴.

Обратите внимание на следующие важные обстоятельства: 1) способ охоты — засидка у водопоя ночью; 2) сравнительная легкость охоты; 3) ее добычливость, которая объясняется безнадежным, в сущности, положением джейранов (они все равно должны идти на водопой, число которых в этих местах ограничено).

Смените декорации — и вы легко себе представите вместо охотника с двустволкой или винтовкой джейтунца, спрятавшегося в камышах или тугаях Карасу с луком (именно с луком: размахивать в засидке пращей — значит наверняка распугать всю дичь).

Даже в начале XX в. в подгорной полосе было еще так много джейранов и куланов, что их стада, по словам В. И. Масальского, иногда можно было видеть даже из окон проходящих поездов. Уж наверное, в VI—V тысячелетиях до н. э. этих копытных насчитывалось не меньше, а больше и к тому же они были, естественно, менее осторожны. Можно поэтому предположить, что джейтунскому охотнику, хорошо знающему все водопой на Карасу, ничего не стоило подстеречь джейранов и убить одного или нескольких за ночь.

В. М. Массон также полагает, что джейранов и куланов били на водопоях. Однако он пишет: «Много при такой охоте не добудешь. Следует поэтому предполагать существование облавной охоты, носившей коллективный характер»⁵⁵. С этим трудно согласиться, ибо именно облавная охота, как уже говорилось, в условиях Джейтуна не могла быть особенно добычливой. Более добычливой была скорее всего именно ночная охота у водопоев, так как при охоте с луком из засидки звери пугались меньше всего: охотника они не видели, громкого звука выстрела (как при ружейной охоте) не было. Если бы джейтунцы к тому же разместили своих стрелков сразу в трех-четырёх местах, то джейраны (или куланы), убежав от одного из них, непременно напоролись бы на другого. И у нас нет никаких оснований предполагать, что джейтунские егеря не могли до этого додуматься...

Далее, если кости джейранов обильны на всех поселениях, то из этого вовсе не следует, что их туши по-

ступали туда сразу в большом количестве: можно ведь стрелять животных в течение круглого года по одному-двум за ночь — и их кости все равно будут преобладать на поселении. Видимо, большое число костей вызывает у археологов представление об облавах и массовых избиениях копытных, т. е. создает своего рода психологический барьер в восприятии материала.

Даже если облавная («коллективная») охота и существовала, она могла проходить лишь в холодное время года. Можно предположить, что несколько опытных загонщиков осторожно, медленно нагоняли джейранов на спрятавшихся в укрытиях (скажем, в зарослях саксаула или на опушке тугаев) стрелков, которые успевали уложить нескольких (но явно не очень много) животных. Джейтунцы, наконец, могли ловить куланов и джейранов в различные ловушки, ямы, вырытые у тех же водопоев, но, думается, главная роль принадлежала все же активной охоте. И вот почему.

Анализируя состав костей, найденных на поселениях древних земледельцев Южного Туркменистана, Н. М. Ермолова отметила, что среди джейранов преобладали взрослые особи. А это возможно только в том случае, если велась активная охота, а не пассивная, т. е. при помощи ловушек. В самом деле, джейтунцам нужны были шкуры и мясо, поэтому они, естественно, стремились добыть крупных, взрослых животных. Это сравнительно легко сделать, сидя в засидке и выбирая жертву среди пришедших на водопой животных. Если бы охота велась преимущественно при помощи ям и ловушек, то среди добычи не было бы преобладания взрослых особей, ибо в ямы и ловушки попадали бы животные всех возрастов и размеров.

Куланов добывали, видимо, в основном на водопоях. Дело в том, что кулан — животное исключительно осторожное, обладающее превосходным зрением, слухом и обонянием. Подойти к кулану незамеченным, писал советский зоолог А. Г. Банников, ближе чем на километр почти невозможно⁵⁶. Даже в те времена, когда куланы были еще не столь пугливы, к ним, по словам Н. М. Пржевальского, все равно не удавалось подойти ближе чем на 500 шагов, и лишь на пересеченной местности изредка можно было подкрасться шагов на 200⁵⁷.

Поэтому-то коренное население евразийских степей

и охотилось на куланов или у водопоев, или с помощью конных загонщиков. Одна такая охота ярко описана Н. Н. Каразиным. Он участвовал в завоевании Туркестана и в экспедициях Географического общества, был отличным рисовальщиком и плодовитым писателем, неутомимым путешественником и охотником. Н. Н. Каразин побывал во многих районах Средней Азии и Казахстана, в том числе и на Иссык-Куле, где в его честь местный бай устроил охоту на куланов⁵⁸. В ней участвовали около 20 загонщиков на лошадях и большое число конных охотников. В результате утомительной и опасной охоты они убили и взяли живьем 15 куланов. При этом один человек погиб и одна лошадь была искалечена.

Так как конной охоты у джейтунцев быть, понятно, не могло, а подойти к куланам близко практически невозможно, т. е. охота скрадом крайне затруднительна, то остается лишь стрельба на водопоях. Косвенно за это говорит и такое соображение. Н. М. Пржевальский, не только великий путешественник и отличный зоолог, но и знаменитый охотник, свидетельствует, что кулан «удивительно крепок на рану» и с 200 шагов (примерно 140 м) из «превосходного штуцера⁵⁹» он «не будет убит наповал, если пуля не попадет в мозг, сердце или позвоночный столб». Поэтому-то, пишет Н. М. Пржевальский, «убить это животное очень трудно...»⁶⁰.

Но если трудно свалить кулана из огнестрельного нарезного оружия, то тем более трудно сделать это на том же расстоянии из лука, особенно стрелой с составным микролитическим наконечником. Никто, кажется, не проверял силу боя джейтунского лука, да и сделать это пока невозможно, так как мы не знаем его параметров. Однако не будет большой ошибкой предположить, что он был все же слабее и мощных луков англичан XIV в., и штуцеров эпохи Пржевальского. Значит, джейтуны могли бить кулана только с близкого расстояния, только тщательно выцелив его по убойному месту, следовательно, только из засидки у водопоя.

В отличие от таких животных, как джейран и кулан, кабан был более редкой добычей древних земледельцев Прикопетдагской подгорной полосы. На Джейтуне (неолит), по определению А. И. Шевченко, на 1 кулана и 32 джейранов приходится 2 кабана (оба — молодые осо-

би); на Чагыллы-депе (неолит), по определению В. И. Цалкина, на 6 куланов и 7 джейранов — ни одного кабана; на Елен-депе (энеолит) на 1 кулана и 5 джейранов — 1 кабан; на Шор-депе (бронза) на 7 куланов и 7 джейранов — 1 кабан (оба эти кабана мелкие и, по мнению Н. М. Ермоловой, лишь предположительно относятся к дикой форме); на Алтыне (энеолит и бронза) на 13 куланов и 8 джейранов — ни одного кабана; на Намазга-депе и Теккем-депе (бронза) — по 1 кулану и ни одного кабана. Итого на указанных поселениях определено (по костям) 30 особей кулана, 59 — джейрана и всего 4 — кабана, причем все они (обратите на это особое внимание) принадлежат к молодым животным; к тому же две особи под сомнением — то ли это дикие животные, то ли домашние.

А. И. Шевченко на основе анализа костей животных, найденных на Джейтуне, сделала такое заключение: «Малочисленность остатков дикой свиньи среди других животных джейтунского поселения может объясняться как климатическими особенностями района (сухой район), так и тем, что жители в это время больше охотились на других животных»⁶¹.

Объяснение это, по-моему, не совсем верное. Сухость района тут явно ни при чем, ибо кабаны живут не в степях и полупустынях, а в тугаях и камышах, которые как раз и характерны для речных долин «сухих районов». Раз вдоль речек, стекающих с Копетдага, тянулись тугай, значит, кабанов там было достаточно — в этом можно не сомневаться.

Что сухость климата ни при чем, следует и из другого соображения. Известно, что целая группа поселений древних земледельцев Южной Туркмении была расположена вдали от подгорной полосы — в древней дельте Теджена, среди типичных тугаев уже сравнительно большой (для данного района) реки. Оказывается, что даже там, в районе больших тугаев, в настоящем «кабаньем царстве», на 10 особей кулана и 23 джейрана приходится только 4 кабана⁶². А ведь кабан на пра-Теджене был более типичным животным, чем кулан! В чем же тут дело?

В мысли А. И. Шевченко верно то, что древние земледельцы «больше охотились на других животных», нежели на кабана. Но почему? Это автор не объясняет.

Дело заключается, видимо, не в малочисленности кабана, а в некоторых особенностях этого животного.

Прежде всего, кабана трудно убить, гораздо труднее, чем, скажем, джейрана или волка. Один из первых русских биологов-охотоведов, автор классических книг «Рыбы России» и «Собаки», создатель, издатель и редактор замечательного журнала «Природа и охота» Л. П. Сабанеев так писал о кабане: «Кабан очень крепок на рану, особенно осенью, когда у него под кожей образуется так называемый (у кавказцев) калкан, вроде хряща, переходящего позднее в более или менее толстый (до двух вершков) слой жира. Калкан этот пробивает не всякая пуля, и, кроме того, рана скоро затягивается и не дает много крови»⁶³.

Но кабан не только «очень крепок на рану», он еще и опасен для охотника, особенно старый самец (секач). Раненный, кабан стремительно кидается на преследователя и своими острейшими клыками нередко запарывает собак, а то и охотников. Да что там собака или человек — секач, случается, выпускает кишки и у тигра!

Вот почему джейтунцам, как, впрочем, и другим древним земледельцам, будь то эпоха неолита, энеолита или бронзы, не было никакого смысла связываться со столь опасным животным. Зачем рисковать жизнью, охотясь на кабана, если можно без всякого риска добыть джейрана?! Думается, именно этим объясняется и малое число костей кабанов на поселениях, и то, что все найденные кости принадлежат молодым животным — их джейтунские стрелы, видимо, брали; секача же положить таким оружием было совершенно невозможно.

Весьма характерно, что коренные жители Дальнего Востока ловили кабанов в ямы или добывали посредством самострелов, которые настораживались на тропах. Даже такие типично охотничьи народы, как нанайцы (прежнее название — гольды) и орочи, по словам Н. М. Пржевальского, «найдя кабаньей след, иногда даже не решаются идти за одиноким самцом, но всегда предпочитают преследовать самок или молодых, которых можно стрелять совершенно безопасно»⁶⁴. Так же, вероятно, поступали и древние земледельцы Южного Туркменистана, стреляя именно «самок или молодых».

Ну а как обстояло дело с хищными зверями? Тут

среди добычи на первом месте стоит волк: на Джейтуне найдены кости трех особей, на Елен-депе — одной, на Шор-депе — одной, на Алтыне — одной. Причем кости, найденные на Елен-депе и Шор-депе, принадлежат, по определению Н. М. Ермоловой, крупным зверям. Можно предположить, что волки уже в те далекие от нас времена досаждали людям, нападая на домашний скот. Кроме волков древние земледельцы добывали лисиц и мелких диких кошек; кости крупных кошек не найдены, как и кости гиен — характерных обитателей этого района.

Каким способом добывали джейтунцы хищных зверей, мы не знаем, но скорее всего, как полагает В. М. Массон, с помощью различного рода ловушек. Волков, впрочем, могли подстергать и у трупов зарезанных ими домашних животных. Возможно, что доля хищных зверей в общей добыче была гораздо большей, нежели получается по современным определениям. А. И. Шевченко высказывает предположение, что джейтунцы вполне могли разделять хищников на месте, а в поселение приносить только их шкуры. На поселениях же находят кости только тех хищных зверей, которые были добыты где-то совсем рядом с домом. Так, найденные кости волков принадлежат, возможно, тем зверям, которые были убиты во время нападения на домашних животных, находящихся на окраине поселения.

Заканчивая рассказ об охоте, необходимо вернуться к вопросу об оружии джейтунцев. Г. Ф. Коробкова пишет: «Охота велась пращой и, возможно, особым луком, имевшим вместо наконечников стрел обычные гальчки шаровидной формы»⁶⁵.

Как уже говорилось, находясь в засаде, использовать пращу практически невозможно. Сомнительна и ее убойная сила: мелкая джейтунская галька — это не свинцовая пуля, скажем, знаменитых балеарских пращников, служивших в войсках Древнего Рима. Но даже самая мощная праща далеко уступала луку по убойной силе. Поэтому последний и играл такую роль в истории войн, будь то столкновения римлян с парфянами, англичан с французами, русских с монголами. Не случайно и то, что именно с луком, а не с пращой охотились во всем мире на крупного и опасного зверя.

В Южной Америке для охоты на крупного зверя на

открытых (подчеркиваем — именно на открытых) местах применяли болу (болас) — метательное оружие, состоящее из ремня или связки ремней, к концам которых привязывались камни. Но какие камни! Это не те маленькие шарики для пращи, которые найдены на джейтунских поселениях, а тяжелые камни размером с апельсин. Словом, с пращой можно было, конечно, охотиться на мелких зверей или на птиц, но вряд ли она применялась для охоты на кабанов или куланов.

Что же касается стрел с шаровидной галькой в роли наконечника, то убойная сила такого оружия достаточна для добычи средних по размеру птиц и мелких зверьков, но явно недостаточна для того, чтобы уложить кулана, волка или кабана.

Стрелы с тупыми наконечниками разного типа известны и в Старом и в Новом Свете. Так, на Руси в древности для охоты на мелкого пушного зверя применялись стрелы с тупым костяным или деревянным наконечником: они убивали зверьков, не портя их шкурки. Стрелы с тупым деревянным наконечником широко использовались индейцами Северной Америки. Замечательный американский натуралист и писатель, большой знаток жизни и быта индейцев, Э. Сетон-Томпсон в своей книге «Рольф в лесах» рассказывает о том, как индеец Куонеб изготовлял лук и стрелы к нему: «Стрелы для птиц имели широкие круглые деревянные наконечники. Они предназначались для перепелок, куропаток, кроликов и белок, а также употреблялись для наказания чужих собак, когда они находились на таком расстоянии, что их нельзя было ударить палкой»⁶⁶.

Между стрелами с тупым деревянным или костяным наконечником и стрелами с галькой принципиального различия нет. Поэтому можно с достаточной уверенностью утверждать, что для охоты на крупного зверя джейтунцы применяли стрелы с острым наконечником.

Мы видим, что охота играла большую роль в жизни джейтунов. Если считать козлов и баранов за диких животных, то она давала джейтунам более 70% мяса; если же этих животных считать домашними, то и в таком случае на охоту придется не менее 25% мяса, потребляемого жителями Джейтуна. Но не менее важно для них было получить и шкуры. Ведь именно:

Шкуры одеждой сперва, а потом уж ткани служили.

(Лукреций Кар. О природе вещей, кн. V)

В Джейтуне шкуры шли и на изготовление одежды, и на выделку различных мешочков и сумочек; на шкурах спали и ими же накрывались; шкурами могли занавешивать дверные проемы. Недаром орудия, связанные с обработкой шкур, занимают у джейтунцев второе место после вкладышей серпов. Обилие скребков разной формы отмечается, впрочем, только на ранних стадиях развития джейтунской культуры, затем их число начинает падать: развивается ткачество и применение шкур для одежды резко сокращается.

Заканчивая рассказ о хозяйстве джейтунцев, приведем некоторые цифры, полученные советскими археологами в результате изучения экономики этого поселения.

Некоторые расчеты

Раскопки второго строительного горизонта показали, что Джейтун состоял из 30 однокомнатных домиков, в которых одновременно проживало 150—180 человек⁶⁷. Большая часть домов имела площадь от 16 до 30 кв. м. Плотность населения в оазисах подгорной полосы в неолите составляла 10 человек на 1 кв. км; в эпоху бронзы она возросла до 80—90 человек.

В Джейтуне в 25 домах производилась обработка дерева, в 27 — выделывались шкуры, в 20 — изготовлялись кремневые орудия.

В неолите, по расчетам Г. Н. Лисицыной, на душу населения приходилось 270 г зерна в день. Этого, полагает она, при наличии продуктов скотоводства и охоты было достаточно для питания, но не для получения излишков продуктов. В. М. Массон считает приведенную цифру заниженной и полагает, что на душу населения приходилось 500 г зерна в день. Исходя из этих данных и численности населения Джейтуна, он полагает, что в год для всего поселения (вместе с посевным фондом и зерном, идущим на корм для скота) требовалось 44 т зерна. При урожайности ячменя (основной культуры джейтунцев) в 20—22 ц/га нужна была площадь полей в 20 га. Мяса требовалось 9 т в год.

Серпом джейтунского типа можно было за восемь

часов работы произвести жатву на площади 240 кв. м, что для 20 га требует как минимум 830—850 человеко-дней. Весь урожай мог быть убран за две недели, если каждая семья выделяла двух работников.

Джейтун, население которого состояло из 30 семей, располагал (учитывая помощь, оказываемую подростками) 90 трудоднями в день, что за год давало почти 33 тыс. трудодней. Из них земледелие требовало 2,5 тыс. трудодней; скотоводство — 2,2 тыс.; строительство — 1,5 тыс.; изготовление орудий — 1 тыс.; итого — 7,2 тыс. трудодней в год. 11 тыс. трудодней следует отнести на женский труд по домашнему хозяйству и на уход за детьми. Всего в таком случае получается $7,2 + 11 = 18,2$ тыс. трудодней. Если из 33 тыс. потенциально возможных трудодней вычесть 18,2 тыс., то в остатке будет 14,8 тыс. трудодней.

В этих весьма и весьма ориентировочных расчетах мы не видим ни охоты (а она, несомненно, отнимала много времени и сил), ни походов за кремнем в Копетдаг, ни заготовки топлива, на что расходовалась значительная часть из тех трудодней, которые числятся у нас в остатке.

Однако джейтунцы не только работали: они, несомненно, отдыхали и развлекались, собирались вместе, чтобы обсудить общие дела и помолиться богине плодородия. Словом, у них была своя общественная, семейная и духовная жизнь.

Жизнь общественная и семейная

Джейтун — характерный памятник поздней стадии первобытнообщинного строя. Зная это, мы не ошибемся, утверждая, что Джейтун представлял собой самоуправляющуюся родовую общину, не знающую ни классовых различий, ни государственной власти. Как управлялось это поселение, точно неизвестно, но скорее всего так же, как и другие коллективы первобытной эпохи, т. е. во главе его стояли старейшины или вожди, выбираемые всеми взрослыми членами рода.

Джейтунцы, видимо, представляли собой один род, состоявший из кровных родственников. Основной ячейкой джейтунского общества была парная семья, насчитывавшая пять-шесть человек.

Каждая семья производила для себя все, что ей было необходимо. Лишь некоторые работы (обработка полей, уборка урожая и загонная охота) требовали объединения усилий всех членов рода. В остальном же каждая семья была во многих отношениях самообеспечивающейся производящей и потребляющей единицей.

О мировоззрении джейтунцев мы не можем составить цельного представления из-за крайней фрагментарности данных, но оно, видимо, ничем в принципе не отличалось от мировоззрения других древнеземледельческих племен Ближнего Востока. Человек эпохи неолита считал весь процесс развития и увядания растений таинством. В своем воображении он наделял природу мистической силой, особенно в отношении необъяснимых для него производительных и воспроизводительных ее свойств. Вся их жизнь, считали люди той эпохи, зависела от матери-земли, которая нуждалась в постоянном умилоствлении. Это породило множество обрядов, постов и праздников, связанных с культом богини-матери. Все это в значительной мере относится и к джейтунам.

При раскопках Джейтуна найдены статуэтки из обожженной и необожженной глины, изображающие человека и каких-то животных. Вид последних определить чаще всего невозможно — как из-за плохого состояния статуэток, так и из-за их схематичности, но некоторые явно изображают баранов и козлов. Женские статуэтки из обожженной глины — это, конечно, богиня плодородия. Такие фигурки, судя по находкам, имелись в каждой семье, и, вероятно, именно для них и предназначались те странные ниши в выступах стен, о которых шла речь в разделе об архитектуре Джейтуна.

Многие необожженные фигурки животных имеют отверстия, сделанные заостренными палочками. Эти, как их называют археологи, «колотые раны» — следствие магических обрядов, истоки которых уходят далеко в глубь палеолита. Охотник, желая обеспечить себе удачу, изготавливал (довольно-таки, заметим, небрежно) глиняные фигурки животных и совершал над ними магические обряды. На Чагыллы-депе даже найдена глиняная фигурка с воткнутом в нее обломком заостренной кости.

Магическое значение имела, возможно, и роспись на

сосудах; роль оберегов могли играть и подвески, должествующие охранять своего хозяина от злых духов и всяческих несчастий. В качестве таких подвесок-амулетов могли использоваться и каменные фигурки сидящего человека (с отверстием в верхней части), и статуэтки животных. Кое-что о мировоззрении джейтунцев могли бы рассказать их погребения, но их, к сожалению, найти не удалось: обнаружено одно лишь детское захоронение на территории поселка.

Джейтунцы внимательно наблюдали окружающий их мир и обладали немалыми положительными знаниями, без каких они просто не могли бы существовать. Мы уже писали, что древние земледельцы должны были обладать определенными познаниями о природе. К этому необходимо добавить, что джейтунцы, как и другие древнеземледельческие племена, умели хорошо считать (человек уже в палеолите считал неплохо, джейтунцы же, как известно, жили в эпоху неолита). Жители поселения должны были неплохо ориентироваться, иначе они не смогли бы совершать экспедиции за камнем в Копетдаг или за раковинами к берегам Каспийского моря.

Как и все люди, они обладали чувством прекрасного, а их женщины столь же любили украшения, как и наши современницы. Среди украшений на первом месте стояли бусы, которые делались из камня, кости и раковин, причем часть последних поступала с Каспия, а часть — даже с Индийского океана! Подвески могли служить и украшениями, могли играть и роль амулетов-оберегов.

Наконец, жители Джейтуна не прочь были и развлечься. В свободное от работы время они играли в какую-то игру, о чем свидетельствуют терракотовые фигурки — усеченные и удлиненные конусы, цилиндры, условно именуемые археологами терракотовыми поделками. У этих поделок две характерные особенности: во-первых, они сильно залощены от длительного употребления (особенно снизу), и, во-вторых, как установили С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова, эти изделия не имеют следов производственного употребления.

Такие же (или очень похожие) поделки известны на многих поселениях древних земледельцев Ближнего Востока, широко распространены они и на памятниках

трипольской культуры (Украина). Археологи считают эти терракотовые поделки игральными фишками. В неолите на обширных пространствах Старого Света была, видимо, распространена какая-то увлекательная игра с использованием фишек из глины.

Таковы некоторые, крайне отрывочные сведения об общественных отношениях и духовной жизни джейтунцев.

До сих пор мы писали почти исключительно о жителях самого Джейтуна. Но это поселение было не единственным в Прикопетдагской подгорной полосе. Более того, Джейтун, как выяснилось в последние годы, далеко не самое крупное и не самое блестящее поселение той культуры, которой он дал свое имя.

Росписи Песседжика

В Прикопетдагской подгорной полосе известно уже много памятников джейтунской культуры. По географическому положению их можно разделить на три группы: западную (между Кизыл-Арватом и Арчманом), центральную (между Арчманом и Гяурсом) и восточную (между Гяурсом и селениями Меана и Чаача).

В западном районе открыты три памятника: Найзадепе (к северу от станции Бами-Гоч), поселение у колодца Бага (в 30 км к северо-западу от Кизыл-Арвата) и Бами (у железнодорожной станции того же названия). Наибольшее количество памятников выявлено в центральном районе: Чопан-депе (в 7,5 км к востоку от Геок-Тепе), Тоголок-депе (в 4—5 км к северу от Чопана), Джейтун, Песседжик-депе (в 1,5 км к северо-западу от Тоголока), Новая Ниса (в 18 км к западу от Ашхабада); кроме того, известны находки джейтунского времени у железнодорожной станции Келята, у колодцев Кепеле, Кантар, Ярты-Гумбез и др. К восточной группе относятся Чагыллы-депе, Монджуклы-депе и Гадыми-депе — все они расположены к югу от г. Теджена, в районе селений Меана и Чаача.

Первым среди джейтунских памятников открыто поселение Келята (1931 г.). Затем, в 1935 г., А. А. Марущенко открыл Монджуклы-депе и нашел изделия джейтунского времени на Новой Нисе. В 1939 г. он обнару-

жил Тоголок-депе, в 1951 г. — Бами, в 1952 г. — Чопан-депе. В 1961 г. было открыто Чагыллы-депе (А. Ф. Ганялиным), в 1967 г. — Песседжик-депе (В. Н. Пилипко и Г. Гамаюновой), в 1971 г. — Гадыми-депе (В. Т. Воловиком).

Кроме археологов Москвы и Ленинграда большую роль в изучении этих памятников сыграли археологи Туркменской ССР, и в частности Овлякули Бердыев, который внес значительный вклад в изучение культуры древних земледельцев Южного Туркменистана. Он принимал участие в раскопках Бами и Чагыллы, руководил работами на Чопане, Тоголоке и Песседжике. На последнем О. Бердыев в 1968 г. открыл большое здание с настенными росписями.

Среди поселений джейтунской культуры есть довольно крупные, такие, как Чопан, Тоголок, Песседжик; есть и небольшие вроде Чагыллы, Бами, Монджуклы. По расчетам О. Бердыева, на Чопане жило около 200 человек, а на Чагыллы, Бами и Монджуклы — примерно по 70—90. Время, в течение которого существовали эти поселения, различно, о чем свидетельствует далеко не одинаковая мощность культурных слоев: в Чагыллы она достигает 6,5 м, в Чопане — 6 м, а в Тоголоке и Песседжике — лишь 3—3,5 м.

Поселения джейтунской культуры существовали в эпоху неолита, т. е. в ту эпоху, которая во многом стала переломной для человечества. Именно «эта эпоха, — пишет В. М. Массон, — начавшись с хозяйственных изменений, привела к кардинальным переменам в быту, идеологии и в конечном счете в общественном строе...»⁶⁸. Что же это за «хозяйственные изменения», имевшие столь большие последствия в истории человечества?

Неолит — это время улучшения техники изготовления каменных орудий. Характерные черты этой техники — шлифовка и полировка изделий из камня, а также пиление и сверление камня, что позволяло придавать ему желаемую форму. Неолит — время перехода на подземную добычу камня, появление первых шахт на земном шаре, изобретение керамики, прядения, ткачества. Но самое главное — переход от присваивающего хозяйства к производящему, от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Конiec неолита и начало

энеолита ознаменованы использованием металлов, прежде всего меди. Все эти качественные изменения в хозяйстве дали возможность ряду племен перейти к оседлому образу жизни, вызвали резкое увеличение численности населения в некоторых районах нашей планеты⁶⁹.

Эти коренные, качественные изменения в хозяйстве английский археолог Г. Чайлд назвал «неолитической революцией». Слово «революция», как известно, имеет несколько значений, и, так же как принято говорить о революциях буржуазных, пролетарских, социалистических, говорят и о революциях промышленных, экономических, научно-технических, а в последнее время в обиход вошло и такое понятие, как «зеленая революция». Но в любом случае речь идет о качественных изменениях в социальном, экономическом развитии общества или в развитии науки.

Учитывая сказанное, можно принять и термин «неолитическая революция», под которой, по мнению В. М. Массона, «следует понимать коренные перемены в области экономики, выразившиеся в переходе к земледелию и скотоводству как к основным способам производства пищи при различной форме сочетаемости или обособленности данных видов хозяйства... Неолитическая революция — генеральный путь развития человечества к раннеклассовому обществу. По существу, стук мотыг первых земледельцев в горах Курдистана возвещал закладку фундамента цивилизации...»⁷⁰.

Такова эпоха, в которой существовала джейтунская культура. Ну а какова же абсолютная хронология этих поселений?

Для некоторых из них имеются радиоуглеродные датировки, полученные в радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и в лаборатории Центрального института древней истории и археологии Академии наук ГДР в Берлине. Оказалось, например, что абсолютный возраст нижних слоев Тоголок-депе — 5370 (± 100) г. до н. э., а средних — 4940 (± 100) г. до н. э.; возраст второго слоя Чагыллы-депе определен в 5050 (± 110) г. до н. э.⁷¹. Учитывая, что Чагыллы — более поздняя фаза развития джейтунской культуры, чем сам Джейтун, а также то, что нижние слои Тоголока соответствуют Джейтуну, можно сделать заключение: сам Джейтун, а также Чо-

пан, Тоголок и Песседжик существовали уже в середине VI тысячелетия до н. э.

Однако полагаться полностью на радиоуглеродные датировки не следует: они, случается, подводят археологов. Поэтому необходимо было перепроверить полученные данные. Это можно сделать, сравнив находки с джейтунских поселений с находками с древнеземледельческих поселений Ирана, Ирака, Турции, Иордании. Чтобы это сравнение стало убедительным, оказались необходимыми исследования, продолжавшиеся более 15 лет и потребовавшие от В. М. Массона огромного напряжения сил и поразительной целеустремленности. Работа проводилась в поле и в кабинете, в библиотеках и в музеях. Эти исследования были бы невозможны без блестящего знания всей мировой литературы не только по археологии неолита, энеолита и бронзы, но и по многим разделам этнографии, истории культуры, палеогеографии. Многолетние изыскания были обобщены В. М. Массоном в монографиях «Джейтунская культура», «Средняя Азия и Ближний Восток», «Поселение Джейтун». В этих работах среди многих других были решены и вопросы хронологии.

На основании большого фактического материала В. М. Массон установил бесспорные связи между раннеземледельческими поселениями Южного Туркменистана, Ближнего Востока и Малой Азии. Аналогии в материальной и духовной культуре между джейтунскими памятниками и такими, например, хорошо датированными памятниками, как Тепе-Гуран и Сиалк I в Иране, Джармо и Хассуна в Ираке, Иерихон в Палестине, подтвердили вывод о том, что Джейтун действительно существовал в VI тысячелетии до н. э. Однако, полагает В. М. Массон, нельзя исключить и возможность того, что поселение возникло еще раньше, в конце VII тысячелетия до н. э. Дело в том, что уровень джейтунской культуры отражает достаточно развитые формы хозяйства, предполагающие предшествующую ей примитивную стадию развития. Но где проходили джейтунцы эту «примитивную стадию» — в подгорной полосе Копетдага или там, откуда они в эту полосу пришли, — остается пока загадкой.

За более чем тысячелетнюю историю своего существования джейтунская культура не оставалась неизмен-

ной. Изучение поселений позволило выделить в их истории три периода (фазы), причем они характерны для джейтунской культуры в целом, но не для каждого поселения в отдельности. Дело в том, что одни поселения существовали только в одной фазе, другие — в двух; одни из них существовали в первой и второй, другие — во второй и третьей. Это распределение по фазам далеко не полное и не очень точное, так как не все поселения пройдены стратиграфическими шурфами до материка, значительные же раскопки проведены лишь на небольшом числе памятников. Но и проделанная работа позволяет с достаточной определенностью представить себе процесс развития джейтунских поселений, прогресс их материальной культуры.

Установлено, что в 1-й период существовали: Джейтун, Песседжик, Тоголок, Чопан; во 2-й — Бами, Найза, Песседжик, Чопан, Тоголок, Новая Ниса, Келята, Кантар, Кепеле, Ярты-Гумбез, Чагыллы, Гадыми; в 3-й — Бами, Чагыллы, Монджуклы. Весьма вероятно, что на Джейтуне жизнь прекратилась не в 1-й, а во 2-й фазе. За это говорит находка фрагментов керамики, характерной именно для средней фазы джейтунской культуры. Но решение этого вопроса затрудняется тем, что постройки последнего периода существования Джейтуна уничтожены развеиванием. На Монджуклы же жизнь не закончилась в 3-й фазе, продолжаясь и в последующую, уже энеолитическую эпоху. Таким образом, этот памятник служит связующим звеном между джейтунской и анауской культурами. Из других достаточно изученных поселений можно назвать Тоголок и Песседжик, которые запустили где-то в середине 2-го периода, и Чопан, на котором жизнь прекратилась в конце этой же фазы.

Освоение подгорной полосы началось с ее центральной части: ведь именно здесь найдены наиболее древние поселения джейтунской культуры. Затем джейтуны стали расселяться на запад, где они дошли до района современного Кизыл-Арвата, и на восток, где они добрались до района современных селений Меана и Чаача.

Самым консервативным элементом джейтунской культуры оказалась архитектура. В течение всех трех периодов планировка жилых домов оставалась практи-

чески неизменной, так же как и планировка поселений. Только строительная техника сделала рывок: в 3-й период в Чагыллы появляется плоский прямоугольный кирпич, постепенно сменяющий глиняные «булки», до этого безраздельно господствовавшие и на Джейтуне, и на Чопане, и на Песседжике, и на других джейтунских поселениях.

Чем только не покрывали полы своих жилищ джейтунцы! В самом Джейтуне их белили известкой; в Чагыллы (3-й период) они промазывались глиной; в Чопане (2-й период) в одних домах полы промазывались глиной, в других покрывались золой и утрамбовывались. В Тоголоке (2-й период) обнаружен дом, в котором пол выложен «булками», а сверху обмазан глиной. В Песседжике (2-й период) в одном доме пол покрыт алебастром (!), в другом — глиной толщиной 3—4 см. Довольно часто пол, видимо, устилали тростниковыми циновками, отпечатки которых найдены в Песседжике и Чопане.

На самом Джейтуне вращающихся дверей не было, в последующие же периоды существования джейтунской культуры они появляются. Об этом свидетельствуют каменные подпятники, найденные на Чопане, Чагыллы, Монджуклы.

Самым значительным событием в изучении джейтунской архитектуры было открытие О. Бердыевым большого дома на Песседжик-депе. Площадь этого необычного здания — 64 кв. м, стены его имеют двойную толщину (метр!); в доме есть массивный очаг (1,8×1,1 м), с обеих сторон которого вскрыты отгороженные участки площадью около 6 кв. м; перед очагом — отсеки, один из которых заполнен обожженными камнями, осколками сосуда и костями животных.

На Чагыллы было также раскопано необычное здание, хотя и меньшее по площади (28 кв. м), чем на Песседжике. Особенность дома в Чагыллы, привлекающая пристальное внимание археологов, заключается в том, что с обеих сторон к очагу пристроена суфа, свидетельствующая скорее всего о культовом назначении дома.

В течение всего времени существования джейтунской культуры керамика изготовлялась от руки. В 1-м периоде на посуде преобладал светлый фон, во 2-м и 3-м — красный и светло-коричневый. Во 2-м периоде на

Чопан-депе появляются сосуды с новыми формами: крупные миски, банкообразные сосуды, горшки с выпуклыми боками; появляется и новый орнамент — силуэтные треугольники. В 3-м периоде археологи отмечают новый мотив в оформлении посуды (в виде лесенки), впоследствии широко распространенный на керамике анауской культуры. Некоторые различия между памятниками можно отметить (во 2-м периоде) в количестве расписной керамики.

Наиболее заметен прогресс в орудиях труда. Прежде всего тут необходимо остановиться на серпах, вернее, на их вкладышах. По количеству они занимают первое (Чопан, Монджуклы) или второе (Гадыми) место. Но главное не в количестве, а в том, что само лезвие серпа подвергается коренной реконструкции. В 1-й фазе режущая часть вкладышей серпов была ровной (как у ножа), но уже во 2-й появляются зубчатые (как у пилы) лезвия. Такие вкладыши найдены на Чопане, Тоголоке, Гадыми, Бами (2-я фаза), Монджуклы, Чагыллы (3-я фаза).

Переход к вкладышам с зубчатым краем, как отмечает Г. Ф. Коробкова, — это значительный шаг вперед, так как зубчатый край предохраняет лезвие от скольжения и тем самым повышает эффективность орудия. Чтобы установить, насколько такой серп производительнее, Г. Ф. Коробкова в 1974 г. провела в Молдавии трасологические эксперименты. Были изготовлены серпы разных типов, и ими сжата пшеница на площади 1505 кв. м. Оказалось, что производительность серпа с гладким лезвием равна 0,5 кв. м/мин, а с зубчатым — 0,9—1,1 кв. м/мин (современный металлический серп дал 1,7 кв. м/мин). Как видите, технический прогресс бесспорен.

Кроме изменения характера лезвия серпов джейтунцы применили и другие новшества: от просто палок-копалок перешли к палкам-копалкам с утяжелителями, а затем, уже при переходе к культуре Анау I А, стали использовать мотыгу (Чакмаклы). Меняются и приемы обработки каменных изделий; в частности, камень начинают сверлить, что стало возможным в результате появления станковых сверл.

Что же касается соотношения типов орудий труда, то на Чопан-депе, например, во 2-м периоде уменьшает-

ся разнообразие форм скребков; костяные скребки из лопаток животных встречаются теперь лишь единично; уменьшается количество геометрических микролитов; возрастает число скобелей, предназначенных для обработки деревянных и костяных изделий; появляются иголки с ушком (это, видимо, связано с зарождением ткачества); увеличивается количество зернотерок, ступок и пестиков.

Число изделий, связанных с переработкой зерна, особенно резко возрастает в 3-м периоде, что объясняется непрерывно растущей ролью земледелия. На Чагыллы, например, количество этих предметов значительно увеличивается не только по сравнению с самим Джейтуном (1-й период), но и с Чопаном (2-й период). Зато геометрических микролитов на Чагыллы в 3 раза меньше, чем на Джейтуне. Для 3-го периода, особенно для Чагыллы, характерно обилие глиняных ядер биконической формы для пращи.

Любопытные изменения наблюдаются в использовании тех или иных материалов. Во 2-й фазе джейтунской культуры падает роль кремня и возрастает роль камня, в 3-й фазе резко поднимается значение кости. Количество каменных орудий, например, возросло с 2,5% на Джейтуне до 14% на Чагыллы. Орудия же из кости (от числа всех орудий труда) на Джейтуне составляют около 4%, на Чопане — 18,25, а на Чагыллы — почти 25%.

Анализ всего комплекса археологических находок показывает, что роль охоты постепенно снижалась (особенно в 3-й фазе), значение же земледелия и скотоводства возрастало. В результате развития ткачества одежда из шкур вытесняется из обихода. На большинстве поселений основную роль играло скорее всего земледелие, а вот на Гадыми оно стояло на втором месте, уступая скотоводству. Среди домашних животных преобладал мелкий рогатый скот, но при этом на Чопане было больше коз, а на Чагыллы — овец. Там же, на Чагыллы, в 3-м периоде появляется и крупный рогатый скот.

Рассказывая о домах джейтунцев, мы уже не раз упоминали о большом здании, обнаруженном в 1968 г. на Песседжик-депе. Приняв во внимание необычно большие для джейтунских памятников размеры постройки, капитальность внешних стен, сложность внутрен-

ней конструкции, а также отсутствие каких-либо находок внутри дома, О. Бердыев высказал предположение, что это здание вполне могло быть общественным домом Песседжика. Площадь здания была достаточно велика, чтобы вместить взрослое население всего поселка. Возможно, здесь собирались жители для обсуждения своих дел, но, как писал О. Бердыев сразу же после открытия, «не исключена возможность, что перед нами своего рода святилище, где время от времени совершались культовые церемонии и жертвоприношения»⁷².

Расчистка фресок подтвердила, что это не обычное жилое помещение, а действительно специальное здание общественного или культового характера. Сами фрески, относящиеся к VI тысячелетию до н. э., представляют огромный интерес: они — после росписей Чатал-Гююка — древнейшие в мире, так что это открытие — поистине сенсация в истории культуры. На росписях Песседжика мы видим животных (копытных и хищных), деревья, треугольники, ромбы; живопись выполнена красной и черной красками на белом фоне. По стилю фрески Песседжик-депе более просты, архаичны, чем росписи на стенах домов Чатал-Гююка.

Другое здание культового характера — «дом с сурфой» на Чагыллы. Известно, что в Месопотамии сурфа — явный признак культового характера здания. Интересно, далее, что очаг в этом доме не прокален, т. е. он или совсем не использовался, или использовался очень редко. Этой особенностью здание на Чагыллы отличается от обычных жилых домов джейтунских поселений. Видимо, значительная часть поселений джейтунской культуры имела здания общественного назначения, в которых собирались их жители.

Изучив тысячи предметов материальной культуры, Г. Ф. Коробкова обратила внимание на поразительное сходство изделий с поселений Песседжик, Чопан и Тоголок. «Тождество каменного инвентаря этих трех памятников, — писала она, — является, по-видимому, отражением единства того коллектива, который заселял данные поселения. По всей вероятности, обитателями их были родственные коллективы, принадлежавшие одному племени, осевшему в этом оазисе тремя общинами»⁷³.

Все названные поселения располагались на берегах реки Секиз-Яб, существующей и поныне; центром это-

го оазиса, по крайней мере во 2-й фазе, был скорее всего Песседжик. Возможно, что жизнь на всех трех поселениях началась одновременно. Культура этого неолитического оазиса очень близка Джейтуну, или, вернее, культура Джейтуна была близка культуре этого оазиса. Ведь общественное здание с прекрасными фресками найдено не в Джейтуне, а в Песседжике, так что, судя по всему, Джейтун был не более чем периферией Песседжикского оазиса. Вполне возможно, что и всю культуру следовало бы называть песседжикской, а не джейтунской, но Джейтун нашли прежде, название привилось, и поэтому нет смысла его менять.

Так как погребений найдено мало, то дать развернутую антропологическую характеристику населения джейтунских поселков невозможно. Но кое-что все-таки мы знаем. Скрупулезно изучив те немногие черепа, которые удалось найти археологам, советские антропологи В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова пришли к выводу, что джейтуны принадлежали к европеоидному восточносредиземноморскому типу и были наиболее близки к населению Гисара (Иран), отличаясь от него большей грацильностью. В общем, обитатели джейтунских поселений походили на современных туркмен.

Только жители Монджуклы резко выделялись среди населения Прикопетдагской подгорной полосы. Мужские черепа с этого поселения близки к черепам кроманьонского облика и сближаются с черепами из пещеры Хоту в Северо-Восточном Иране. Но наибольшее внимание антропологов и археологов привлек женский череп. И неудивительно: он напоминает протоавстралоидные черепа из Мохенджо-Даро в Индии. В целом, заключают антропологи, серия черепов из Монджуклы-депе может рассматриваться как смешанная: один из слагающих ее компонентов тяготеет к антропологическим типам древнего, кроманьоноподобного населения районов Северо-Восточного Ирана, Восточного Средиземноморья и Северной Африки, другой может быть сопоставлен с населением экваториального типа Южной Индии⁷⁴.

Такое разнообразие расовых типов на сравнительно небольшой территории объяснить пока невозможно. Можно лишь предположить, как пишут В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова, что жители Монджуклы сохранили

черты древнего населения, обитавшего на юге Туркменистана в мезолите и в культурном отношении ассимилированного впоследствии носителями джейтунской культуры, пришедшими из Ирана.

Почему же запустили поселения джейтунской культуры? Ведь лишь одно из них, Монджуклы, продолжало существовать в последующую эпоху, все остальные были заброшены.

О. Бердыев сделал попытку выяснить причины этого запустения. Он указывает на то, что более поздние памятники (Новая Ниса, Келята, Бами, Монджуклы, Чагыллы) жмутся к горам, тогда как ранние (Джейтун, Чопан, Тоголок) расположены дальше от них, на границе с пустыней. Такое изменение в географическом распределении поселений, полагает О. Бердыев, было следствием наступления пустыни и сужения Прикопетдагской подгорной полосы. «Сокращение площадей оазисов и запустение некогда обжитых районов также было связано с изменением водного баланса рек (использованием большей части воды в Иране) и антропогенным фактором, оказавшим большое влияние на почвенно-географические условия подгорной зоны»⁷⁵.

Эти соображения вызывают немало возражений. Прежде всего, они дают объяснение запустению лишь одной группы памятников, но не объясняют запустения остальных. Далее, первой причиной ухода населения из поселений Песседжикского оазиса О. Бердыев считает смену относительно влажного климата более сухим и наступление пустыни. Имеющиеся данные говорят о том, что такое колебание климата в Средней Азии действительно было, но только не в V тысячелетии до н. э., когда были заброшены указанные поселения, а гораздо позже, на рубеже III—II тысячелетий до н. э.; на V же тысячелетие до н. э. приходится период относительно влажного климата. Так что довод О. Бердыева отпадает.

Второй причиной ученый считает перехват воды в Иране. Это просто неверно, так как все поселения Песседжикского оазиса, а также Джейтун располагались на реках, которые вообще зарождались не в Иране или в Ираке, но высоко в горах, где их воды в ту эпоху никто не перехватывал. Более того, именно поселения, располагавшиеся на берегах речек (Монджуклы и Ча-

гыллы), воды которых действительно могли перехватываться в Иране, существовали дольше всего.

Третьей причиной О. Бердыев считает «антропогенный фактор», но ничего конкретного при этом не говорит. Таким образом, загадка запустения джейтунских поселений еще ждет своего решения.

Но если джейтунские поселения и запустели, то это вовсе не означает, что развитие культуры древних земледельцев Южного Туркменистана прекратилось: просто один этап развития сменился другим, джейтунский — анауским. Знакомство с древними земледельцами подгорной полосы началось именно с Анау и связано с именами Р. Пампелли и А. В. Комарова, причем первым обратил внимание на холмы Анау генерал А. В. Комаров.

Что же такое анауская культура? Каковы ее связи с предшествовавшей ей джейтунской и последующими культурами?

¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. — «Труды ЮТАКЭ». Т. VII. Ашхабад, 1956, с. 11.

² В. И. Цалкин. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым. — «Труды ЮТАКЭ». Т. VII, с. 220—221.

³ Г. Н. Лисицына. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э. — «Советская археология». 1970, № 3, с. 56.

⁴ Г. Н. Лисицына. Растительность Южной Туркмении в VI—I тыс. до н. э. по данным определения углей. — «Каракумские древности». Вып. II. Ашхабад, 1968, с. 56.

⁵ А. В. Виноградов и др. Палеогеографическая обусловленность расселения древнего человека в пустынях Средней Азии. — «Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене». М., 1974, с. 291, 294.

⁶ А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Ландшафтно-климатические условия пустынных равнин Средней Азии в голоцене. — «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972, с. 95—97.

⁷ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 116.

⁸ В. М. Массон. Поселение Джейтун. Л., 1971, с. 63.

⁹ А. Г. Бабаев. У подножия Копетдага. — «Советский Союз. Туркменистан». М., 1969, с. 164.

¹⁰ Там же.

¹¹ Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965; она же. Растительность Южной

- Туркмении в VI—I тыс. до н. э. по данным определения углей. — «Каракумские древности». Вып. II. Ашхабад, 1968.
- ¹² Эта хищническая вырубка лесов продолжалась в течение тысячелетий и в 20-е годы нашего столетия приняла катастрофические размеры, приведя в конце концов почти к полному уничтожению горных лесов. См.: Г. Н. Лисицына. Загадка Мисрианской равнины. — «Природа». 1973, № 7, с. 47.
- ¹³ В. Шевченко. Арча. — «Наука и жизнь». 1969, № 11, с. 62.
- ¹⁴ Г. Н. Лисицына. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. — «Краткие сообщения Института археологии». Вып. 98, 1964, с. 56.
- ¹⁵ Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении, с. 90.
- ¹⁶ О. Бердыев. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969, с. 7.
- ¹⁷ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. — «Труды ЮТАКЭ». Т. VII. Ашхабад, 1956, с. 260.
- ¹⁸ Там же, с. 271.
- ¹⁹ В. И. Сарияниди, Г. А. Кошеленко. За барханами — прошлое. М., 1966, с. 18—19.
- ²⁰ В. М. Массон. Поселение Джейтун.
- ²¹ А. Франс. Остров пингвинов. М.—Л., 1951, с. 3.
- ²² В. М. Массон. Джейтунская культура. — «Труды ЮТАКЭ». Т. X. Ашхабад, 1960, с. 46.
- ²³ В. М. Массон. Поселение Джейтун, с. 100.
- ²⁴ В. И. Сарияниди. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М., 1967, с. 10.
- ²⁵ В. М. Массон. Поселение Джейтун, с. 35.
- ²⁶ Подробно см.: С. А. Семенов. Первобытная техника. Л., 1957; он же. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; он же. Происхождение земледелия. Л., 1974.
- ²⁷ В печати сообщалось о таком факте: один голландец выделял «древние» каменные орудия и за большие суммы (за одну из «находок» он получил 53 тыс. долл.) продавал их музеям. Его поразительные «находки», в корне менявшие современные представления о каменном веке на территории Нидерландов, в течение нескольких лет сбивали с толку ученых. В конце концов с помощью трасологического метода мошенник был разоблачен («Комсомольская правда», 31.V.1975).
- ²⁸ И. Б. Шишкин. Моделирование первобытной технологии. — «Природа». 1972, № 11, с. 98.
- ²⁹ Вл. Орлов. У колыбели труда. — «Правда», 10.VII.1974.
- ³⁰ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969.
- ³¹ Там же, с. 17.
- ³² С. А. Семенов. Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 256—257.
- ³³ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен, с. 18.
- ³⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 28, с. 221.
- ³⁵ Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого зем-

леделия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства.— «Хлопковое дело». 1924, № 3—4, с. 124.

³⁶ В. И. Масальский. Туркестанский край, с. 437.

³⁷ Н. А. Майсурян. Выдающийся ученый нашего времени.— «Природа». 1967, № 9, с. 48.

³⁸ Н. И. Вавилов. Советская наука и изучение проблемы происхождения домашних животных.— «Природа». 1932, № 6—7, с. 542.

³⁹ Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции.— Избранные сочинения. М., 1966, с. 201—202.

⁴⁰ Цит. по кн.: В. В. Струве. История Древнего Востока. Л., 1941, с. 213.

⁴¹ Там же.

⁴² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 21, с. 32.

⁴³ Там же, с. 30.

⁴⁴ А. И. Шевченко. К истории домашних животных Южного Туркменистана.— «Труды ЮТАКЭ». Т. X. Ашхабад, 1960, с. 475.

⁴⁵ Н. М. Ермолова. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении.— «Каракумские древности». Вып. III. Ашхабад, 1970, с. 221.

⁴⁶ В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Средней Азии. Сообщение 2.— «Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии». Т. LXXV. 1970, № 2.

⁴⁷ Н. Н. Воронцов и др. Хромосомы диких баранов и происхождение домашней овцы.— «Природа». 1972, № 3.

⁴⁸ В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Средней Азии, с. 125.

⁴⁹ Там же, с. 135.

⁵⁰ В. И. Сарияниди, Г. А. Кошеленко. За барханами — прошлое, с. 25—26.

⁵¹ Гр. Воскобойников. Об охоте на джейранов.— «Псовая и ружейная охота». 1901, кн. IV, с. 19.

⁵² Гр. Воскобойников. Из Асхабада.— «Псовая и ружейная охота». 1900, кн. VIII, с. 24.

⁵³ Гр. Воскобойников. Об охоте на джейранов, с. 18.

⁵⁴ Там же, с. 19.

⁵⁵ В. М. Массон. Поселение Джейтун, с. 89.

⁵⁶ А. Г. Банников. Кулан — обиженный родич лошади.— «Природа». 1971, № 10, с. 94.

⁵⁷ Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. М., 1946, с. 237.

⁵⁸ Н. Н. Каразин. Кочевья по Иссык-Кулю.— Полн. собр. соч. Т. XII. СПб., 1905.

⁵⁹ Штуцер — крупнокалиберное охотничье нарезное ружье.

⁶⁰ Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, с. 237.

⁶¹ А. И. Шевченко. К истории домашних животных Южного Туркменистана, с. 471.

⁶² И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, с. 110.

⁶³ Л. П. Сабанеев. Охотничий календарь. Изд. 2. М., 1892, с. 465. 1 вершок (старая русская мера) = 4,44 см.

⁶⁴ Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. М., 1947, с. 207.

⁶⁵ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен, с. 79.

⁶⁶ Э. Сетон-Томпсон. Рольф в лесах. М., 1958, с. 26.

⁶⁷ Все цифры этого раздела заимствованы из работ: В. М. Массон. Поселение Джейтун, с. 101—107; он же. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 106; Г. Н. Лисицына. История орошаемого земледелия в Южной Туркмении.— «Успехи среднеазиатской археологии». Вып. I. Л., 1972, с. 11—16.

⁶⁸ В. М. Массон. Поселение Джейтун, с. 107.

⁶⁹ Согласно одним расчетам, в результате перехода к производящему хозяйству население Земли, насчитывавшее в конце мезолита 10 млн. человек, возросло к концу неолита до 50 млн. По другим расчетам, население земного шара насчитывало в мезолите более 5 млн. человек, а в неолите — свыше 86 млн. Несмотря на всю условность, эти расчеты убедительно говорят о резком увеличении численности населения после перехода к земледелию и скотоводству.

⁷⁰ В. М. Массон. Поселение Джейтун, с. 109, 160.

⁷¹ Возраст образцов приведен относительно 1950 г.

⁷² О. Бердыев. Новые раскопки на поселениях Песседжик-Депе и Чакмаклы-Депе.— «Каракумские древности». Вып. II. Ашхабад, 1968, с. 13.

⁷³ Г. Ф. Коробкова. Каменная индустрия Песседжик-депе и ее среднеазиатские параллели.— «Каракумские древности». Вып. III. Ашхабад, 1970, с. 162.

⁷⁴ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 45—46.

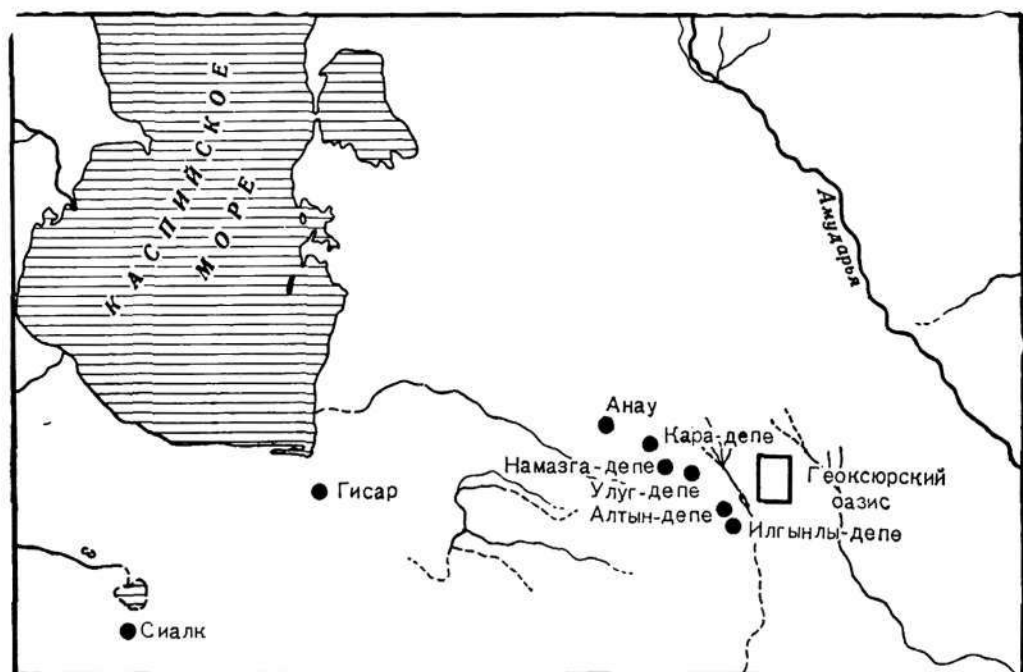
⁷⁵ О. Бердыев. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана, с. 34.

Древние земледельцы в энеолите и бронзе

Анау и Намазга — символы стратиграфии

В 1883 г. начальником Закаспийской области был назначен генерал А. В. Комаров. Он известен мирным присоединением к России Мервского, Тедженского и ряда других оазисов Туркмении, победой над афганцами и страстью к коллекционированию различного рода древностей. Генерал собрал богатые палеонтологические, этнографические, археологические и нумизматические коллекции, часть которых еще при жизни передал в русские музеи. В Туркмении А. В. Комаров обратил внимание на холмы, внешне похожие на причерноморские курганы, и решил провести раскопки, надеясь найти богатые царские захоронения, подобные скифским.

В 1886 г. генерал приступил к делу, начав с двух холмов (северного и южного), расположенных у железнодорожной станции Анау, к востоку от Ашхабада. Используя, как принято ныне говорить, свое служебное положение, генерал приказал солдатам рыть траншею через северный холм. Однако вместо ожидавшихся прекрасных произведений искусства, великолепных изделий из серебра и золота солдаты стали лопатами выбрасывать на поверхность какие-то черепки, каменные орудия, кости людей и животных... Не найдя царских захоронений, А. В. Комаров прекратил раскопки, о которых затем опубликовал краткое сообщение в «Туркестанских ведомостях». Следует заметить, что любознательный генерал так и не разобрался в характере памятника, который он столь решительно приказал разрезать траншеей.

Средняя Азия и Иран эпохи энеолита и бронзы

Хорошо, что А. В. Комаров начал раскопки, но еще лучше, что он вовремя их прекратил. Дело в том, что велись они варварски. Это, собственно, не столько раскопки, сколько, по словам В. М. Массона, свидетельство беспомощности тех, кто их производил. Но в то же время несомненно, что генерал сделал и нечто полезное: обратил внимание ученых на псевдокурганы. Как-никак, а ведь именно комаровская траншея принесла обоим холмам всемирную славу.

В 1903 г. в Среднюю Азию приехал американский геолог Р. Пампелли. Он побывал на Анау и в обрезах комаровской траншеи собрал немного черепков расписных сосудов. В 1904 г. в Туркмению прибыла уже целая американская экспедиция во главе с тем же Р. Пампелли; в числе ее участников был опытный немецкий археолог Г. Шмидт. С разрешения русской Археологической комиссии экспедиция провела раскопки на обоих холмах Анау. Полученные материалы были затем изданы в США и долгое время оставались главным источником для изучения древнеземледельческих культур на юге Туркменистана, которые с тех пор стали называть анаускими.

Так холмы Анау получили мировую известность, ко-

торой они совершенно не заслуживают. Это небольшие, рядовые поселения древних земледельцев, не идущие ни в какое сравнение с такими крупными и богатыми в археологическом отношении памятниками, как Намазга, Кара-депе у Артыка, Геоксюр-І или Алтын. Но поселения Анау стали известны первыми — и этим все сказано...

Каковы же результаты работ экспедиции Р. Пампелли?

Главный итог — это создание стратиграфической колонки, которая давала представление о последовательности культур, их развитии и смене. Эти комплексы, или культуры, сменявшие друг друга во времени, получили названия Анау I А, Анау I Б, Анау II, III и IV, из которых наиболее древняя — Анау I А. Относятся они к эпохам энеолита (Анау I и II), бронзы (Анау III) и железа (Анау IV), а хронологически укладываются в промежуток времени от V тысячелетия до н. э. до IV в. до н. э.

Уже в эпоху Анау I жители поселения применяли орудия из меди, т. е. сделали важный шаг в развитии экономики, перейдя из века камня в век металла (джейтунская культура, как вы помните, была чисто неолитической). Воду для орошения полей жителям анауских поселений давал ручей Кельте-Чинар. Дома они строили из сырцового кирпича, занимались земледелием, скотоводством и охотой.

Абсолютный возраст анауских культур, который мы только что указали, получен не американской экспедицией (Р. Пампелли давал иные, неверные даты), а советскими учеными. Вообще раскопки были проведены на невысоком методическом уровне, толкование материала оказалось неглубоким, а то и просто неверным. Наиболее существенная ошибка — объединение различных археологических комплексов в один — Анау III. Но столь же несомненно, что работы Пампелли — Шмидта сыграли положительную роль, введя в научный оборот анауские культуры.

Как уже говорилось, самое существенное достижение экспедиции — создание той стратиграфической колонки, которая в течение нескольких десятилетий была ориентиром для всех изучавших далекое прошлое Туркмении. Но к середине века эта стратиграфия уже перестала

удовлетворять ученых. Да и почему, собственно говоря, надо было ограничиваться данными, полученными лишь с захудалых поселений Анау? И вот после окончания Великой Отечественной войны советские ученые начинают активное изучение древнеземледельческих культур на юге Туркмении. Поворотный момент в этих исследованиях связан с именем Б. А. Куфтина.

В 1952 г. он приехал в Туркмению и в результате двухмесячных изысканий произвел подлинный переворот в представлениях о развитии культур древних земледельцев. «Главной задачей этих исследований, — писал Б. А. Куфтин, — было установить с первого же года наших работ в дополнение и взамен старой анауской новую стратиграфическую колонку для всего подлежащего изучению периода жизни оседло-земледельческого населения предгорной зоны Копетдага в эпоху энеолита и бронзы вплоть до становления классового общества»¹.

Естественно, что эту «новую стратиграфическую колонку» надо было получить не с какого-нибудь мелко-го поселения, а с самого крупного, существовавшего длительное время, о чем на глаз можно в какой-то степени судить по высоте холма. И Куфтин выбрал для этой цели Намазга-депе — поселение, расположенное в 7 км к западу от железнодорожной станции Қаахка, занимающее огромную площадь — почти 70 га (для сравнения укажем, что площадь северного холма Анау всего 1 га) — и на 20 м поднимающееся над окружающей равниной. Намазга была открыта в 1916 г. Д. Д. Букиничем, и он же десятью годами позже обследовал ее; в 1949—1950 гг. на этом поселении проводил раскопки археолог Б. А. Литвинский.

Б. А. Куфтин заложил на Намазге пять шурфов и получил стратиграфическую колонку в 34 м. Разница между высотой холма (20 м) и стратиграфической колонкой (34 м) объясняется тем, что за прошедшие шесть с лишним тысячелетий постоянные и временные водотоки, а также сели² нанесли с гор столько песка, глины, гальки, что уровень подгорной полосы поднялся и нижние слои Намазги оказались погруженными под эти наносы. Кстати, примерно такая же картина наблюдается и на других памятниках Прикопетдагской подгорной полосы.

Анализ полученного материала позволил Б. А. Куф-

тину выделить шесть комплексов, которым он дал названия (снизу вверх): Намазга I — Намазга VI. Эта стратиграфическая колонка и была принята в качестве ведущей для всех поселений древних земледельцев Южного Туркменистана. Кроме закладки шурфов Б. А. Куфтин произвел на Намазге небольшие раскопки, но по масштабам они не идут ни в какое сравнение с раскопками, скажем, на Кара-депе у Артыка, на Дашлыджи или Алтыне.

Необходимо, однако, помнить, что, по определению В. М. Массона, каждая отдельно взятая стратиграфическая колонка отражает прежде всего развитие материальной культуры на данном памятнике (или в данном месте памятника, если последний достаточно обширен). Так что, например, комплекс Намазга I «является конкретным собранием предметов материальной культуры, найденных именно на поселении Намазга-депе. В том случае, когда перед нами комплекс, близкий по своему облику к Намазга I, но происходящий не с Намазга-депе, а с какого-то другого памятника, то о нем следует говорить как о „комплексе типа Намазга I“; если же различия между обоими собраниями весьма существенны, то его надо отметить как „комплекс времени Намазга I“»³. Все это необходимо учитывать в дальнейшем, ибо упоминания комплексов Намазги будут теперь то и дело встречаться на страницах нашей книги.

Сравнение материалов Намазги с данными, полученными Р. Пампелли на Анау, позволило Б. А. Куфтину установить взаимосвязь между комплексами этих поселений. Она выглядит так:

<i>Анау IА</i>	—————	<i>Нет</i>
<i>Анау IБ</i>	—————	<i>Намазга I</i>
<i>Анау II</i>	—————	<i>Намазга II</i>
<i>Нет</i>	—————	<i>Намазга III</i>
<i>Анау III</i>	—————	<i>Намазга IV-VI</i>
<i>Анау IV</i>	—————	<i>Нет</i>

Как видно, на Анау, по данным раскопок Р. Пампелли, нет слоя, соответствующего Намазга III. Это, однако, еще не говорит с полной очевидностью, что соответствующего слоя нет на самом деле. «Судя по сравнительно высокому нахождению керамики Анау II —

Намазга II на северном холме Анау, можно допустить, — писал в 1956 г. В. М. Массон, — что слои Намазга III следует ожидать в основании южного холма. Нижние слои южного холма Анау изучались американской экспедицией только в маленьких колодцеобразных шурфах и вполне естественно не могли быть стратиграфически четко разделены»⁴. Подтвердится это предположение В. М. Массона или нет, покажет будущее.

После того как выяснилась связь между комплексами Анау и Намазги, важно было установить соотношение стратиграфической колонки Анау—Намазга с колонками, полученными на памятниках Ирана: это дало бы возможность определить место древних земледельцев Южного Туркменистана на арене мировой истории. Уже в 1956 г. В. М. Массон на основе кропотливого анализа данных с памятников Южной Туркмении и Ирана смог прийти к таким выводам:

<i>Туркменистан</i>	<i>Иран</i>	
<i>Намазга V</i>		<i>Гиссар III</i>
<i>Намазга IV</i>	<i>Сиалк IV</i>	<i>Гиссар II</i>
<i>Намазга III</i>	<i>Сиалк III</i>	
<i>Намазга II</i>	<i>Сиалк II</i>	<i>Гиссар I</i>
<i>Намазга I</i>		
<i>Анау IA</i>	<i>Сиалк I</i>	
<i>Джейтун</i>		

Несколько лет спустя, в 1963 г., когда в распоряжении ученых уже был материал не только с Намазги, но и со многих других поселений эпохи энеолита и бронзы, в том числе и с поселений Геоксюрского оазиса, В. И. Сариниди разработал таблицу, показывающую соотношение между памятниками центральной и восточной частей Южной Туркмении (см. таблицу на стр. 83).

И. Н. Хлопин, столь много сил вложивший в изучение Геоксюрского оазиса, на основе своих многолетних изысканий составил точные таблицы соотношения комплексов геоксюрских поселений между собой и с комплексами других памятников Южной Туркмении.

Центральная область	Восточная область	Эпоха
Намазга V	Алтынский период	Бронза 3000 г до н.э.
Намазга IV	Халузский период	
Намазга III	Геоксюрский период	Энеолит
Намазга II	Ялангачский период	
Намазга I	Дашлыджинский период	
Анау I A	Монджуклинский период	
Джейтунская культура	Чагыллинский период	Неолит

Все эти работы советских археологов позволили установить и соотношение между комплексами многих памятников Южного Туркменистана, а также между ними и памятниками Малой Азии и Ближнего Востока. Это дало также возможность определить абсолютную хронологию комплексов Намазги, так что ныне стратиграфическая колонка этого поселения в ее соответствии с эпохами и абсолютными датировками выглядит так:

Комплекс	Эпоха	Абсолютная датировка
Намазга VI	Бронза	Поздняя Середина и вторая половина II тысячелетия до н. э.
Намазга V		Развитая Конец III — первая треть II тысячелетия до н. э.
Намазга IV		Ранняя Середина и вторая половина III тысячелетия до н. э.
Намазга III	Энеолит	Поздний Конец IV — первая треть III тысячелетия до н. э.
Намазга II		Развитой Середина и вторая половина IV тысячелетия до н. э.
Намазга I		Ранний Вторая половина V — начало IV тысячелетия до н. э.
Анау I A		

Однако результатами исследований древнеземледельческих культур подгорной полосы Копетдага были, конечно, не только стратиграфические колонки и таблицы: удалось получить огромное количество самых различных данных о развитии хозяйства, общественных отношений и культуры.

В этих исследованиях принимали участие: К. А. Адыков, А. Ф. Ганялин, Д. Д. Дурдыев, С. А. Ершов, А. А. Марущенко, И. С. Масимов, А. Я. Щетенко и многие другие советские специалисты. В раскопках таких крупных памятников, как Кара-депе у Артыка, Геоксюр I, Алтын-депе, велика роль В. М. Массона, В. И. Сариниди, И. Н. Хлопина. В итоге многолетних целенаправленных изысканий советские ученые получили такое количество материала, что это позволило не только написать работы о тех или иных отдельных памятниках, но и тщательно изучить самые различные стороны хозяйства и культуры древних земледельцев Южного Туркменистана.

Так как материал собран огромнейший и памятников известно много, то описывать все это в научно-популярных очерках ни по эпохам, ни по поселениям просто невозможно. Поэтому мы лишь вкратце расскажем о развитии (в целом) культур древних земледельцев в энеолите и бронзе, а отдельные главы посвятим только тем памятникам, которые представляют наибольший интерес.

Начнем с вопроса о том, как были связаны между собой культуры джейтунцев, анаусцев и намазгинцев.

Анаусцы — кто же они?

В результате раскопок на Монджуклы находки джейтунского типа впервые были обнаружены под слоем Анау I А. Казалось бы, все ясно: джейтунская культура сменяется анауской, а последняя, в свою очередь, — комплексом Намазга I (см. стратиграфические колонки в предыдущем разделе). Но внимательный анализ находок с Монджуклы, подтвердив именно такую последовательность смены культур, вновь (уже в который раз!) поставил под сомнение их генетическую связь на основании следующих фактов.

Первое. Джейтунцы не знали металла — это культура чисто неолитическая; в верхнем же слое Монджуклы, относящемся ко времени Анау I А, найдены медные изделия, свидетельствующие к тому же о достаточно высоком уровне металлургии.

Второе. Поселения джейтунцев представляли хаотические скопления небольших домиков. На поселениях же Монджуклы и Чакмаклы, существовавших во время Анау I А, мы видим нечто иное: и то и другое четко разделены на две части узенькой улочкой, да и дома на них крупнее джейтунских. Интересно, что ни до, ни после времени Анау I А такого четкого деления поселения на две части мы не находим ни на одном из поселений древних земледельцев Южного Туркменистана.

Третье. Керамика джейтунцев отличается от анауской с Чакмаклы и Монджуклы своей фактурой: у джейтунской посуды черепок толстый, в глину подмешан саман; у анауской — тонкий, в глине — мелкий песок. Отличается и роспись на сосудах. Разница настолько существенная, что О. Бердыев, проводивший раскопки на Чакмаклы, пришел к выводу: керамика Чакмаклы-депе (Анау I А) генетически почти не связана с керамикой как предыдущего периода (джейтунского), так и последующего (Анау I Б).

Четвертое. Джейтунцы скорее всего не знали мотыги, так как, несмотря на тщательные раскопки, ни на одном из их поселений не было найдено ничего похожего на это орудие труда. На Чакмаклы же найдены две мотыги — и именно в комплексе Анау I А.

Пятое. Сравнение орудий труда из нижних (джейтунских) и верхних (анауских) слоев Монджуклы, проведенное Г. Ф. Коробковой, показало, что налицо резкие различия: в нижнем слое — типично джейтунские микролиты, в верхнем — их нет совсем; различна техника обработки камня и изготовления орудий.

Шестое. В то время как уловить связь между керамикой джейтунцев и анаусцев почти невозможно, связь между джейтунской и намазгицской керамикой настолько очевидна, что, как считает В. М. Массон, керамику типа Намазга I (Анау I Б) с ее массивными формами и обильной примесью в глине самана легче вывести прямо из джейтунских комплексов, минуя посуду типа Анау I А.

О чем все это говорит? Еще в 1960 г., т. е. за несколько лет до раскопок на Монджуклы и находок мотыг на Чакмаклы, И. Н. Хлопин с характерной для него обстоятельностью писал: «...современная наука еще не располагает достаточным количеством фактов, чтобы отстаивать автохтонность или привнесение стиля росписи, выделенного в этап Анау I А. Но, учитывая незначительное количество фрагментов керамики с росписью стиля Анау I А, ее локализацию только в районе Ашхабада и как бы выпадение этих орнаментов из общей линии развития мотивов росписи от Чопан-депе к Анау I Б, а также появление некоторых иных мотивов росписи на ранних ступенях Анау I Б, вряд ли имеющих свои корни в джейтунской культуре... возможность столь ранних влияний культур иранского круга, вероятнее всего, за счет инфильтрации их носителей не может быть отвергнута»⁵.

Если к этому добавить, что мотыги с Чакмаклы очень похожи на мотыги из Сиалка и Хассуны, что индустрия Анау I А вообще имеет много общего с индустрией иранских поселений, что посуда Анау I А очень близка расписной керамике раннего Сиалка, что уже во время Сиалка I жители этого поселения использовали орудия из меди, то мы с достаточной долей уверенности можем сделать вывод о появлении в подгорной полосе Копетдага переселенцев из Ирана где-то на последней стадии джейтунской культуры. О том же свидетельствует и необычная планировка Монджуклы и Чакмаклы во времена Анау I А. «По-видимому, такая планировка поселков, — пишет В. М. Массон, — отражает деление их обитателей на две фратрии... Подобная планировка поселений, не находящая себе аналогий... возможно, отражает черты этнического и социального своеобразия»⁶.

На основании всех этих соображений мы можем заключить, что джейтунская культура действительно сменяется анауской, но последняя не является прямым развитием первой. Комплекс же Намазга I возник, возможно, в результате слияния джейтунской и анауской традиций. Видимо, пришельцы из Ирана, хорошо знакомые с металлом и ткачеством, вытеснили с некоторых поселений (например, с Монджуклы) джейтунцев, а также основали ряд новых, например Анау. Возможно, что какое-то время переселенцы сосуществовали с

джейтунцами, ибо во время, соответствующее верхним, анауским слоям Монджуклы и Чакмаклы, продолжало существовать такое чисто джейтунское поселение, как Чагыллы-депе.

Со временем пришельцы были ассимилированы местным населением, позаимствовавшим у них секреты металлургии. На базе этих двух культур и возникла культура Намазга I (Анау I Б). Необходимо, однако, оговорить, что вопрос о переходе от джейтунской культуры к комплексу Намазга I остается во многом неясным из-за недостатка материалов. Во всяком случае, мы знаем, что переселение произошло где-то на рубеже VI—V тысячелетий до н. э. (культура Анау I А существовала в V тысячелетии до н. э., после чего начался период Намазга I). Можно, пожалуй, сказать, что Анау I А — это время, переходное от неолита к энеолиту, которому и посвящается следующий раздел книги.

От однокомнатных — к многокомнатным

В пору раннего энеолита (время Намазга I) древнеземледельческие племена заселяют всю подгорную полосу. Именно тогда возникает бóльшая часть поселений, многие из которых существуют затем более двух тысяч лет. В позднем Намазга I древние земледельцы начинают осваивать дельту Теджена, которая располагалась восточнее современной, и основывают первые поселения так называемого Геоксюрского оазиса.

Еще в 1952 г. Б. А. Куфтин обратил внимание на «поразительные совпадения» в орнаментации, формах и технике изготовления керамики на ряде анауских поселений и пришел к выводу, что они свидетельствуют о «культурно-племенном единстве всей подгорной зоны Центрального и Восточного Копетдага...»⁷. Это единство особенно бросается в глаза именно в пору Намазга I; позже, в условиях длительного развития при относительной обособленности разных групп поселений, возникают местные варианты общей древнеземледельческой культуры Южного Туркменистана, и различия между отдельными областями проступают более определенно. В. М. Массон выделяет две области — западную и восточную; И. Н. Хлопин — четыре района: западный,

центральный, восточный и геоксюрский, отличающиеся между собой этнографическими особенностями.

В эпоху поздней бронзы (Намазга VI) происходит дальнейшее расселение древнеземледельческих племен. Они продвигаются на восток, в дельту Мургаба, и на запад — на Мисрианскую равнину, расположенную на юго-западе Туркмении, между Каспием и западными отрогами Копетдага.

Археологические материалы неопровержимо свидетельствуют, что в описываемое нами время, т. е. в энеолите и бронзе, происходили миграции, охватывающие обширные пространства Ближнего Востока. Мы уже знаем о появлении переселенцев из Ирана в поздний период джейтунской культуры, но известны также и другие факты. Так, в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. происходит перемещение каких-то (трудно сказать, больших или маленьких) групп населения из Ирана в район поселения Кара-депе у Артыка. В первой трети III тысячелетия до н. э. забрасываются последние поселения Геоксюрского оазиса, и волна переселенцев из древней дельты Теджена проходит через Афганистан на юг, вплоть до современной территории Пакистана и Индии.

Соседями древних земледельцев в эти эпохи были: на севере — племена охотников и рыболовов, на юге — земледельческие общины Ирана. В III тысячелетии до н. э. в Месопотамии возникают уже раннеклассовые государства.

Культура древних земледельцев достигла расцвета в периоды Намазга III — Намазга V, т. е. в позднем энеолите, ранней и развитой бронзе. Однако уже в период позднего Намазга V отмечаются первые признаки упадка. В это время прекращает свое существование одно из крупнейших и древнейших поселений — Алтын, а в пору Намазга VI пустеет и само поселение Намазга. К концу эпохи бронзы забрасывается большая часть поселений древних земледельцев Прикопетдагской подгорной полосы.

Размеры поселений в энеолите и бронзе были весьма различными. В западном районе — от Кызыл-Арвата до Гяурса — площадь их, как правило, не превышала 1 га (Тилькин-депе, Оводан-депе, северный холм Анау и др.). В центральном районе — от Гяурса до Душа-

ка — располагались и крупные и мелкие поселения. Здесь находился такой гигант, как Намазга (70 га), такие большие поселения, как Улуг-депе у Душака (20 га) и Кара-депе у Артыка (15 га), и тут же существовали небольшие поселки вроде Тайчанак-депе (2 га). В восточном районе, в окрестностях населенных пунктов Чаача и Меана, располагались как крупные (Алтын — 46 га, Илгынлы-депе — 12 га), так и незначительные по площади поселения (Монджуклы — примерно 0,03 га). В Геоксюрском оазисе встречались поселения самых различных размеров — от крохотного Дашлыджи (0,16 га) до сравнительно большого Геоксюра-1 (около 12 га). В период Намазга VI, когда большинство крупных центров забрасывается, в основном продолжают существовать поселки площадью 1,5—2 га (например, южный холм Анау, Теккем-депе).

По числу жителей все эти поселения также резко различались между собой: на Дашлыджи проживало 50—60 человек, на Муллали — около 100 (оба поселения — в Геоксюрском оазисе), на Геоксюре-7 — 300—400, на Кара-депе у Артыка — более 1 тыс., на Геоксюре-1 — 2—3 тыс., на Алтыне — не менее 5 тыс. человек.

Некоторые поселения группировались в оазисы. Наиболее известна группа поселений в древней дельте Теджена — так называемый Геоксюрский оазис. Мы знаем девять поселений; из них в пору Намазга II одновременно существовало восемь поселков, а в последний период жизни оазиса (Намазга III) — всего два. Но были и другие оазисы. Так, между железнодорожными станциями Артык и Баба-Дурмаз в эпоху бронзы в близком соседстве располагались три поселения (Коша-депе, Шор-депе, Тайчанак-депе).

Самым крупным поселением была Намазга, которая в эпоху бронзы, как полагает В. М. Массон, играла роль своеобразного центра всех земледельческих оазисов подгорной полосы. Местоположение этого поселения было весьма удачным: близко к предгорьям, в районе, орошаемом двумя речками — Арчиньян и Лаинсу. В древности этот район был наверняка богат лесом, о чем свидетельствует (кроме уже приведенных нами соображений) широкое использование древесины на топливо, на что обратил внимание еще Б. А. Куфтин.

Вначале, во второй половине V тысячелетия до н. э., Намазга представляла собой сравнительно небольшое поселение, застроенное однокомнатными домиками из сырцового кирпича. В середине III тысячелетия до н. э. Намазга резко увеличивается в размерах. В этот период поселение застраивается многокомнатными домами-массивами, разделенными между собой узкими улочками. В конце III — начале II тысячелетия до н. э. Намазга достигает наивысшего расцвета, происходит формирование городской цивилизации древневосточного типа. То же самое наблюдается также и на Алтыне. Во второй половине II тысячелетия до н. э. площадь Намазги сокращается, а к концу периода поздней бронзы жизнь на ней замирает совсем.

На переход от однокомнатных домов к многокомнатным мы обратили внимание не случайно. Это изменение (не столько в архитектуре, сколько в планировке) настолько бросается в глаза и имеет столь большое значение, что в автореферате докторской диссертации В. М. Массон писал даже о раннем энеолите как «периоде однокомнатных домов», а о позднем — как о «периоде многокомнатных домов»⁸. Внимание к этому вопросу объясняется тем, что изменения в планировке поселений связаны с большими переменами в общественной жизни, и прежде всего с возникновением большой семьи.

Джейтун, как известно, состоял из небольших однокомнатных домов, сложенных из сырцовых протокирпичей («булок»); в поздней фазе джейтунской культуры (на Чагыллы) появляется прямоугольный кирпич, из которого и сооружаются все дома в последующие времена. В эпохи позднего энеолита и бронзы поселения состоят из многокомнатных домов-массивов, разделенных улочками и переулками. Так, на Геоксюре-1 обнаружена улица шириной 1—2 м, которую археологам удалось проследить на расстоянии 55 м. А на другом поселении — Кара-депе у Артыка — существовало даже нечто вроде площади.

Каждый дом-массив состоял из нескольких небольших жилых комнат и хозяйственных помещений с одним общим двором и общей кухней. Скорее всего такой дом-массив заселяла большесемейная община, состоявшая из 6—8 родственных семей, ведущих общее хозяйство.

Несколько таких большесемейных общин образовывали родовой коллектив древних земледельцев.

В этих домах-массивах с точки зрения развития архитектуры ничего принципиально нового нет. Подобно тому как сейчас из стандартного набора блоков или панелей собирают дома, разные по внешнему виду, числу этажей и количеству комнат в квартирах, так и на Намазге, Кара-депе и Геоксюре однокомнатные домики соединяли вместе, и получались многокомнатные дома-массивы, отличающиеся друг от друга лишь количеством и площадью жилых помещений.

Внутри домов также не произошло особых перемен. Двери появились уже в джейтунскую эпоху; в некоторых жилых комнатах — в последующие эпохи — сооружались суфы; широко использовались тростниковые циновки. Дома по-прежнему имели плоские балочные перекрытия, хотя свод стал известен древним земледельцам уже в энеолите. На Геоксюре-1 В. И. Сарияниди открыл особые погребальные камеры, так называемые толосы, сложенные из сырцовых кирпичей и имевшие сводчатые перекрытия из тех же кирпичей. Но сооружались ли жилые дома и общественные здания с такими сводами, мы пока что не знаем.

В это же время, в энеолите, появляются и первые укрепления: в Геоксюрском оазисе, на поселениях Ялангач и Муллали, открыты обводные стены толщиной 60—110 см. В эпоху бронзы стены становятся более мощными. Так, в 1975 г. на Алтыне была вскрыта стена толщиной 6 м, похожая на крепостную.

А теперь перейдем к хозяйству древних земледельцев. Рассказ этот, пожалуй, лучше всего начать с рождения металлургии, сыгравшей колоссальную роль во всей истории человечества.

Камень сменяется металлом

Древние земледельцы Южного Туркменистана стали использовать металлы начиная со времени Анау I А. Первым металлом была медь. Изделия из нее найдены на северном холме Анау, на Монджуклы, Чакмаклы, Каушуте. Все это именно медные, а не бронзовые изделия — время бронзы еще не пришло. Правда, во мно-

гих изделиях из металла, обнаруженных археологами на указанных поселениях, есть примеси свинца и мышьяка, так что, в сущности, следовало бы считать их сделанными из свинцово-мышьяковистой бронзы. И все же археологи говорят именно о меди, ибо примеси в этих предметах естественные, случайные — специально изготовленного сплава, каковой мы видим в последующую эпоху, здесь нет. Кроме меди обитатели подгорной полосы уже в пору Анау I А знали свинец, а комплекс Намазга III свидетельствует о том, что им были известны золото и серебро.

В эпоху энеолита из меди выделявали листовидные клинки, ножи, топоры, наконечники копий, иглы, шилья, проколки, булавки, украшения; на Кара-депе Б. А. Куфтин обнаружил медный меч длиной 65 см и весом 1,5 кг; на Гара-депе у Каушута А. Я. Щетенко раскопал обломки медной пилы. Следует отметить, что изделий из меди (по сравнению с каменными) археологи находят очень мало. Но это вовсе не говорит о том, что, скажем, у жителей Намазги или Геоксюра-1 был какой-то недостаток орудий и оружия. Дело в ином: когда ломалось каменное орудие, то его выбрасывали, когда же медное — отправляли на переплавку. Металла, видимо, было относительно мало, и поэтому его берегли. Кстати, сам факт почти полного исчезновения кремневой индустрии свидетельствует о широком распространении металла.

В джейтунскую эпоху, в неолите, среди кремневых изделий, как известно, первое место занимали вкладыши для серпов. В энеолите вместе с кремневой индустрией постепенно уходят в прошлое и кремневые вкладыши. Однако ни одного медного серпа до сих пор не найдено. Это, возможно, случайность: земледелие в энеолите не только не пришло в упадок, но, напротив, продолжало успешно развиваться, и несомненно, ячмень и пшеницу жали не голыми руками. Раз серпы с кремневыми вкладышами становятся все более редкими, значит, появляются медные серпы, и можно надеяться, что со временем археологи найдут это орудие.

Анализ 70 медных предметов, найденных на древнеземледельческих поселениях Южного Туркменистана эпохи энеолита, позволил московскому археологу и историку металлургии Е. Н. Черных сделать ряд инте-

ресных выводов⁹. Оказалось, что в 68 предметах в качестве основы использована медь с различными естественными примесями, иногда достигающими в сумме 3%. Обычно это были свинец, никель, серебро, железо; часто встречались мышьяк, сурьма, висмут; чрезвычайно характерно отсутствие олова. Удалось установить также, что орудия выделялись не из самородной меди, а выплавлялись из руд, причем все предметы изготовлены, по словам Е. Н. Черных, из «генетически единой» группы металла. Кроме этих 68 медных предметов есть еще два («лопаточка» и булавка), сделанные из сплава серебра с медью.

Изучив технологию изготовления медных орудий, Е. Н. Черных пришел к выводу, что металлурги Южного Туркменистана уже в энеолите применяли термообработку металла. Орудие выделялось таким способом: древний металлург отливал болванку, из которой выковывал нужный предмет; в результате холодной проковки медь упрочнялась, но в то же время в металле появлялись напряжения, что делало его хрупким и ломким. Чтобы снять их и вернуть металлу пластичность, изделие нагревалось в течение одного-двух часов до определенной температуры. Из 13 предметов, изученных Е. Н. Черных с точки зрения технологии изготовления, 11 были отожжены и лишь два оказались не отожженными после проковки.

Подводя итоги, Е. Н. Черных писал: «... умелое применение... термообработки металла, а также относительно развитые формы изделий позволяют сделать важный вывод о том, что металлургия анауской культуры уже не носила зачаточного характера.. Подобное знание свойств металла могло прийти лишь после длительного знакомства с медью вообще...»¹⁰.

«Не носила зачаточного характера...» Этот вывод Е. Н. Черных заставляет нас еще раз вспомнить проблему происхождения во многом загадочного комплекса Анау I А. Как уже говорилось, там были найдены медные изделия, свидетельствующие о хорошем знакомстве с этим металлом, тогда как джейтунцы не имели о нем ни малейшего представления. Вот еще одно доказательство в пользу предположения об иранском происхождении комплекса Анау I А. Но вернемся к хозяйству энеолитических племен.

Московский археолог Н. Н. Терехова исследовала в лаборатории 300 металлических изделий с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении; 150 из них она подвергла макро- и микроструктурному анализу. Это дало возможность установить, что изделия одного и того же типа поры Намазга II, например ножи и шилья, имеют различную технологию изготовления. Видимо, полагает Н. Н. Терехова, древние металлурги искали наиболее целесообразные приемы «с учетом особенностей сырья и функционального назначения орудия»¹¹.

Комплексы Анау I А, Намазга I, II и III — это все эпоха энеолита; Намазга IV — уже век бронзы. Бронза — первый сплав, изобретенный человеком. Классическая бронза, как известно, сплав меди с оловом, но в подгорной полосе Копетдага с оловом, видимо, было туго, и местные металлурги применяли вместо него свинец и мышьяк. Бронзовая булавка с Алтына (рубеж III—II тысячелетий до н. э.) имеет, например, такой состав: меди — 83%, свинца — 7, мышьяка — 8, других металлов — 2%; бронзовая печать того же времени: меди — 86%, свинца — 12, других металлов — 2%. Иными словами, в первом случае это свинцово-мышьяковистая, а во втором — свинцовая бронза.

На поселениях древних земледельцев найдены самые различные изделия из бронзы: кинжалы, ножи, бритвы, иглы, серпы, печати, зеркала, украшения. В 1970 г. при раскопках Намазги А. Я. Щетенко обнаружил каменную литейную форму для отливки бронзовых булавок.

В результате исследования предметов из бронзы Н. Н. Терехова сделала вывод о том, что мастера Южной Туркмении применяли три способа выделки: первый — свободнаяковка литой заготовки; второй — отливка с последующей доработкой; третий — отливка без какой-либо доработки. Основным направлением в металлургии в эпоху бронзы стало литье.

Кроме бронзовых встречаются изделия и из других металлов. Так, на Алтыне археологи обнаружили великолепную серебряную булавку с навершием в виде головы козла, бусы и замечательные по мастерству исполнения головки быка и волка из золота.

Однако использование металла в хозяйстве и быту

не сразу привело к вытеснению камня, особенно в эпоху энеолита. Зернотерки по-прежнему делаются из камня, так же как и песты, подпяточные камни, фишки, ядра для пращи, кольца-утяжелители для палок-копалок; из кремня изготавливаются сверла и наконечники стрел; из различных пород камня — статуэтки, бусы и сосуды (особенно хороши мраморные сосуды с Кара-депе у Артыка); на Намазге найдена ванночка из зеленого камня для растирания красок. Зато быстро исчезают из обихода кремневые скребки и изделия из кости, использовавшиеся для обработки шкур. В то же время появляются терракотовые пряслица, свидетельствующие о развитии ткачества.

В энеолите посуда изготавливалась вручную; в период ранней бронзы (Намазга IV) появляется гончарный круг; в пору развитой бронзы (Намазга V) на нем изготавливается почти вся, а во время Намазга VI — вся посуда. В Намазга I и раннем Намазга II сосуды обжигались на открытом воздухе, в позднем Намазга II для обжига были изобретены керамические печи одноярусной конструкции; в Намазга V они сменяются более совершенными двухъярусными горнами.

Основой хозяйства в энеолите и бронзе были земледелие и скотоводство; роль охоты по сравнению с джейтунской эпохой резко упала. Древние земледельцы возделывают ячмень и пшеницу, нут и виноград. Урожайность постепенно растет. Г. Н. Лисицына предполагает, что уже в энеолите, возможно, стали получать по два урожая в год. В эту же эпоху создаются первые ирригационные сооружения, следы которых были открыты Г. Н. Лисицыной в Геоксюрском оазисе.

Определенные изменения происходят в животноводстве. Широко распространяется крупный рогатый скот, хотя и в энеолите и в бронзе в стаде преобладают овцы и козы. Соотношение между мелким и крупным рогатым скотом определяется (на разных поселениях) как 3:1, 5:1, 7:1, 11:1, а между овцами и козами — как 8:1. В энеолите верблюды встречаются еще редко, а в бронзе — он уже обычное домашнее животное. В эти эпохи в рацион древних земледельцев начинают входить различные молочные продукты.

Роль охоты, как было сказано, заметно упала: в неолите она давала минимум 25% мяса, а в энеолите —

лишь 12%. В эту и последующую эпохи обитатели древнеземледельческих поселений Южной Туркмении охотились на куланов, джейранов (на Коша-депе И. С. Масимов нашел глиняную фигурку этого животного времени Намазга III — первая находка изображения джейрана), сайгаков, диких козлов и баранов, тугайных оленей и кабанов, волков и лисиц.

Странная картина наблюдается, когда мы анализируем добычу куланов. В неолите, когда роль охоты была велика, кулана били мало, в энеолите практически ничего не меняется, а в эпоху бронзы добыча его вдруг резко подскакивает. Н. М. Ермолова приводит такие цифры: костные остатки кулана (от числа всех остатков) составляют на Елен-депе (энеолит) 2,6%; на Шор-депе (ранняя бронза) — 36,5%; там же в пору развитой бронзы — 13,7%; на Алтын-депе (развитая бронза) — 15,3%.

Мы уже писали о трудностях охоты на кулана. Думается, что и в эпоху бронзы охота на него не была более легкой, быть может, она сделалась даже труднее, ибо население значительно возросло, количество же дичи, вполне вероятно, уменьшилось и она стала более осторожной. Все это относится и к кулану. И тем не менее его добыча возросла в несколько раз! И, наконец, такой факт: после эпохи бронзы, в век железа, добыча кулана столь же неожиданно резко падает, сколь внезапно возрастает при переходе от энеолита к бронзе. Вообще, динамика добычи этого животного такова: неолит и энеолит — добывалось мало, бронза — много, эпоха железа — снова мало.

Н. М. Ермолова объясняет это обстоятельство тем, что кулан «в древних поселениях Туркмении играл какую-то роль если не совсем домашнего, то полудомашнего животного»¹². Иначе говоря, в эпоху бронзы кулана не добывали на охоте, как в энеолите или в век железа, а забивали на мясо, как и прочих домашних животных.

Данные по Месопотамии говорят в пользу этого предположения Н. М. Ермоловой. В Двуречье имеются изображения боевых колесниц, запряженных животными, очень напоминающими куланов. Известно также, что в энеолите в Месопотамии кулан был полудомашним животным, но во II тысячелетии до н. э. лошадь

вытеснила его из хозяйства. Может быть, на юге Туркмении также пытались одомашнить это животное?

В энеолите и бронзе (видимо, уже со времени Намазга III) древние земледельцы Южного Туркменистана начинают использовать домашних животных в качестве тягловой силы. Археологи собрали целую коллекцию глиняных моделей повозок, которые дают нам определенное представление о транспортных средствах древних земледельцев. Им уже были известны повозки двух типов — тяжелые двухосные телеги и легкие одноосные, нечто вроде арбы или будущей боевой колесницы. В повозки впрягались верблюды и, возможно, быки. Но вот вопрос о применении силы животных для обработки полей остается пока что неясным, ибо на этот счет нет каких-либо прямых свидетельств.

Мы остановились на состоянии хозяйства древних земледельцев в энеолите и бронзе. Ну а каковы же были их достижения в области культуры?

Дама с календарем

В 1952 г., после своей двухмесячной экспедиции по Южной Туркмении, Б. А. Куфтин писал: «Нельзя недооценивать, опираясь на устаревшие и недостаточные данные американских раскопок в Анау, культурного уровня оседло-земледельческих племен Южного Туркменистана в эпоху первобытнообщинного строя. Уже в эпоху Анау I мы имеем в действительности дело с племенами, обладавшими орудиями из металла, знавшими всех главнейших домашних животных (овцу, козу, свинью, корову, лошадь) и умевших, несомненно, пользоваться животной тягловой силой, строивших обширные многокамерные родо-племенные дома-массивы из сырцового кирпича и овладевших техникой красочной росписи стен»¹³.

Эта оценка, сделанная на основе весьма ограниченного материала, тем не менее в целом оказалась глубоко правильной. Не подтвердились частности; так, в пору Анау I среди домашних животных лошади еще не было; тягловую силу начали использовать не в Анау I, а скорее всего в Намазга III; дома-массивы также относятся к более позднему времени. Но это все стало

ясным лишь в результате разносторонних исследований, развернутых после смерти Б. А. Куфтина; в целом же он верно оценил уровень культуры древних земледельцев Южного Туркменистана.

Б. А. Куфтин обратил внимание и на такое важное обстоятельство, как отсутствие на Намазге «явно выраженной социальной или даже значительной имущественной дифференциации...»¹⁴. Но если, по мысли Б. А. Куфтина, «значительной» дифференциации и не было, то она, несомненно, все же существовала, особенно заметно на Алтыне. Сказанное относится к эпохе бронзы, в энеолите же, особенно в раннем, социальная организация, имущественные отношения оставались такими же, как и в джейтунскую эпоху.

Смена в позднем энеолите однокомнатных домов многокомнатными свидетельствует, как уже говорилось, о сложении большесемейной общины, которая состояла из родственных между собой парных семей, ведущих общее хозяйство.

Мы не знаем достаточно определенно, объединялись ли общины Южного Туркменистана в какой-либо племенной союз, или каждое поселение было совершенно автономной единицей. Учитывая и размеры Намазги, и высокий уровень культуры этого поселения (поистине — великая Намазга!), В. М. Массон предполагает, что, возможно, «лица, стоявшие во главе этого многочисленного и сильного коллектива, распространяли свою власть на соседние территории, входившие в состав союза племен с центром на Намазга-депе»¹⁵.

Древнеземледельческая культура Южной Туркмении, медленно развивающаяся в V—III тысячелетиях до н. э., на рубеже III—II тысячелетий до н. э. достигла стадии, непосредственно предшествующей раннеклассовому обществу. В эту эпоху на юге Туркменистана начала складываться городская цивилизация древневосточного типа, но процесс этот был прерван в результате какого-то кризиса, о чем мы расскажем в главе, посвященной Алтыну, а сейчас перейдем к идеологии раннеземледельческих племен.

В своей монографии о терракотовых статуэтках В. М. Массон и В. И. Сарияниди так охарактеризовали религиозные воззрения древних земледельцев: «В сфере идеологии это была эпоха общинных земледельческих

культов, перераставших в кодифицированную систему религиозных воззрений. Классификация женских статуэток того времени ясно показывает множественность типов женского божества, воплощаемого в терракотовых идольчиках»¹⁶.

Это были, во-первых, местные богини-покровительницы тех или иных крупных центров вроде Алтына или Намазги и, во-вторых, женские божества, олицетворяющие определенные явления природы, урожай, плодородие земли и т. п. Понятно, что ни в энеолите, ни в бронзе в Южной Туркмении никакого кодифицированного пантеона богинь и богов еще не существовало; создание такого пантеона связано, как правило, со становлением государства и появлением касты жрецов.

Кстати, богов упомянули мы не случайно: у древних земледельцев кроме женских существовали и мужские божества, роль которых резко возросла к концу эпохи бронзы.

Большая часть найденных археологами женских статуэток имела, видимо, культовое назначение и использовалась в различных церемониях. Некоторые из них, выполненные особенно тщательно, служили скорее всего в качестве домашних идолов.

Религиозные представления древних земледельцев, их обряды, предрассудки, мифология, широко распространенный культ плодородия послужили той основой, на которой сформировались в последующем религии раннеклассового общества, имеющие при всех местных различиях много общих черт. В эпоху сложения первых государств религиозные представления древних земледельцев были канонизированы жрецами и при этом изменены в интересах господствующего класса и царской власти. Однако это, так сказать, социальное редактирование не может скрыть доклассовой, древней основы религиозных систем, восходящих к воззрениям людей эпохи первобытнообщинного строя. Ибо, как отметил Ф. Энгельс в «Людвиге Фейербахе», «раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой»¹⁷.

Культовые здания, святилища, известные уже в

джейтунскую эпоху, в последующие времена существуют на каждом (или почти каждом) поселении. От жилых помещений святилища отличаются большими размерами, наличием жертвенников и росписей на стенах; возможно, что в святилищах крупных центров стояли и большие статуи богов и богинь, однако пока что это только предположение.

В конце эпохи бронзы, в период сложения раннегородской цивилизации, начинают сооружаться уже настоящие храмы, напоминающие шумерские зиккураты. Такой храм или, точнее, целый храмовый комплекс открыт В. М. Массоном на Алтыне.

Что же касается захоронений, то они производились как в толосах, служивших местом коллективных погребений, так и вне их, нередко под полом. Умерших обычно укладывали в определенном положении (на боку, с подогнутыми ногами, с правой рукой, вытянутой вдоль тела, с ориентированием головы, скажем, на восток или запад) и нередко оставляли около них какие-нибудь предметы, чаще всего украшения, посуду.

Поздний энеолит и бронза — время расцвета искусства древних земледельцев. Исследовав в своей монографии о статуэтках смену стилей, В. М. Массон и В. И. Сарнианиди установили, что в энеолите господствует более реалистический, объемный стиль, а в пору развитой бронзы — условно-плоскостной. Ранняя же бронза — переходная эпоха, отмеченная борьбой этих двух стилей. Изысканная орнаментация, символизация и определенная схематизация — все это не признаки упадка, не шаг назад, а, напротив, новый этап в развитии искусства.

Удивительной красотой отличается расписная посуда карадепинцев (с изображениями животных) и геоксюрцев (с многокрасочным геометрическим орнаментом). Многие расписные сосуды с этих поселений — подлинны шедевры прикладного искусства, достойные украсить лучшие музеи мира.

Была ли у древних земледельцев Южного Туркменистана письменность? На Алтыне на находках времени развитой бронзы археологи обнаружили знаки, которые в неизменном виде часто повторяются на различных предметах и, видимо, свидетельствуют о зарождении письменности. Однако вряд ли алтынцы успели ее соз-

дать — жизнь на их поселении замерла скорее всего прежде, чем им удалось это сделать.

Сказать что-либо определенное о естественнонаучных познаниях жителей подгорных оазисов трудно. Ясно, что люди энеолита и бронзы знали об окружающем их мире больше, чем джейтунцы. Об этом неопровержимо свидетельствуют их успехи в экономике и культуре. Достаточно вспомнить о создании древними земледельцами первых ирригационных систем, об успехах в области металлургии, об изобретении керамических печей разной конструкции, об успехах в практической химии, без чего невозможно было ни изготовление красок, ни создание сплавов. Ясно также, что земледелие невозможно без календаря, пусть самого примитивного.

И. Н. Хлопин уверен, что древние земледельцы Южного Туркменистана имели какой-то календарь¹⁸. И в подтверждение своей мысли указывает на фигурку, найденную им на Ялангач-депе (Геоксюрский оазис). Это великолепная терракотовая статуэтка, одна из наиболее крупных среди найденных на поселениях древних земледельцев (расстояние от головы до конца ног — 26,5 см). На ее бедрах мы видим изображения 15 солнечных кругов (12 одинарных и 3 двойных) с «елочкой» между ними. Так как известны фрагменты других статуэток с изображением солнца, а на стене святилища в том же Ялангаче есть антропоморфный налест с 15 углублениями, то, полагает И. Н. Хлопин, число 15 не случайно и скорее всего означает количество месяцев в году. Если это так, то год древних земледельцев состоял из 15 месяцев по 24 дня в каждом плюс пять дней в остатке. Верно ли это предположение или нет, решить пока невозможно, но надо признать, что ничего фантастического в гипотезе И. Н. Хлопина нет.

Такова общая картина развития древнеземледельческих племен в энеолите и бронзе. Естественно, что история и культура каждого поселения несколько различны между собой. Особенно это относится к наиболее крупным поселениям, отличающимся неповторимыми особенностями культуры. Рассказ о них мы начнем с «поселения художников» (так археологи нередко называют Кара-депе у Артыка), которое поразило ученых своей расписной керамикой и загадочными погребениями.

¹ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.— «Труды ЮТАКЭ». Т. VII. Ашхабад, 1956, с. 266.

² Сель — временный поток в руслах горных рек, внезапно возникающий в результате сильных ливней или бурного таяния ледников и характеризующийся высоким содержанием твердого материала.

³ В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. II. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении. М.—Л., 1962, с. 6.

⁴ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— «Труды ЮТАКЭ». Т. VII. Ашхабад, 1956, с. 311.

⁵ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана.— «Труды ЮТАКЭ». Т. X. Ашхабад, 1960, с. 166.

⁶ В. М. Массон. Эволюция первобытных поселений Средней Азии.— «Успехи среднеазиатской археологии». Вып. 1. Л., 1972, с. 8.

⁷ Б. А. Куфтин. Полевой отчет..., с. 284.

⁸ В. М. Массон. Древнейшее прошлое Средней Азии. Л., 1962, с. 11, 12.

⁹ Е. Н. Черных. Некоторые результаты изучения металла Анауской культуры.— «Краткие сообщения Института археологии». Вып. 91. 1962, с. 32.

¹⁰ Там же, с. 37.

¹¹ Н. Н. Терехова. История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении. М., 1975, с. 7.

¹² Н. М. Ермолова. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении.— «Қарақумские древности», с. 213.

¹³ Б. А. Куфтин. Полевой отчет..., с. 284.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В. М. Массон. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад, 1959, с. 32.

¹⁶ В. М. Массон, В. И. Сарияниди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, с. 145.

¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 21, с. 314.

¹⁸ И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита, с. 106.

Леопард без головы

Великолепное Кара

Кара-депе, расположенное на левом берегу р. Дорунгяр, в 4 км к северу от железнодорожной станции Артык, — одно из наиболее крупных поселений древних земледельцев Южного Туркменистана. Площадь его — около 15 га, наибольшая высота над окружающей местностью — 11,5 м. Раскопки на Кара-депе проводили Б. А. Куфтин, В. М. Массон, В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопин. Особенно хорошо изучен последний период существования поселения: верхний слой Кара-депе был вскрыт на площади 4200 кв. м, нижние же слои поселения изучены весьма фрагментарно.

Говоря о том, что Кара-депе ошеломил археологов, мы имеем в виду не внешний вид поселения. Этот огромный, оплывший холм, поросший редкими кустиками солянок, отнюдь не производит сильного впечатления и не радует глаз. Но находки... Таких памятников, как Кара, немного: в каком месте его ни копни, интересные сборы обеспечены.

Прежде всего поражает общее количество керамики. Когда я, выпрыгнув из кузова экспедиционного грузовика, впервые подошел к раскопу, то буквально обомлел: вдоль него тянулся отвал, целиком состоящий из осколков битой посуды. В. М. Массон и И. Н. Хлопин равнодушно пошли дальше, но я остановил их:

— Слушайте, друзья, что же вы не забрали эти черепки?!

«Старожилы» засмеялись:

— Ну, знаешь ли, дорогой, если брать все, что дает Кара, не хватит всех музеев мира...

И это не преувеличение. Раскопки дают такое оби-

*Раскопанные здания на Кара-депе.
Слой Кара-3. Энеолит*

лие керамики, что для коллекций берут лишь целые сосуды, затем образцы типов посуды (из всех слоев), а также фрагменты с редко встречающейся росписью, остальную же массу обломков оставляют на месте.

Но Кара-депе богато не только керамикой: тут найдены многочисленные погребения, давшие бесценный материал и для антропологов и для историков; статуэтки разных эпох и различных стилей, орудия, оружие, кости животных; вскрыта планировка целых кварталов.

Наше утверждение, что на Кара-депе «интересные сборы обеспечены», не более чем констатация факта. В самом деле, когда раскапывают какое-либо поселение, всегда есть опасение, что раскопки будут неудачными («не повезет»). Когда же ведутся работы на Кара-депе, археологи твердо уверены в успехе — тут «везет» всегда. В июле 1962 г. В. М. Массон писал мне из Туркмении: «Двадцать дней копали Джейтун, а с 28 июня по 12 июля — Кара. Кара как всегда молодец... Найдена коллективная семейная гробница 2×2,2 м. В ней было 23 захоронения, 20 сосудов и статуэтка богини со змеей!» В этой фразе — «Кара как всегда молодец» — содержатся и оценка сокровищ поселения, и вера археологов в безотказность Кара-депе.

Возникло Кара в пору Намазга I и уже в то время занимало большую площадь. В следующий период, Намазга II, на поселении появляются многоквартирные дома; на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. (Намазга III) Кара переживает высший расцвет. Характерно, однако, что ни в один период своего существования Кара-депе не было застроено полностью; большие свободные участки оставались на окраинах поселения, где находились могильники. В первой половине III тысячелетия до н. э. недавно еще процветавшее поселение было заброшено, т. е. существование Кара-депе целиком приходится на эпоху энеолита.

Соотношение слоев Кара-депе с комплексами Намазги выглядит так:

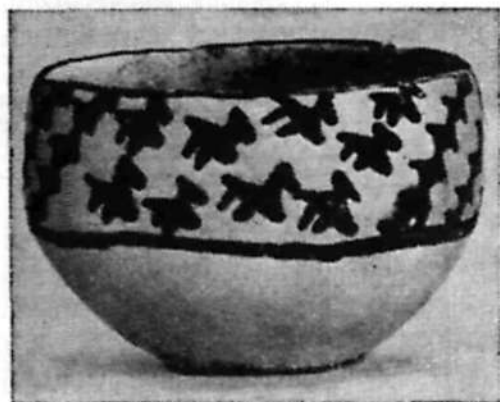
Эпоха	Намазга-депе	Кара-депе
Поздний энеолит	III	I А
		I Б
Развитой энеолит	II	2
		3
		4
		шурф XVI—XVIII ярусы
Ранний энеолит	I	шурф XXI—XXVII ярусы

Со своими соседями — намазгинцами и геоксюрцами — карадепинцы поддерживали тесные контакты, обменивались посудой, статуэтками и другими предметами, представлявшими интерес для той или другой стороны. Многочисленные погребения, найденные на Кара-депе, убедительно свидетельствуют об отсутствии существенной имущественной дифференциации.

Кара-депе представляло довольно сложный общественно-хозяйственный организм, который требовал каких-то форм управления. Вполне вероятно, полагает В. М. Массон, что такое поселение составляло один род,

*Расписные сосуды с геометрическим орнаментом.
Кара-депе. Энеолит*

*Сосуд
с изображением птиц.
Кара-депе. Энеолит*

*Фрагмент сосуда
с козлами и птицей.
Кара-депе.
Энеолит*

управлявшийся советом старейшин. Известно по этнографическим примерам, что подобные роды выбирали двух вождей — военного и мирного.

Рассказ о хозяйстве карадепинцев стоит, пожалуй, начать с описания керамики, которой столь богато поселение. Посуду можно разделить на две основные группы — хозяйственную и столовую. Хозяйственная — грубая, без всяких украшений. Это кухонные котлы, тазы и сосуды для хранения продуктов. Столовая — изящна и довольно-таки разнообразна по форме. Наиболее часто встречаются глубокие чаши (видимо, основ-

ной сосуд для еды и питья); немало также мисок, горшков, тарелок, кувшинов.

Посуда карадепинцев очень красива. Одни сосуды поражают зеркальным блеском — настолько тщательно вылощена их поверхность; другие — эффектными гофрированными стенками; третьи, выточенные из белого и розового мрамора, привлекают строгой красотой. Но особенно хороша расписная керамика.

Ромбы, треугольники, шахматные клетки, кресты, волнистые и прямые линии, а также различные сочетания этих элементов образуют изысканный орнамент. Есть сосуды, украшенные фигурами животных: идут (или плывут?) какие-то птицы; гордо расправили крылья то ли орлы, то ли грифы; хищно изогнулись леопарды. Встречаются изображения животных в сочетании с солнечными (солярными) кругами. Но чаще всего попадаетея керамика с изображением козлов.

Иногда удается найти черепки со схематизированными рисунками человека и уж совсем редко — фрагменты с изображением целых сцен. Так, на одном обломке мы видим схематичные фигурки двух людей, стоящих лицом друг к другу, а между ними — маленькую фигурку, удивительно напоминающую терракотовые статуэтки карадепинцев. Вполне возможно, что перед нами сцена поклонения богине плодородия.

Расположив керамику по слоям, можно проследить, как менялось со временем количественное соотношение между сосудами разной формы, как изменялся характер изображения животных, как один орнамент сменялся другим, одни сюжеты появлялись, а другие исчезали...

Разнообразная по форме и великолепная по отделке посуда рассказывает о вкусах карадепинцев, их любви к красивым вещам, высоком мастерстве и умении работать как с податливой глиной, так и с непослушным камнем.

Обжиг посуды (уже со времени Намазга II) производился в печах; на одном из раскопов найдены обгоревшие кирпичи и куча шлака: на этом месте находилась гончарная мастерская.

Что сеяли карадепинцы, с абсолютной уверенностью сказать нельзя, ибо остатков (или отпечатков) зерен на Кара пока не найдено. Но вряд ли их земледелие чем-либо существенным отличалось от соседней Намазги.

На последней сеяли ячмень и пшеницу, там обнаружены зерна ржи; знали намазгинцы и нут и виноград. Все эти растения были известны скорее всего и карадепинцам.

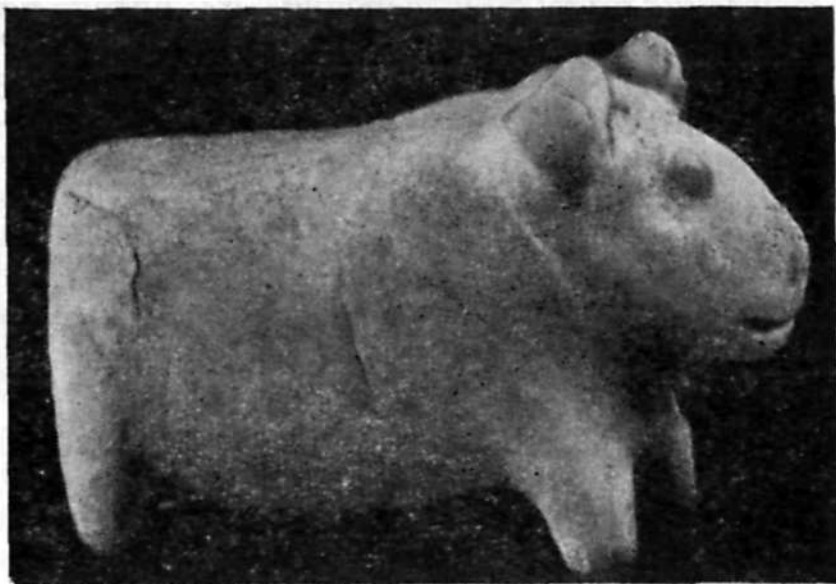
На Кара-депе из домашнего скота преобладали овцы и козы, крупного рогатого скота было гораздо меньше. Однако карадепинцы очень ценили именно быков и коров, о чем говорят их многочисленные фигурки из необожженной глины, мрамора, а также изображения на керамике. Это и не удивительно, если учесть, что крупный рогатый скот не только давал молоко, мясо и кожу, но и был тягловой силой: на некоторых фигурках быков черной краской нарисована упряжь. А так как в руки археологов попали колеса от моделей повозок, то в использовании быков в качестве тягловой силы можно не сомневаться.

Жители Кара применяли орудия из меди, камня, кости и дерева. На производство игл, проколов, булавок, ножей, наконечников для копий шла медь; из многих пород камня, известных карадепинцам, в дело чаще всего пускали песчаник и известняк. Из них изготавливали зернотерки, ступки, подпятники для дверей, кольца-утяжелители для палок-копалок. Овальные камешки (диаметром примерно 3 см) применяли в качестве снарядов для пращи.

На Кара-депе выделялось огромное количество бус, преимущественно из гипса и в меньшей степени полудрагоценных камней (лазурита, сердолика, бирюзы). Золота и серебра было мало, бусы же из этих металлов хотелось, видимо, иметь многим карадепинским дамам, поэтому ювелиры с Кара придумали такой трюк: они брали гипсовые бусы и обтягивали их сверху золотой или серебряной фольгой. Мастера с Кара-депе славились и статуэтками людей и животных из глины и мрамора.

Хорошая изученность верхнего слоя дает нам возможность достаточно наглядно представить себе, как выглядело Кара-депе в последний период своего существования.

...В центре поселения была площадь, окруженная со всех сторон домами. Постройки группировались в отдельные массивы; каждый из них состоял из нескольких больших жилых комнат, хозяйственных помещений

Мраморная статуэтка быка. Кара-депе. Энеолит

и небольшого внутреннего дворика, в который выходили двери всех жилых помещений. Были и примыкающие к домам большие дворы; возможно, они служили загонами для скота. Окон в домах не было, поэтому улицы напоминали узкие ущелья среди сплошных рядов однообразных глиняных стен, разрезаемых кое-где переулками, многие из которых кончались тупиками.

Поселение содержалось в чистоте: для мусора были отведены специальные места, своего рода общественные свалки, найти которые, кстати говоря, мечта всякого археолога — чего там только нет...

Свои дома карадепинцы возводили из сырцового кирпича $46 \times 23 \times 8$ см, $48 \times 24 \times 10$ см и близких к этому размеров. Стены с обеих сторон покрывались обмазкой из глины, смешанной с саманом; иногда также промазывали и полы.

В жилых комнатах, в углублениях, сделанных в полу, устраивали очаги, предназначенные для обогрева помещений; более крупные, кухонные очаги располагались во дворах. В одной из жилых комнат найден довольно своеобразный очаг для обогрева, сделанный из кухонного котла с выбитым дном, весь забитый золой.

Стенки кухонных очагов складывались из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро; почти все они прокалены от длительного воздействия огня. Около них на-

ходят кости животных и черепки от битой посуды; земля вокруг обычно покрыта слоем золы.

Не всегда, однако, все бывает ясным и понятным: случаются находки, ставящие ученых в тупик. Однажды на краю поселения, на свалке, археологи обнаружили 15 целых или раздавленных, но полностью собирающихся сосудов, а также статуэтку мужчины с длинной бородой. Сосуды были поставлены в ряд... Зачем? Что это — инвентарь захоронения? Но где же тогда скелет? И почему все это находится на свалке? Ответов на эти вопросы, увы, до сих пор нет.

Таковы общие сведения о Кара. Но наибольший интерес представляет не то, что сеяли и как делали посуду карадепинцы, — в этом они ничем, по существу, не отличались от своих соседей, а то, что изображалось на этой посуде. Ведь зооморфные сюжеты, столь излюбленные мастерами Кара в последний период его существования, ставят перед учеными немало вопросов.

Люди рода Козла

...Когда смотришь на эту расписную карадепинскую чашу, то создается впечатление, что изображенные на ней странные пятнистые животные шли попарно, колонной, и вдруг все они внезапно остановились и слегка присели, как бы приготовившись к прыжку. У каждого зверя четыре лапы, длинный хвост, типично кошачий изгиб тела. Словом, животные очень напоминают каких-то хищников из семейства кошачьих, и прежде всего леопардов или гепардов. Но у этих зверей нет такой существенной части тела, как голова; вместо нее нарисовано что-то, скорее напоминающее усы.

Мастерски исполненная чаша великолепна: мягкие, чистые тона окраски, странный рисунок (леопард без головы!), почтенный возраст (пять тысяч лет!) — все это интригует и заставляет задуматься. В самом деле, кого изобразил здесь мастер? Почему у зверей нет голов? Почему такие рисунки, не свойственные расписной керамике древних земледельцев Южного Туркменистана, в определенное время вдруг появились на их сосудах? И почему они вскоре же исчезли?

Как уже говорилось, на расписной посуде Кара-депе

поры Намазга III можно видеть животных, которых археологи условно именуют козлами, барсами, птицами, орлами, коровами; на одном черепке мы видим животное, весьма похожее на барана. Среди глиняных и мраморных фигурок — быки (или коровы), сайга, собака, а также какие-то другие животные, причем одни из них напоминают баранов, другие — кабанов, а относительно третьих трудно даже высказать какое-либо предположение.

Изучив изображения зверей и птиц в искусстве древних земледельцев, Г. Н. Лисицына сделала вывод: «...несмотря на такое до известной степени выборочное отображение животных в произведениях искусства, мы не находим среди рисунков ни одного надуманного: все они отражали характерных представителей фауны Южного Туркменистана»¹.

Итак, первый вывод: всех животных, которых изображали карадепинцы, они знали, видели — это не какие-то диковинные заморские звери и птицы.

Тогда почему же мастера с Кара изображали именно эту группу, именно такой набор животных? Может быть, это были самые важные для них звери и птицы?

Точно известно, что в эпохи энеолита и бронзы основными домашними животными древних земледельцев являлись овцы, козы и крупный рогатый скот; они имели также собак, верблюдов и свиней; домашней птицы скорее всего тогда еще не было.

Главной добычей охотников подгорной полосы в эти же эпохи, как вы помните, были джейраны и куланы; кроме того, добывали диких козлов и баранов, тугайных оленей, кабанов, сайгаков, зайцев, волков, лисиц.

Следовательно, в наборе животных на керамике нет основного домашнего животного — овцы, нет и главных объектов охоты — джейрана и кулана, зато присутствуют барс, орел и птицы, которые не играли существенной роли в жизни карадепинцев. А это наводит на мысль, что на своей посуде карадепинские художники рисовали не домашних животных и не объекты охоты, а нечто совсем иное. Что же именно?

Обратим внимание на следующие обстоятельства: первое — в джейтунскую эпоху изображений животных на керамике мы не встречаем; второе — изображения козлов появляются в пору позднего Намазга I, но это

линейные, схематические изображения, не похожие на яркие росписи периода Намазга III; третье — во время Намазга III происходит своего рода «нашествие» животных, причем первое место среди зооморфных сюжетов занимает козел; четвертое — птицы нередко нарисованы вместе с солярными кругами; пятое — появление зооморфных росписей на Кара совпадает с появлением на этом поселении мужских статуэток (до поры Намазга III здесь были изображения лишь женских божеств); шестое — появление зооморфных рисунков совпадает также с изменениями в характере захоронений; седьмое — керамика поры Намазга III с зооморфными сюжетами распределена по территории Кара неравномерно, те или другие сюжеты приурочены к определенным группам домов следующим образом:

<i>Место раскопок</i>	<i>Козлов</i>	<i>Барсов геометризи- рованных</i>	<i>Барсов на чашах</i>	<i>Птиц и солярных кругов</i>	<i>Орлов</i>	<i>Коров</i>
<i>Всеверных домах</i>	59	79	1	9	4	3
<i>В южных домах</i>	69	—	36	32	—	—

Совокупность всех приведенных фактов наводит на мысль, что резкое изменение в росписи на посуде, своего рода «нашествие» зооморфных сюжетов связано, видимо, с какими-то влияниями извне. И действительно, ознакомление с керамикой древнеземледельческих поселений Ирана показывает, что и сюжеты, и манера изображения, которые мы находим на посуде Кара в пору Намазга III, имеют прямые аналогии в росписях сосудов с Гиссара и Сиалка; изображения птиц с солярными кругами встречаются и в Сиалке III, и в Гияне V. Итак, источник появления зооморфных сюжетов — Иран.

Известно, что зооморфные сюжеты встречаются на керамике древних земледельцев Средней Азии, Ирана, Месопотамии; в Индии, на печатях из Мохенджо-Даро, также видим изображения различных животных. «Эти изображения, — пишет В. М. Массон, — различны по уровню художественного мастерства, различны и по составу воспроизводимых животных, но настойчивая приверженность древних гончаров к зооморфной тематике,

без сомнения, является выражением какой-то общей и важной закономерности»².

Какой же? Прежде всего вспомним о том, что в энеолите и бронзе охота у древних земледельцев названных стран играла уже незначительную роль. Поэтому, полагает В. М. Массон, «следует считать, что изображения диких животных на расписной керамике раннеземледельческих племен отнюдь не являются произведениями охотничьих сцен»³.

В чем же тогда смысл этих рисунков? «Нам представляется, что рисунки животных на расписной керамике Южного Туркменистана отражают какие-то общественные представления более раннего этапа, чем развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Скорее всего это — отражение тотемизма, широчайшим образом распространенного у охотничьих племен всего мира и частично сохраняющегося у ранних земледельцев»⁴.

Напомним, что тотемизм — это вера человека в родственную связь с животными или растениями. Согласно таким воззрениям, группа людей, какой-то род ведет свое происхождение от того или иного тотема, т. е. от определенного вида животного или растения (чаще всего тотемы — звери и крупные птицы). Так, у коренных народов Сибири многие роды считали своим тотемом медведя, в Индии среди лесных племен известны тотемы быка и тигра. Такие роды так и назывались: род Медведя, род Тигра и т. д. Тотем — не божество; главное в тотемизме — вера в родство со своим предком, а тем самым и с определенным видом животного или растения.

Тотемизм — характерная черта мировоззрения племен охотников-собирателей — не исчезает, однако, сразу после перехода этих племен к оседлому, земледельческому хозяйству (вспомним приведенное нами высказывание Ф. Энгельса о консерватизме религиозных воззрений). Так, у типично земледельческих племен индейцев пуэбло (юго-запад США) мы видим фратрии и роды Койота, Медведя, Пумы, но также и роды Табака, Кукурузы, Арбуза. Названия родов, связанные с дикими животными, свидетельствуют о более раннем периоде истории племен пуэбло, а названия, связанные с земледелием, — о более позднем.

В Южной Туркмении в пору Намазга III изображе-

ния животных на керамике сохранялись как символы, как гербы родовых групп. Эти символы отражали не расцвет тотемизма, а период его угасания.

Картина получается довольно странная: в период расцвета тотемизма зооморфные сюжеты на керамике отсутствуют, когда же тотемизм стал клониться к упадку, то изображения животных вдруг появляются на посуде земледельческих племен.

В. М. Массон объясняет это тем, что в период рождения керамического искусства такого роскошного оформления сосудов, как, скажем, в пору Намазга III на Кара-депе просто не могло быть: мастера не имели еще ни опыта, ни традиций. Когда же художественное оформление сосудов прошло немалый путь в своем развитии, когда уже выработались определенные традиции (был накоплен достаточный опыт, разработана техника), тогда только мастера смогли перейти к изготовлению роскошной расписной керамики, и первыми сюжетами росписей стали именно зооморфные сюжеты, ибо традиции тотемизма были еще живы.

Как уже говорилось, на посуде, найденной в одних домах, преобладали одни сюжеты, в других — другие. Это связано скорее всего с тем, что каждый род изготавливал сосуды с «гербом» своего тотема. И только посуда с изображением козлов более или менее равномерно распределена по всему поселению. Видимо, козел являлся тотемом всех карадепинцев или даже всех земледельцев подгорной полосы, а тотемами отдельных родов были барс, орел, корова и т. д.

Среди всех зооморфных сюжетов козел занимает по количеству первое место. Это не случайно: он был одним из основных тотемов у охотничьих племен верхнего палеолита и мезолита. Его почитали на обширных территориях Ближнего Востока и Средней Азии, причем почитание это держалось с поразительной стойкостью в течение тысячелетий. Древние земледельцы Ирана иногда изображали козла с солнцем между рогами; древние земледельцы Южного Туркменистана рисовали его на керамике. У туркменских племен в племенных и родовых этнонимах известно восемь названий, связанных с козлом, причем имя козла (теке) носит одно из важнейших племен (текинцы). Да что там мезолит, энеолит или даже средние века: еще в начале нашего

столетия в глухих районах Памира у таджиков сохранялся культ козла, связанный, правда, уже с мусульманским святым...

Кого же все-таки изображали карадепинцы на своих сосудах? Что надо понимать, скажем, под орлом? Действительно ли был нарисован орел, или же это какая-то другая хищная птица?

Присмотримся повнимательнее к изображениям животных на расписной керамике Кара. Рисунок, условно именуемый археологами орлом, изображает какую-то крупную хищную птицу. Орел всегда и везде производил сильное впечатление на людей. Всматриваясь в рисунки на карадепинской керамике, невольно вспоминаешь геральдику европейского средневековья: на посуде Кара — типичный геральдический орел.

Однако эти же рисунки удивительно напоминают и других птиц — грифов и сипов с их длинными, голыми или слабоопушенными шеями. Нельзя не учитывать того, что грифы и сипы (в Южной Туркмении обитают черный гриф и белоголовый сип) постоянно встречались около поселений, где они питались падалью, и являлись неременной, а потому и привычной для человека частью ландшафта. Однако решить, какую именно хищную птицу изображали карадепинцы, в данное время невозможно.

Чаще всего на керамике, как уже не раз отмечалось, встречаются козлы. В том, что это именно козлы, сомневаться не приходится. Причем не домашние, а именно дикие, с могучими, загнутыми назад рогами, совсем как у безоаровых козлов. Так как последние обитали (и обитают) и в Туркменской ССР, и в Иране, то с очень большой долей уверенности можно утверждать, что на карадепинских сосудах изображен безоаровый козел.

То же можно сказать и об изображении коровы: оно не оставляет сомнений. Зато совсем неясно с птицами. То ли это плывущие утки, то ли идущие по степи дрофы, то ли какие-то другие птицы. И утки и дрофы были, безусловно, известны древним земледельцам, но кого именно они изображали на своих сосудах, мы не знаем.

Остается хищник из семейства кошачьих. В Туркмении и в соседних с ней областях прежде водились три вида крупных кошек: тигр, леопард и гепард⁵. У тигра

шкура полосатая, а на карадепинских чашах изображен зверь с пятнистой шкурой, значит, это был не тигр. Зато и у леопарда и у гепарда шкура пятнистая. Кого же изображали карадепинские мастера — леопарда или гепарда?

Дать определение вида зверя по рисункам на чашах из Кара невозможно: слишком уж они схематичны. Если исходить из общих соображений, то за леопарда говорит следующее: этот хищник был хорошо известен древним земледельцам Ирана и Южного Туркменистана. Он частенько селился рядом с деревнями и, будучи сильным, смелым и ловким зверем, превращался в этом случае в грозного врага человека. Но нападал ли леопард на людей и домашних животных в те времена, когда дикого зверя и птицы было полным-полно? Никаких данных на этот счет у нас нет. Во всяком случае, леопард был заметным зверем, достойным стать тотемом любого рода.

Гепард также обычное животное на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Он в отличие от леопарда никогда не считался врагом человека: случаи нападения гепарда на людей неизвестны. Зато этот зверь мог поразить древних охотников Ближнего Востока своим удивительно быстрым бегом, способностью мгновенно нагнать и убить самую быстроногую антилопу. Гепард — столь же достойный «предок» для человека, как и леопард.

В последние годы чаша весов склонилась все же в пользу гепарда. Из Ирака возвратились советские археологи, опубликовавшие в журнале «Советская археология» (1971, № 3) отчет о своих работах. По этой публикации в «Природе» был помещен реферат, а на первой странице обложки журнала № 10 за 1971 г. дана фотография обломка расписного сосуда с поселения Ярым-Тепе II (V тысячелетие до н. э.). В подписи под фото указывалось, что на фрагменте сосуда изображен леопард.

В ответ на эту публикацию в редакцию «Природы» поступило письмо от зоолога Ю. К. Горелова, в котором он писал, что на фрагменте из Ярым-Тепе II изображен не леопард, а гепард. «Об этом, — полагает автор письма, — свидетельствуют: мелкие плотные пятна на спине и боку (у леопарда они кольцевидные); общие очерта-

ния тела — подтянутый живот и длинные ноги; характерное строение головы — крайне выпуклая лобная площадка, заметно возвышающаяся над остальными частями черепа»⁶.

Редакция попросила прокомментировать письмо Ю. К. Горелова Г. Н. Лисицыну и А. Г. Банникова. Г. Н. Лисицына высказала мнение, что древние земледельцы вообще не ставили перед собой задачи изображения какого-либо конкретного вида; эти росписи отражают лишь самые общие черты, свойственные животным отдельных крупных семейств. Именно в силу своей условности зооморфные рисунки подразделяются археологами на такие собирательные группы, как птицы, козлы и др.; «среди „кошек“ археологи не выделяют какой-либо вид, а нередко условно именуют все эти изображения барсами или леопардами»⁷.

А. Г. Банников поддержал мнение Ю. К. Горелова. «Нет сомнения, — писал он, — что на сосуде изображен гепард. Именно этот вид кошки очень хорошо был известен охотникам, поскольку гепард с давних пор в Передней и Средней Азии использовался как прирученное животное, с помощью которого охотились на диких копытных, особенно часто на джейрана»⁸.

Итак, зоологи решительно высказались в пользу гепарда, но лишь по данному фрагменту. Возможно, что в одних местах на сосудах изображали гепарда, а в других — леопарда. В общем, до конца вопрос этот не ясен. Но кого бы древние земледельцы ни изображали на своих сосудах — леопардов или гепардов, несомненным остается тот факт, что обе эти кошки, а также и тигр обитали в Южном Туркменистане. Несомненно также, что жители поселений подгорной полосы и Геокюрского оазиса знали всех этих крупных хищников⁹. Почему же в таком случае ни на одном поселении не найдены кости крупных кошек?

Прежде всего о самом факте отсутствия костей. Думается, что сам по себе он ничего не доказывает. Попытаемся понять причины отсутствия на поселениях костей леопарда, гепарда и тигра. Начнем с последнего.

Этот хищник еще в XIX в. был обычен на юге Туркмении, на Сумбаре и Атреке, встречался в ущельях Копетдага, был многочислен в тугаях Теджена и Мургаба. В 1886 г., например, недалеко от современного

города Теджена убили четырех тигров. К XX в. тигров и на Теджене и на Мургабе выбили; в Западном Копетдаге эти хищники продержались дольше — их истребили только в первой половине нашего столетия, так что сейчас в Туркмении тигры уже не водятся¹⁰. У нас нет решительно никаких данных полагать, что в эпохи неолита, энеолита и бронзы тигры не обитали в Южном Туркменистане. Напротив, учитывая обилие в те времена воды, леса и дичи, можно смело утверждать, что тигров тогда в предгорьях Копетдага, в тугаях Теджена и Мургаба насчитывалось гораздо больше, чем в последующие времена.

Но даже если количество тигров на единицу площади, пригодной для их обитания, было и наивысшим, то из этого вовсе не следует вывод о неизбежности столкновений этого хищника с человеком. Ведь тигры на людей сами не нападают, а скот режут только в случае нехватки диких животных. Но так как последние обитали явно в достаточном количестве, то у тигра не было причин портить отношения с человеком. А у человека?

Охота на тигра — одна из самых опасных в мире. Хорошо известно, что малочисленные коренные народы Дальнего Востока старательно избегали столкновений с этим хищником: вспомните отношение Дерсу Узала к охоте на тигра... Объясняется это тем, что охота на столь грозного зверя при отсутствии надежного огнестрельного оружия нередко кончалась гибелью охотников. Мужчин же в том или ином роду было так мало, что смерть даже одного-двух человек тяжело отражалась на жизни всего коллектива.

Лук, несомненно, оружие мощное, но положить одной стрелой тигра на месте можно лишь случайно. А нужно именно положить его на месте, убить наповал, ибо в противном случае, даже будучи смертельно раненым, этот зверь, прежде чем упадет, за считанные секунды может разорвать столько людей, сколько их окажется в пределах его досягаемости¹¹. Не случайно на льва, который по весу, силе и живучести примерно соответствует туранскому тигру, обитавшему в Средней Азии, в древности охотились верхом или на колеснице. Это давало охотнику возможность ускакать от разъяренного раненого животного и добить его с безопасного расстояния.

Возьмем для примера сцену охоты на львов в Древнем Египте, изображенную на ларце из гробницы Тутанхамона. Что же мы видим? Охотник стреляет с колесницы; под ногами лошадей — мертвый лев, в теле которого торчат три стрелы, в том числе одна — под лопаткой. В сидящем раненом льве — также три стрелы, из которых две попали под лопатку. Несмотря на то что эти стрелы попали в убойное место, лев, судя по изображению, еще жив, рычит и, похоже, готов броситься на приближающуюся колесницу.

Ассирийские рельефы (VII в. до н. э.) свидетельствуют, что на львов охотились и верхом, и на колесницах. На знаменитом рельефе, известном под названием «Умирающая львица», мы видим, что в теле зверя торчат три стрелы, причем одна из них попала в убойное место, но львица еще жива. На этих же рельефах изображен раненый двумя стрелами лев, кидающийся на уносящуюся от него колесницу; стоящие на ней воины отбиваются от разъяренного зверя копьями. Тут же видны убитые львы, сраженные несколькими (до пяти) стрелами.

Так охотились на львов в Древнем Египте и Ассирии. Реалистические произведения древних мастеров свидетельствуют, что положить на месте такого зверя, как лев, одной стрелой практически невозможно. Что же было делать древним земледельцам Южного Туркменистана, которые не могли при охоте на тигров использовать лошадь, даже когда она у них появилась, ибо охотиться на тигров им приходилось не на открытых местах, как в случае со львами, а в непролазном тугайном лесу?!

Конечно, теоретически можно себе представить и другой способ охоты — идти на тигра целой группой, только уже не с луками и стрелами, а с копьями. Так охотятся на львов масаи в Восточной Африке. Эти отважные люди, собравшись человек по пятьдесят и вооружившись копьями с огромными, остро отточенными железными наконечниками, окружают льва со всех сторон. Когда воины подойдут достаточно близко, зверь кидается на них, и начинается рукопашная схватка. Льва убивают, но при этом несколько человек непременно получают тяжелые раны; нередко бывают убитые или умершие от ран.

Могли ли жители геоксюрских поселений (а именно эти поселения были расположены в самых «тигровых» местах), в которых насчитывалось 50—100—400 жителей, увлекаться охотой на тигра с луком или копьем, рискуя здоровьем и жизнью многих мужчин? Вряд ли. Потеря наиболее сильных членов рода имела бы слишком тяжелые последствия для всей его жизнедеятельности. Да и к чему были эти жертвы, если тигры не беспокоили людей?

А если они начинали вести себя агрессивно, если вдруг появлялись старые или больные звери, становящиеся людоедами или похитителями скота? Таких тигров, естественно, приходилось уничтожать, возможно, с помощью отравленных приманок или ям и ловушек.

Известно, что на территории всей Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX в. зарегистрировано лишь несколько тигров-людоедов. Можно, следовательно, предположить, что в энеолите и бронзе появление таких зверей в Южном Туркменистане было редчайшим явлением. Ведь тигр-людоед, как правило, результат неудачной охоты, превратившей его в калек и вынудившей перейти к питанию человеческим мясом. Так как древние земледельцы скорее всего воздерживались от охоты на тигров, то это исключало (или почти исключало) появление животных-калек, становящихся людоедами.

Все это говорит о том, что если обитатели подгорной полосы или поселений Геоксюрского оазиса иногда и уничтожали мешавших им зверей, то лишь в исключительных случаях, так что надежды найти кости тигра у археологов практически нет. В самом деле, если на всех поселениях древних земледельцев обнаружены остатки лишь десятка лисиц — обычной добычи людей энеолита и бронзы, то как можно надеяться встретить кости тигра, таковой добычей не являющегося?

Гепард — животное исключительно миролюбивое, с точки зрения человека, понятно. Судя по всем данным, гепард никогда не нападал на людей. Кроме того, это животное издавна приручалось человеком и использовалось им для охоты. К тому же гепард встречался довольно редко и не мог служить объектом массовых заготовок. Следовательно, искать кости гепарда на поселениях столь же безнадежно, как и кости тигра.

Несколько иначе обстоит дело с третьей крупной кошкой — леопардом. На юге Туркмении этот зверь всегда был более многочисленным, чем тигр и гепард. Леопард обитал по всему Копетдагу, Большому Балхану, был самым обычным зверем подгорной полосы и Бадхыза. Даже в середине нашего столетия он еще часто встречался в Копетдаге¹². В начале же XX в. этот зверь попадался не только в горах, но и, по сведениям В. И. Масальского, в степях Геок-тепе и в окрестностях Кизыл-Арвата¹³. В то время леопарды заходили к Артыку, к Меана и Чаача, т. е. в те места, где в древности процветали поселения Кара-депе и Алтын-депе.

Ныне леопард выбит, стал крайне редок и включен в «Красную книгу СССР», причем в число видов, находящихся в «особо угрожаемом положении»¹⁴. Но когда леопарды встречались повсеместно, а огнестрельного оружия не существовало, это был опасный «сосед» для человека. Даже в XX в. известны случаи нападения леопарда на людей в Туркмении. Думается, что в далеком прошлом человеку пришлось вести с этим хищником упорную борьбу. Надо учитывать, говорит знаменитый африканский охотник Д. Хантер, что «леопард убивает из одной страсти к убийству»¹⁵. Индийский охотник-натуралист К. Андерсон пишет, что этот зверь — «наиболее ловкий и опасный обитатель джунглей»¹⁶.

Так как леопард нередко поселяется совсем рядом с человеком, то можно предположить, что в энеолите и бронзе, привлекаемые легкой добычей — домашними животными, эти пятнистые кошки обитали по соседству с Намазгой, Кара и Алтыном. Основной пищей леопардов, живущих в Индии вблизи селений, замечает К. Андерсон, «служат свиньи, собаки, козы, овцы, рогатый скот»¹⁷. Но те же самые виды домашних животных были и у намазгинцев, и у карадепинцев, и у алтынцев...

Трудно себе представить, чтобы жители этих поселений без боя отдавали свой скот хищникам, скорее всего они стремились отогнать леопардов от домашних животных. Однако надо учитывать, что леопард не проявляет «никакого колебания при нападении на скотовода, вышедшего на защиту своего стада»¹⁸. Дело в том, что здоровый, не раненый леопард сам по себе человека не трогает. Но если этот же зверь зарежет, скажем, коро-

ву, то он считает, что это его корова, его добыча, и кидается на человека, пытающегося отогнать зверя.

Борьба с леопардом опасна: он нападает с молниеносной быстротой и наносит человеку рваные раны, что нередко приводит к заражению крови и смерти. Объясняется это тем, что на когтях леопарда часто остаются крошечные кусочки гниющего мяса от предыдущей трапезы.

Итак, мы можем сделать вывод, что у древних земледельцев Южного Туркменистана были все основания избегать столкновений с леопардом. Но они, видимо, все же происходили гораздо чаще, чем с тиграми, учитывая многочисленность леопардов и их агрессивность. Поэтому, на наш взгляд, вероятность найти кости этих хищников несколько больше, чем кости тигров и гепардов.

Неясным остался теперь лишь один вопрос: почему же карадепинские художники рисовали леопарда без головы? Возможно, так им легче было делать роспись на керамике. Одно дело — несколькими мазками изобразить козла, фигура которого сама, можно сказать, укладывается в схему. Другое дело — выписать пятнистого хищника: если вырисовывать каждую деталь, то на изготовление одного сосуда уйдет слишком много времени.

— Изображали самое типичное — пятнистую шкуру, — заметил как-то В. М. Массон.

Возможно, дело обстояло именно так, но настаивать на этом мы не будем: в конце концов кто знает, из каких соображений исходили древние мастера...

Как же попали в Южный Туркменистан все эти зооморфные сюжеты? Ответ на этот вопрос дают нам погребения, которых на Кара-депе найдено множество.

Ориентация скелетов

Раскопки показали, что карадепинцев хоронили в могилах, нередко выложенных сырцовым кирпичом; дно устилалось тростниковыми циновками. Вместе с умершими клали бусы, изредка ставили посуду, рядом иногда встречаются кости животных. В одном детском погребении найдено несколько нитей бус, когда-то, по-ви-

димому, охватывавших шею и плечи покойника; эти нити состояли из четырехсот двадцати мелких гипсовых, одной сердоликовой, двух лазуритовых и шести крупных гипсовых бусин, обтянутых тонкими серебряными листочками. На запястьях обеих рук было по миниатюрному браслету; оба они состояли из сердоликовых и лазуритовых бусин. В браслете на правой руке среди бусинок одна оказалась золотой.

Изучив погребения, археологи установили, что, во-первых, никакой закономерности в распределении погребений по территории поселения нет и, во-вторых, особенностью, объединяющей погребения из слоя Кара I Б, как, впрочем, и погребения из других слоев на Кара-депе, является «поразительная устойчивость ориентации»¹⁹.

Обычно умершего клали на правый бок, с подогнутыми ногами, с правой рукой, вытянутой вдоль тела, и левой, согнутой в локте, головой на юго-юго-запад, иногда — на юг и юго-запад. В поздний период существования поселения появляются покойники, лежащие на левом боку и ориентированные уже иначе — на северо-восток, северо-северо-восток и северо-северо-запад.

Но меняются не только положение и ориентация скелетов, меняются и сами скелеты. Основное, коренное население Кара принадлежало к восточномедитерранской расе. «Появление в верхнем слое Кара-депе черепов с более крупным лицевым скелетом, — пишут В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова, — позволяет предполагать появление какого-то нового населения извне...»²⁰. Эти, необычные для Кара, черепа из верхнего слоя близки к черепам из Сяллка.

Сопоставление таких фактов, как появление зооморфных мотивов на керамике и мужских статуэток, изменения в обряде захоронения, появление людей с крупным лицевым скелетом, позволяет сделать вывод, что в Южную Туркмению на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. проникли переселенцы из центральных районов Ирана, быстро ассимилированные местным населением. Это подтверждается тем, что и в области форм, и в геометрической орнаментике керамика времени Намазга III продолжает в основном местные традиции.

Почему же началось переселение из Ирана? «Воз-

можно, причиной тому, — предполагают В. М. Массон и В. И. Сарияниди, — оказалась извечная вражда между дикими горцами Загросских гор и богатыми, но изнеженными и робкими земледельцами цветущих иранских оазисов. Возможно, воинственные дикие горцы хлынули в земледельческие оазисы, грабя и уничтожая все на своем пути. Возможно, все происходило иначе. Во всяком случае, довольно большая группа южноиранских племен бросила свои домашние очаги и веками насиженные места». Племена эти двинулись на север Ирана и вытеснили с поселений Тепе-Сиалк и Тепе-Гиссар их коренных жителей. Обитатели Сиалка и Гиссара, перевалив через Копетдаг, спустились в оазисы подгорной полосы, где следы этой экспансии «прослеживаются совершенно четко»²¹.

Почему же опустело Кара-депе? Куда ушли карадепинцы? На первый вопрос ответа нет, относительно второго существует довольно реальное предположение. Известно, что Намазга, бывшая в течение длительного времени не столь уж большой по площади, в середине III тысячелетия до н. э. вдруг резко, как-то сразу увеличивается в размерах и превращается в самое крупное поселение древних земледельцев Южного Туркменистана. Возможно, причиной этого было переселение на Намазгу жителей с заброшенного Кара.

Таково блестящее Кара-депе. А теперь, закончив рассказ об этом «поселении художников», мы отправимся на восток, к их соседям — геоксюрцам, создателям первой ирригационной системы в Южном Туркменистане.

¹ Г. Н. Лисицына. Глазами древних художников.— «Природа». 1968, № 11, с. 76.

² В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, с. 351.

³ Там же, с. 384.

⁴ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка.— «Труды ЮТАКЭ». Т. X. Ашхабад, 1960, с. 390.

⁵ Возможно, в VI—II тысячелетиях до н. э. на юге Средней Азии обитал и лев, ареал которого в те времена был более широким, чем в последующие эпохи. Можно предположить также, что в то время, когда предки джейтунцев появились в Прикопетдагской подгорной полосе, там еще бродили последние пещерные львы (иначе именуемые тигрольвами). Полагают, что эти хищники вымерли где-то на рубеже мезолита и неолита. Выяснение ареалов крупных кошек в прошлом, отмечают советские зоологи В. Г. Гептнер и А. А. Слудский, затрудняется тем, что «диагностика крупных

кошек трудна и за льва иногда принимают тигра и особенно часто — вымершего тигрольва...» (В. Г. Гептнер, А. А. Слудский. Млекопитающие Советского Союза. Т. II. Ч. 2. М., 1972, с. 79).

⁶ Леопард? Нет, гепард! — «Природа». 1972, № 3, с. 122.

⁷ Там же, с. 123.

⁸ Там же.

⁹ В районе древней дельты р. Мургаб В. И. Сарияниди открыл целый ряд древнеземледельческих поселений времен Намазга V и VI, так называемый Тоголокский оазис. На найденных там амулетах-печатах оказались и изображения тигра.

¹⁰ Подробно о распространении тигров в Средней Азии см.: И. Б. Шишкин. Тигр. — В сб. «Крупные хищники». М., 1976.

¹¹ Индийский охотник-натуралист К. Сингх рассказывает, как один охотник стрелял в тигра со слона и попал хищнику прямо в сердце. Зверь кинулся на стрелка, убил его и тут же издох сам. На все это ушло ровно 30 сек. (К. Сингх. Тигр Раджастхана. М., 1972, с. 20—22, комментарий на с. 145—147). Поэтому при охоте на опасного зверя самое важное, как говорят охотники, «остановить» его, ибо тогда человек может успеть перезарядить оружие, будь у него современный карабин или древний лук. Вопрос об особенностях и способах охоты на тигра у разных народов подробно освещен мною в статьях, опубликованных в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1964, № 12; 1972, № 9); в сборнике «Мантык — истребитель тигров» (М., 1968), в послесловии к книге К. Сингха «Тигр Раджастхана», а также в книге «Тигр» (М., 1974).

¹² Есть данные, что только с 1924 по 1966 г. в Южной Туркмении добыто минимум 360 леопардов. См.: Ю. Горелов, Е. Щербина. Леопард в Туркмении — «Охота и охотничье хозяйство». 1971, № 2, с. 26.

¹³ В. И. Масальский. Туркестанский край, с. 628.

¹⁴ А. Г. Банников. Учреждена «Красная книга СССР». — «Природа». 1975, № 3, с. 48.

¹⁵ Д. Хантер. Охотник. М., 1960, с. 90.

¹⁶ К. Андерсон. Черная пантера из Шиванипали. М., 1964, с. 8.

¹⁷ Там же, с. 9.

¹⁸ Д. Хантер. Охотник, с. 211.

¹⁹ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. — «Труды ЮТАКЭ». Т. X. Ашхабад, 1960, с. 330.

²⁰ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 59.

²¹ В. М. Массон, В. И. Сарияниди. Каракумы: заря цивилизации. М., 1972, с. 16.

Оазис убегающей реки

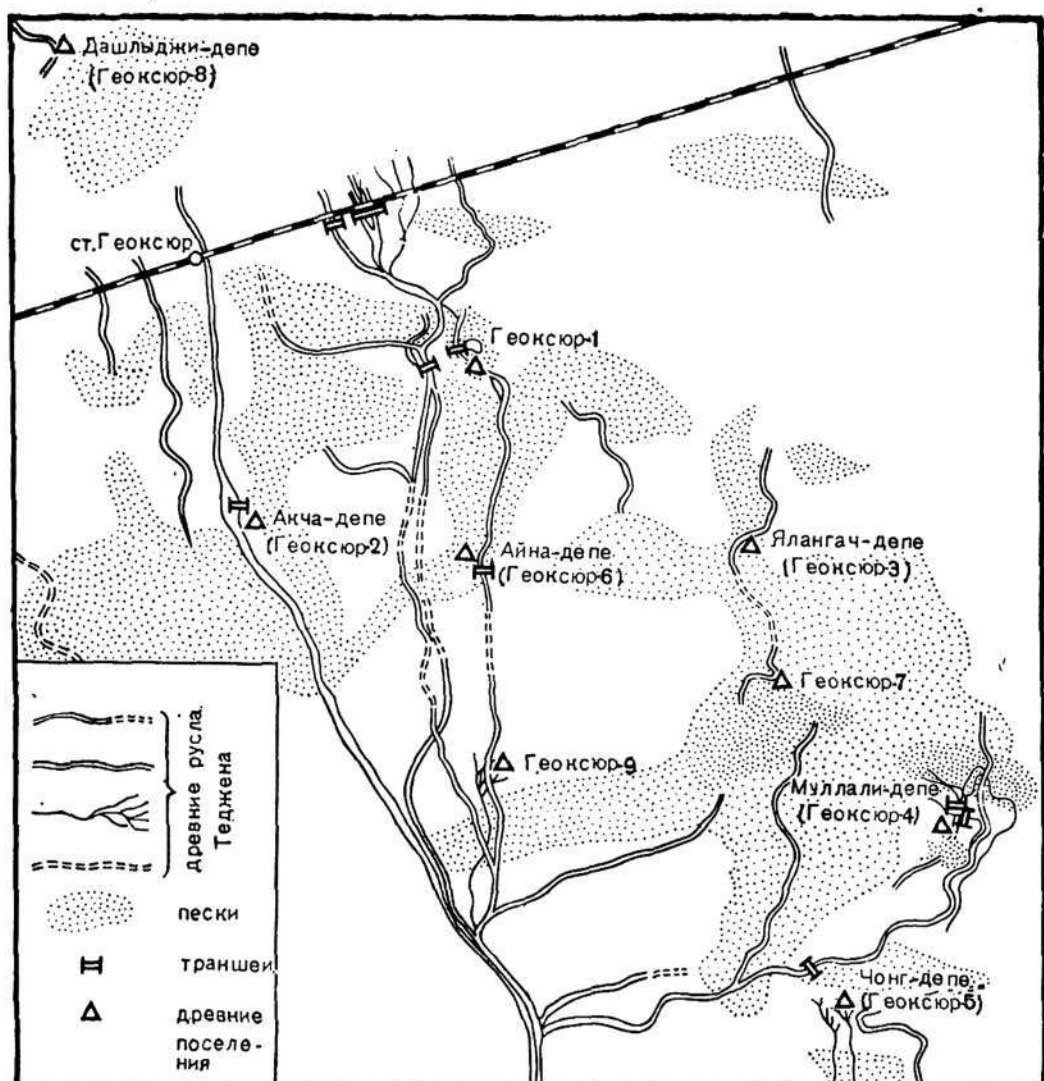
Археологический заповедник

В Южной Туркмении, между городами Теджен и Мары, есть железнодорожная станция Геоксюр. Сама по себе она ничем не примечательна: несколько домиков в пустыне, а вокруг — такыры, невысокие барханы, чахлая растительность и поразительные по реальности миражи.

...Вот цепочка телеграфных столбов, висящая в воздухе. Вдоль них — тоже по воздуху — движется какая-то длинная черная змея: идет поезд. То тут, то там перед вашим взором вдруг возникают озера с лесистыми берегами. Когда начинаешь приближаться к ним, озера исчезают, как будто сменяется кадр в кинофильме. Если вы посмотрите на юго-восток от станции, то можете увидеть странное и красивое зрелище: вдали, в воздухе, на небольшой высоте над землей висит какая-то продолговатая, китообразная громадина.

Если вы любопытны и захотите узнать, что же это такое, можете сходить к висящему в воздухе «киту». Результат окажется неожиданным: при вашем приближении плавающая над землей громадина опустится, и вы поймете, что это не мираж, а огромный холм, одиноко возвышающийся над пустынной равниной. Когда подойдете к нему, то сразу же заметите валяющиеся черепки с красивым геометрическим орнаментом, и вам станет ясно, что этот холм представляет собой оплывшие руины древнего поселения.

Так выглядели окрестности станции Геоксюр и холм, давший ей свое имя, в 1959 г., когда мне пришлось побывать в этих местах в составе XIV отряда Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

*Схема расположения поселений
в так называемом Геоксюрском оазисе*

(ЮТАКЭ). Сейчас там все иначе: к югу от железной дороги прошел Каракумский канал, и ныне на месте пустыни раскинулись хлопковые поля.

Пять тысяч лет прошло с тех пор, как древние земледельцы покинули Геоксюр и другие существовавшие здесь поселения. За прошедшие века нашествия и пожары, фанатизм и беспощадное время уничтожили на нашей планете ценнейшие памятники культуры. Немного дошло до нас нетронутым, и среди этого немного — Геоксюрский оазис (так назвали эту группу поселений археологи). Это уникальный археологический заповедник: ведь после того как жители ушли из его по-

селений, ничья рука не касалась покинутых жилищ, ничей плуг не перепахивал заброшенные поля.

Как называли древние земледельцы свои поселения, мы не знаем. Археологи же пронумеровали их и назвали геоксюрами — по имени того огромного холма, который расположен у станции Геоксюр (кстати, «геоксюр» в переводе на русский язык означает «зеленый и длинный»). У некоторых памятников оказались и собственные имена, данные им местными жителями: Акча-депе, Ялангач-депе и др. Всего было обнаружено девять поселений, разбросанных на площади примерно 400 кв. км. Чтобы не путаться в этой системе двойных названий, приводим полный список поселений Геоксюрского оазиса:

Геоксюр 1	_____	
Геоксюр 2	_____	Акча-депе
Геоксюр 3	_____	Ялангач-депе
Геоксюр 4	_____	Муляали-депе
Геоксюр 5	_____	Чонг-депе
Геоксюр 6	_____	Айна-депе
Геоксюр 7	_____	
Геоксюр 8	_____	Дашлыджи-депе
Геоксюр 9	_____	

На самом деле поселений было не девять, а гораздо больше, о чем свидетельствуют находки черепков сосудов на такырах, раскинувшихся к западу от Дашлыджи-депе. Там, прямо на серой такырной корке то и дело встречаются (во всяком случае, встречались еще до недавнего времени) скопления фрагментов керамики времени Намазга I. «По всей видимости,—полагает И. Н. Хлопин,—это остатки отдельных домов, которые существовали недолго и в связи с этим не послужили основой для искусственного холма — депе. Их присутствие свидетельствует, что в низовьях одного из рукавов тедженской дельты находилось несколько населенных пунктов...» Видимо, все они располагались на небольших островах среди водоемов, окруженных тростниками и тугаями. «Эти места и явились местом первоначального оседания пришельцев из подгорной полосы»¹.

Из девяти геоксюрсов до войны были известны три,

в 1956—1959 гг. сотрудники XIV отряда ЮТАКЭ обнаружили еще шесть дepe. В исследованиях оазиса принимало участие немало ученых. Так, на Геокюре-1 еще в 1939 г. побывал А. А. Марущенко, в 1950 г.—С. А. Ершов, в 1952 г.—Б. А. Куфтин. В 1956 г. XIV отряд ЮТАКЭ произвел детальное маршрутное обследование Геокюрского оазиса. Небольшие раскопки на его поселениях производили А. Аскарлов, А. Ф. Ганялин, Д. Д. Дурдыев, А. А. Марущенко, основные же работы проведены В. М. Массоном, В. И. Сариниди, И. Н. Хлопиным; палеогеографию оазиса тщательно исследовала Г. Н. Лисицына.

Степень изученности тех или иных памятников различна. Так, Дашлыджи-дepe раскопано И. Н. Хлопиным полностью, вскрыты все три строительных горизонта. Большие раскопки проводились на Ялангаче, Муллали, Акча-дepe, Геокюре-1; на других памятниках работы проведены в меньших масштабах.

На раскопках поселений древних земледельцев от археологов требовались огромное упорство, терпение, разносторонние знания, применение виртуозной техники и большая физическая выносливость. Прежде всего несколько слов о технике раскопок.

Известно, что все постройки возводились древними земледельцами из необожженного кирпича. Когда дом приходил в негодность, его, как уже говорилось, разрушали, засыпали глиной, площадку выравнивали и утрамбовывали, после чего на этом месте строили новый дом. За прошедшие тысячелетия разрушенные, полуразрушенные и заброшенные постройки, перемешанные с разным мусором, обломками изделий, черепками, золой, углем, костями людей и животных, образовали настолько плотный слой, что его иногда невозможно копать лопатой и приходится пускать в ход кирку. На первый взгляд весь этот культурный слой представляет однообразную, серую массу.

Меня заинтересовало, каким же образом в однообразных утрамбованных завалах можно определить, где стены домов и хозяйственных построек, а где уплотненная масса мусора или просто глина?

Эта работа (ее долго не могли освоить археологи, а некоторые так и не освоили) называется «искать стенки». Очень интересно было наблюдать, как В. М. Мас-

сон и И. Н. Хлопин обычными, кухонными ножами с деревянными рукоятками сантиметр за сантиметром расчищали стены построек. Там, где сохранились остатки штукатурки, отделять стены от завалов было легче. Там же, где штукатурки не было, никак не удавалось уловить какие-либо различия между стеной и завалом. Как-то я даже усомнился:

— Слушайте, друзья, а не сами ли вы выдумываете планировку? Режете глину в нужном направлении — вот и получается стена!

— Во-первых, не режем, а во-вторых, попробуй сам. Смотри, вот так! — И Игорь Николаевич, показав, как надо действовать, передал мне нож. — Только ударяй вежливо, легонько...

Я стал осторожно бить по глине и сразу же почувствовал, где завал, а где стена. Вскоре, однако, я потерял ее. От напряжения заломило в голове — сказались неопытность, отсутствие тренировки...

— А ты что думал, — с удовлетворением проговорил И. Н. Хлопин, забирая у меня нож, — лопатой, что ли, копают? Нет, дорогой, копать надо головой — иначе или стенку запорешь, или статуэтку разрежешь, как вот эту.

И он передал мне небольшого бычка из необожженной глины, надвое рассеченного лопатой рабочего, копавшего шурф. Надо же было геоксюрцам выделять статуэтки из необожженной глины! Они явно «не учли» того, что их изделиями будут интересоваться четыре-пять тысяч лет спустя...

Постепенно, метр за метром, из-под завалов появлялись дома и улочки, очаги и дворики, возникала планировка древнего поселения. Все было буднично, просто — и все-таки походило на чудо.

Сидя в уютной московской квартире, легко писать о том, как надо «искать стенки» и как перед взорами ученых «возникает планировка». Производить же раскопки в пустыне при тридцати пяти-сорокаградусной жаре — работа тяжелая, изнурительная, доводящая до полного изнеможения.

Вставляли мы рано и в половине шестого уже завтракали. Затем наполняли бочки водой и около шести утра выезжали на раскопки. Утром, пока еще прохладно, работать легко, но скоро начинает здорово припекать.

Когда из-за жары становится неважно, залазаешь под машину, в тень, и там отлеживаешься. Минут через десять-пятнадцать придешь в себя, выберешься из-под машины — и тут тебя обдаёт таким зноем, что так и хочется вернуться обратно в тень. Однако дисциплина в отряде строгая, времени в обрез, а планы обширные. Деваться некуда: вылезай и иди в раскоп. В 11—11.30 делали перерыв, пили зеленый чай, без которого трудно себе представить работу в пустыне, и снова брались за дело.

Приехав с раскопок, мылись теплой водой (хорошо, что была хоть такая), обедали, отдыхали; затем чертили, рисовали, писали, мыли керамику, фотографировали, упаковывали коллекции. Вечером ужинали и ложились спать. И хотя спали на открытом воздухе, сон был тяжелым, беспокойным: сказывалось переутомление. Утром вставали вялые, разбитые, и все начиналось сначала...

Так шла работа на стационаре, но не легче приходилось и в маршрутах. Хорошо запомнилось мне 30 мая 1959 г. В этот день В. М. Массон, шофер Ораз и я должны были отправиться в маршрут через весь оазис и еще раз осмотреть поселение Хапуз, которое открыли два года назад В. М. Массон и В. И. Сарияниди. Оно еще не было даже по-настоящему обследовано.

Выйдя после обеда из школы, где мы размещались (дело происходило на 58-м разъезде Ашхабадской железной дороги, расположенном недалеко от станции Геоксюр), я сразу же понял, что поездка наша, конечно, откладывается: песчаная буря разыгралась не на шутку.

Сильный северо-западный ветер нес из Каракумов тучи песка и пыли, совершенно скрывшие солнце. Песок — везде. Им был насыщен воздух, он проникал под одежду, струйками бежал по земле, удивительно напоминая поземку во время метели. Тесно прижавшись друг к другу, лежали верблюды. Овцы и козы жались к стенам домов. Согнувшись, с трудом брели люди. Все вокруг освещалось каким-то странным, желтоватым светом; видимость не превышала ста метров. Казалось, и речи не могло быть об отправлении в маршрут.

В дверях школы я столкнулся с выходящим отсюда В. М. Массоном. Равнодушно взглянув на свирепствующую

щую бурю, он, как мне тогда показалось, ужасно легкомысленным тоном спросил:

— Ты готов, можем ехать?

Мое лицо, видимо, достаточно ясно выразило всю гамму подходящих моменту чувств.

— А чего время терять, — улыбнулось начальство, — садись в кабину, сейчас тронемся.

Так и не осознав до конца происходившего, я влез в просторную кабину ГАЗ-63 — и вот уже мы мчимся по такырам на юг сквозь тучи песка, под дикий аккомпанемент ветра.

Вскоре я почувствовал даже некоторое удовольствие от такой, как мне казалось, наглости: гнать по пустыне во время песчаной бури. И все же это скорее развлечение, чем работа, а вот нивелирование дepe — об этом лучше и не вспоминать...

Как уже говорилось, юг Туркмении богат историческими памятниками. Действительно, минувшие столетия оставили их в таком изобилии, что каждый маршрут увеличивает список дотолe неизвестных древностей. Но, найдя памятник, его как минимум надо осмотреть, собрать все, что лежит на поверхности («подъемку»), нанести на карту и измерить.

Длина рейки — два метра. Чтобы измерить небольшой холмик, скажем метров 100×80 , нужно нагнуться и распрямиться девяностo раз; при этом необходимо следить за уровнем и записывать цифры в блокнот. Если нивелируешь одно дepe — это небольшая и полезная разминка; два — скучное занятие; три — тяжелая работа. После измерения четвертого перестаешь что-либо сообщать, а после пятого — близок к потере сознания в прямом смысле слова.

Так вот, 4 июня 1959 г. мы пронивелировали пять дepe. Работать начали утром при температуре примерно 20° , а закончили днем при 40° жары. Да что я — наш шофер, туркмен Ораз, человек закаленный, выносливый, выдержанный, и тот едва держался на ногах. Настал наконец момент, когда силы покинули и неутомимого В. М. Массона...

Вот в таких условиях и работали архeологи в Геоксюрском оазисе. Но их силы, энергия, время были потрачены не зря — результаты исследований оказались блестящими.

Девять геоксюр

Геоксюрская группа поселений — единственная, расположенная не в Прикопетдагской подгорной полосе, а в дельте относительно большой реки. В то время, когда существовали эти поселения, т. е. в IV — начале III тысячелетия до н. э., Теджен, несомненно, являлся намного более полноводной рекой, чем сейчас, так как его воды еще не разбирались в верховьях на орошение², а леса в горах и предгорьях не были уничтожены человеком. Вот на берегах непересыхающих протоков древней дельты Теджена и находились поселения Геоксюрского оазиса; Акча-депе располагалось, по предположению Г. Н. Лисицыной, скорее всего на острове, посреди полноводного западного рукава реки. Сама дельта находилась восточнее современной, а делиться на рукава река начинала южнее, чем сейчас.

Исследования, проведенные Г. Н. Лисицыной, позволили восстановить природную обстановку, в которой жили обитатели Геоксюрского оазиса. Определение углей с геоксюрских поселений показало, что чаще других здесь встречался тополь, затем — в порядке убывания — карагач (вяз), тамарикс и клен. Спорово-пыльцевой анализ свидетельствует о том, что на берегах водоемов и протоков произрастали осоки, а на более сухих местах — злаки, полыни, представители семейства лебедовых и другие травянистые растения. Отпечатки тростниковых циновок на сырцовых кирпичах и полах, остатки тростниковых корзин, найденные при раскопках, говорят о том, что тростник также был обычным растением в древней дельте Теджена.

На основании всех этих данных мы можем сделать вывод, что вдоль протоков пра-Теджена в энеолите произрастали типичные тугайные леса, близкие по составу к современным, на старицах и пойменных озерах стеной поднимались тростники, тогда как более сухие участки дельтовой равнины были заняты растительностью полупустыни.

Когда мы говорим о природных условиях в оазисах Средней Азии, нельзя забывать и о том, что летом в них на 2—3° прохладнее, чем в окружающей пустыне; влажность утром и вечером выше на 16—23% (и даже днем — на 7—8%), а скорость ветра — на 30—40% меньше³.

Как видите, в Геоксюрском оазисе условия для жизни человека были, несомненно, достаточно благоприятными.

Самое маленькое поселение, Дашлыджи, имело площадь всего лишь 0,16 га, а высоту 2 м; самое большое, Геоксюр-1, этот своеобразный центр оазиса, раскинулось на площади около 12 га и на 10 м поднимается над окружающей равниной. Остальные поселения — по площади и толщине культурных слоев — занимали промежуточные положения между Дашлыджи и Геоксюром-1. Что касается размеров, то мы всегда должны учитывать, что на ряде поселений, в том числе и на Геоксюре-1, одновременно была обжита только часть холма, в то время как другая использовалась под кладбище.

Скорее всего освоение древней дельты Теджена происходило в начале IV тысячелетия до н. э. пришельцами из центрального района подгорной полосы. Непрерывно растущему населению требовалось все больше и больше средств к существованию, площадь же, пригодная для посевов, была — при том уровне техники — весьма ограниченной. Так в результате естественного прироста населения в Прикопетдагской подгорной полосе в пору Намазга I возник избыток населения. «Поскольку все пригодные для ведения земледельческого хозяйства места были заняты, — пишет И. Н. Хлопин, — избыточной части населения нужно было искать новые районы для их освоения. Наиболее близким и подходящим местом была дельта Теджена, расположенная в 50 км восточнее подгорной полосы и, безусловно, известная тамошнему населению»⁴.

Исследования советских археологов показали, что в истории Геоксюрского оазиса может быть выделено три периода, которые были названы дашлыджинским, ялангачским и геоксюрским. Их соотношение с комплексами Намазги таково:

<i>Периоды истории Геоксюрского оазиса</i>	<i>Комплексы Намазги</i>
<i>Геоксюрский</i>	<i>Намазга III</i>
<i>Ялангачский</i>	<i>Намазга II</i>
<i>Дашлыджинский</i>	<i>Поздняя Намазга I</i>

И. Н. Хлопин в своей монографии «Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита» дает такую схему истории поселений Геоксюрского оазиса: освоение дельты Теджена началось с ее западной части; раньше всего возникли Дашлыджи, Акча-депе и Геоксюр-1, затем Ялангач, Айна-депе и Геоксюр-7; в конце дашлыджинского периода Дашлыджи-депе было заброшено.

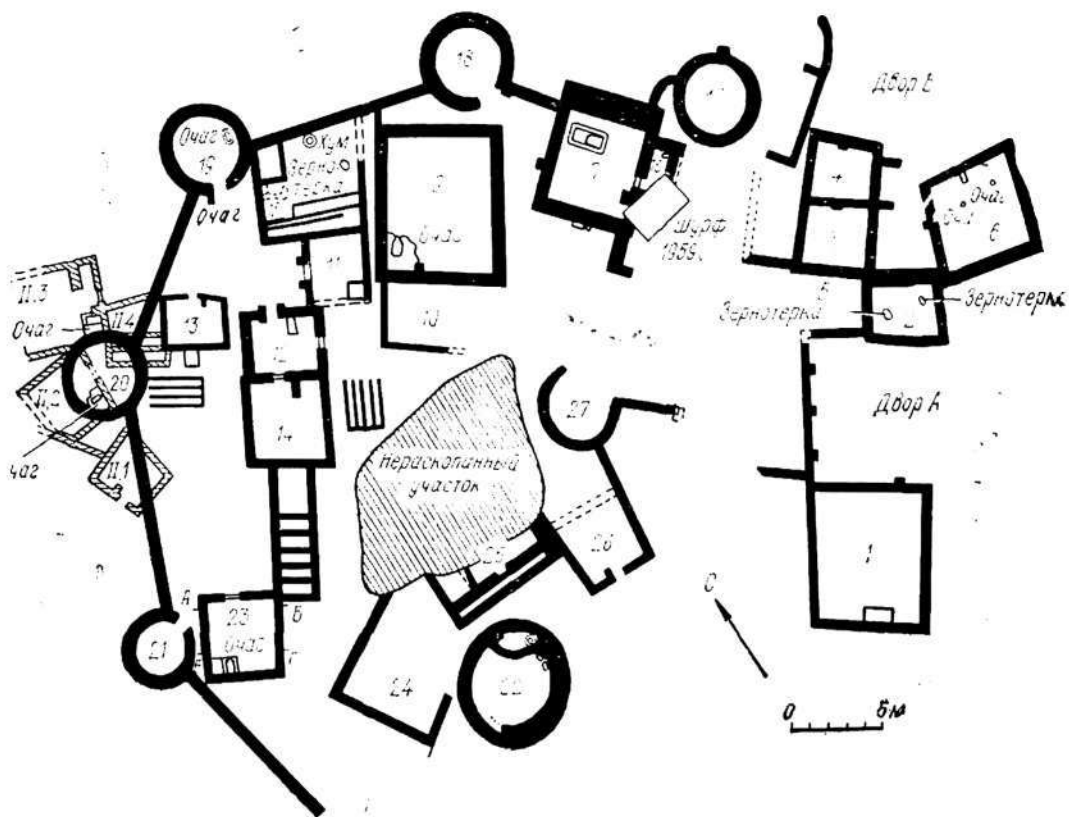
В ялангачский период существовали: Геоксюр-1, Ялангач, Айна-депе (два последних заброшены в середине этого периода); Акча-депе и Геоксюр-7 (оба пусты в конце этого периода); Муллали, Геоксюр-9 и Чонг-депе (все основаны в середине этого периода).

В геоксюрский период существуют: Геоксюр-1, Муллали, Геоксюр-9 и Чонг-депе. Первыми, в самом начале этого периода, пусты Муллали-депе и Геоксюр-9, затем забрасывается Геоксюр-1, а последним — Чонг-депе. Оазис существовал, видимо, в течение всего IV тысячелетия до н. э. и покинут жителями на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. или в первой четверти III тысячелетия до н. э.

В дашлыджинский период геоксюрцы жили в однокомнатных домах, в геоксюрский — в многокомнатных. Самое характерное для ялангачского периода истории оазиса, полагает И. Н. Хлопин, — это наличие на поселениях обводных стен с включенными в их периметр круглыми зданиями.

Но кроме зданий, встроенных в стены, имелись и другие круглые постройки (не связанные с линией укреплений). Такие здания (их наружный диаметр — 6—7 м) обнаружены на Ялангаче, Муллали, Акча-депе, Геоксюре-7. И. Н. Хлопин предполагает, что это были принадлежащие всему поселку хозяйственные постройки, в которых производился размол и хранение зерна.

Обводные стены были открыты в 1959 г. на Ялангаче, в 1960 г. — на Муллали, в 1961 г. — на Айна-депе и Геоксюре-9, в 1963 г. — на Геоксюре-1. На Муллали вскрыто пять отрезков стены длиной 8, 5—10 м каждый при ширине 60 см; стена охватывает поселение с трех сторон и образует в плане неправильный многоугольник с выступающими по углам круглыми помещениями. Таких помещений, встроенных в стену (своего рода башен), на Муллали раскопано пять, диаметром 3,1—3,8 м. На Ялангаче некоторые участки стены усилены

Муллали-депе. Планировка поселения

изнутри контрфорсами. Изучение интерьера «башен» даст возможность предполагать, что они использовались как жилые помещения.

При взгляде на планы Ялангача и Муллали сразу же видишь, что круглые постройки сильно выступают за линию стен, напоминая этим крепостные башни будущего. И. Н. Хлопин, тщательно исследовавший оборонительные сооружения геоксюрских поселений, сделал попытку реконструкции раскопанных на них стен и башен. «Ограда,— пишет он,— была, по всей вероятности, такой высоты, которая при толщине в 50—60 см делала бы невозможной ее преодоление „сходу“, то есть не ниже 2,5—3 м. „Башни“ ни в коем случае не могли быть ниже стен; эти круглые помещения были скорее всего перекрыты на высоте около 2 м, причем их крыши и использовались, надо полагать, как оборонительные площадки. На такой площадке для защиты обороняющихся людей возводился, очевидно, небольшой парапет, верхний край которого был на уровне верха стены»⁵.

Археологи полагают, что появление на поселениях

Геоксюрского оазиса круглых зданий — результат влияния убейдской культуры, существовавшей на юге Месопотамии. Убейдцы были, видимо, шумерами или протошумерами. Появление в Геоксюрском оазисе круглых зданий могло быть связано как с проникновением туда каких-то групп иноплеменного населения, так и просто с усилением контактов между племенами.

Для чего же, однако, жителям геоксюрских поселений нужны были укрепления? Дело в том, что следов использования оборонительных сооружений по их прямому назначению нет. Поэтому приходится гадать, с какой целью их соорудили. Если стены строились для защиты от животных, то зачем же тогда нужны башни? Если для защиты от людей, то почему стены ни на одном из поселений не имеют следов сражений, нападений, пожаров?

Интересно, что в круглой башне на Ялангаче найдено около тридцати ядер из необожженной глины для пращи. «Сила удара такого ядра, выпущенного умелой рукой из пращи,— считает И. Н. Хлопин,— была достаточной для нанесения тяжелого увечья»⁶. Возможно, это так, но все же праща с ядрами из сырой глины представляется недостаточно надежным оружием и против людей, и тем более против крупных хищников вроде тигра или леопарда. В общем, цель возведения геоксюрцами стен с башнями до сих пор неясна.

Наибольшее число поселков, как уже говорилось, существовало в ялангачский период; число их в геоксюрский уменьшилось с четырех до двух. Несомненно, однако, что наивысшего взлета культура оазиса достигла именно в последний период своего существования. Вот как археологи характеризуют этот наиболее блестящий период истории Геоксюрского оазиса.

И. Н. Хлопин: «На смену ялангачской укрепленной деревне, состоявшей из однокомнатных домов, приходит поселок „протогородского“ типа — совокупность кварталов многокомнатных домов...»⁷.

В. И. Сариянди: «Посуда украшается полихромными геометрическими орнаментами, в быту широко распространяются медные изделия. Наряду с одиночными погребениями известны коллективные захоронения в специальных склепах — толосах. Усиливаются связи с областями Юго-Западного Ирана (в меньшей мере Ме-

сопотами) вплоть до возможного проникновения отсюда отдельных групп людей. Земледелие базируется на искусственном орошении (каналы)»⁸.

К оросительным каналам — величайшему достижению жителей Геоксюрского оазиса — мы еще вернемся, а пока остановимся на других сторонах хозяйства геоксюрцев. Его основой было земледелие. На Муллали найдены зерна ячменя и пшеницы, причем первых в 30 раз больше, чем вторых. Так как эти зерна неоднократно находили вместе, смешанными, это наводит на мысль, что древние земледельцы еще плохо отличали (или не отличали вообще) один злак от другого; возможно, и посевы у геоксюрцев были смешанными.

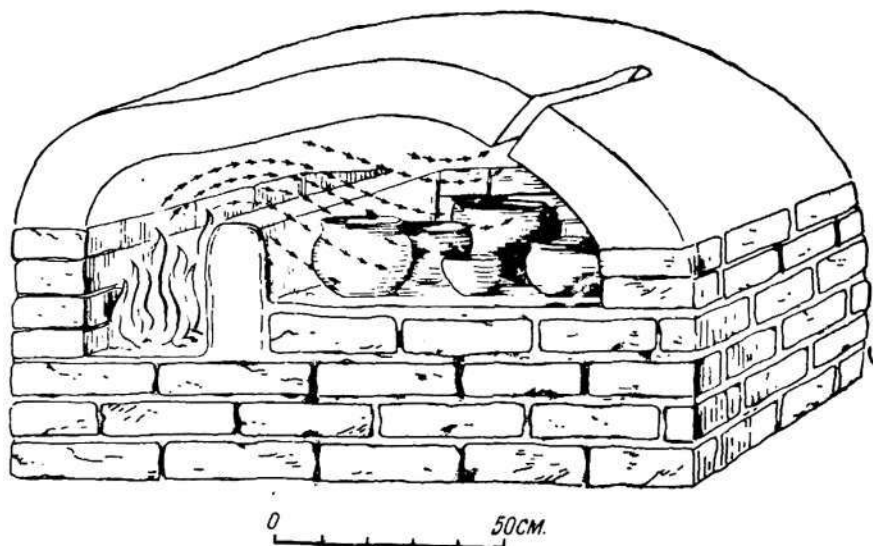
Поскольку кремневых вкладышей для составных серпов археологи находят немного, можно предположить, что их уже начинают вытеснять медные серпы. Многочисленные находки утяжелителей для палок-копалок свидетельствуют об их повсеместном и активном применении.

На территории Геоксюрского оазиса, полагает Г. Н. Лисицына, посев производился после спада паводковых вод. А так как паводок Теджена происходит в марте — апреле, то сеяли скорее всего в конце апреля — начале мая. Почва в это время сохраняет еще достаточно влаги, и разрыхлить ее палками-копалками не составляет особого труда. В конце июня урожай уже поспевал. Если геоксюрцы додумались до того, что осенью можно вторично засеять свои поля, то второй урожай они могли убирать в феврале — марте.

Зерно шло для приготовления каши и хлеба. Хлеб, видимо, выпекался в крупных кухонных очагах. Возможно, предполагает И. Н. Хлопин, из ячменя приготавливались слабоалкогольные напитки вроде пива или бузы.

Состав стада геоксюрцев ничем не отличался от состава стада на других древнеземледельческих поселениях. Так же как и в подгорной полосе, в нем преобладали овцы и козы. Определения костей, произведенные В. И. Цалкиным и А. И. Шевченко, показали, что 79% особей — это мелкий рогатый скот, 14% — крупный рогатый скот, 5% — свиньи, 2% — собаки. Кроме того, на Геоксюре-1 и Чонг-депе найдены кости верблюда.

Нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: если соотношение крупного и мелкого рогатого

*Печь для обжига сосудов.
Геоксюрский оазис. Энеолит*

скота в дашлыджинский и ялангачский периоды колеблется от 1:3 до 1:7, то в геоксюрский период разрыв увеличивается до 1:11. Это свидетельствует об иссушении дельты Теджена и уменьшении запасов кормов. Подобные неблагоприятные изменения вынудили, видимо, геоксюрцев сократить количество крупного рогатого скота и отдать предпочтение овцам и козам, более приспособленным к условиям жизни в пустынном климате.

Домашние животные дают 80% костей, дикие — 20%. Среди добычи геоксюрских охотников преобладали джейраны и куланы, но обнаружены также кости диких баранов и козлов (что, кстати говоря, свидетельствует об их более широком распространении в этих районах по сравнению с настоящим временем); из типичных обитателей тугаев геоксюрцы добывали оленей и кабанов; в незначительном количестве попадают кости сайгаков, зайцев, лисиц и птиц.

Геоксюрцы изготовляли самые разнообразные сосуды, преимущественно из глины, а также из мраморовидного известняка. Особенно красива посуда последнего периода существования оазиса. Это великолепные полихромные чаши, отличающиеся высоким качеством обжига, плотным черепком и украшенные богатым орнаментом так называемого геоксюрского стиля.

Как и другие древние земледельцы Южного Туркме-

нистана, геоксюрцы для изготовления орудий и оружия использовали кремень и другие породы камня, кость и медь. Возможно, что металлическое производство во все периоды существования оазиса было сосредоточено на Геоксюре-1, где найдены медные шлаки.

Геоксюрцы, видимо, изготавливали шерстяные ткани, которые в значительной мере вытеснили из обихода одежды из шкур. Правда, археологи не обнаружили каких-либо частей от ткацкого станка, пусть даже самого примитивного, но это вовсе не отрицает его существования: он мог быть целиком сделан из дерева, а деревянные предметы на юге Туркмении не сохраняются. Зато на Геоксюре-9 нашли нечто вроде современного вязального крючка.

Широко применялись в хозяйстве солома и тростник. Из соломы выделывались циновки; возможно, солому красили, а циновки украшали геометрическим орнаментом, таким же, какой мы видим на сосудах. Тростник шел и на циновки, и на топливо, и на перекрытия помещений; молодые же побеги служили кормом для скота. Вполне возможно, что из тростника делались древки для стрел (такие стрелы известны, в частности, в Древнем Египте). В 1963 г. на Геоксюре-1 были обнаружены остатки корзины из тростника. Корзины могли служить и для хранения припасов, и для выноса земли при различных работах, в том числе и при рытье каналов и арыков.

Не менее, а может быть, и более широко использовалась в хозяйстве древесина. Из дерева делались палки-копалки, ручки серпов, древки копий. Тополь шел преимущественно на перекрытия помещений, на топливо; из него делались двери. Из вяза благодаря упругости его древесины могли изготавливаться луки и деревянные части повозок.

Любопытно, что угли тамарикса в значительном количестве встречаются лишь в верхних слоях Чонг-депе, которые относятся к самому последнему периоду существования оазиса, когда уже явно ощущался острый недостаток воды. Видимо, пересыхание тедженской дельты повлекло за собой гибель тугаев. Деревя стало не хватать, и в дело пошел тамарикс, так как это засухоустойчивое растение может существовать в условиях, при которых другие виды деревьев погибают.

Своего металла и камня в оазисе не было. Геоксюрцы получали и то и другое со стороны в обмен на товары. Мраморовидный известняк и песчаник доставляли в Геоксюрский оазис скорее всего из подгорной полосы, полудрагоценные камни привозили, вероятно, из Хорасана и Бадахшана, медь — из каких-то районов Северного Ирана. Но что геоксюрцы отдавали в обмен за медь и камень, мы не знаем.

Так жили и работали геоксюрцы. А когда они умирали, то их не хоронили просто так, под полом, как это мы видим на многих поселениях, а укладывали в специальные погребальные камеры-толосы. Эти удивительные сооружения, неизвестные дотоле на поселениях древних земледельцев Южного Туркменистана, открыл на Геоксюре-1 В. И. Сарияниди.

Фамильные склепы и «мужские дома»

Первый толос открыли случайно весной 1957 г. На окраине Геоксюра-1 было решено вырыть небольшой шурф для проверки последовательности смены орнаментов на расписных сосудах. «Никто из нас,— вспоминает В. И. Сарияниди,— не ждал ничего особенного от этой ямы. Но неожиданно один из рабочих вызвал нас на консультацию. Оказалось, пошел очень твердый грунт, лопаты с трудом прорезали обломки кирпича-сырца.

Заинтересовавшись, мы приостановили дальнейшее углубление и расширили раскопочную площадку на несколько метров в сторону. Сняв верхний слой распавшихся кирпичей, мы обнаружили какое-то строение необычной конструкции. Кирпичи были уложены не в ряд, как обычно, а кругами, по спирали. Опускаясь все ниже по кирпичам, мы добрались наконец до основания этого странного сооружения. Перед нами была круглопланная купольная постройка»⁹.

В толосах многое удивляет: и круглая форма (изредка, правда, встречается эллиптическая и прямоугольная), и ложносводчатые перекрытия, и находки в таких погребальных камерах групповых захоронений. Сочетание всех этих особенностей делает толос уникальным сооружением древнеземледельческой культуры Южного Туркменистана.

Всего на Геоксюре-1 выявлено около тридцати толосов, в которых оказалось более двухсот скелетов. Лишь в одной камере лежал один костяк, во всех остальных было от двух до десяти-двенадцати скелетов.

При сооружении толоса строители оставляли в нем небольшой проход, который закладывали кирпичом. Когда кто-либо умирал, родственники вынимали кирпичи, через проход втаскивали труп внутрь и укладывали в центре помещения в позе спящего человека, после чего проход вновь закладывали кирпичами. Чтобы похоронить следующего покойника, кирпичи в проходе снова разбирали, предыдущего покойника отодвигали в сторону и на его место (в той же позе) укладывали нового... И так до тех пор, пока толос не оказывался заполненным до предела.

Родственников покойника мы упоминали не случайно: ведь толосы, считает В. И. Сарияниди, были своего рода «фамильными склепами», принадлежавшими большим семьям, члены которых обитали в многокомнатных домах¹⁰.

Кроме толосов геоксюрцы хоронили умерших и в обычных могильных ямах. В. И. Сарияниди предполагает, что захоронения в могильных ямах — местная традиция, а обычай коллективных захоронений в специальных погребальных камерах скорее всего принесен выходцами из Ирана.

Открытие толосов — выдающееся достижение нашей археологии. Эти сооружения интересны и для истории архитектуры, и для понимания мировоззрения, обычаев, семейных отношений геоксюрцев.

Эти погребальные камеры образуют хорошо выраженные группы, в одном случае — из четырех толосов, в другом — из семи. Видимо, каждая большая семья имела свой погребальный склеп, а община, состоявшая из нескольких таких семей, имела некрополь из нескольких толосов.

Но если толосы — характерная черта поселений именно Геоксюрского оазиса и именно в геоксюрский период его существования, то общественные здания на этих поселениях ничем существенным не отличались от таковых же на других поселениях древних земледельцев Южного Туркменистана.

В ялангачский период общественные здания известны

Толос. Геоксюр-1. Энеолит

на Муллали, Ялангаче, Геоксюре-9, Айна и Акчадепе.

В отличие от обычных жилых домов общественные здания находятся, как правило, в середине поселения; они несколько крупнее жилых домов и имеют стены двойной толщины, покрытые изнутри толстым слоем коричневой или зеленоватой штукатурки; пол представляет собой многослойную глиняную промазку. В течение длительного времени общественные здания существуют на одном и том же месте (по крайней мере в течение трех-четырех строительных периодов); углы зданий довольно строго ориентированы по странам света; внутри нет бытовых очагов, зато имеются сооружения типа алтаря или жертвенника.

Все это, считает И. Н. Хлопин, свидетельствует о том, что перед нами сооружения явно общинного характера: может быть, это родовые святилища, где совершались какие-то жертвоприношения, или известные из этнографии «мужские дома» — своеобразные клубы того времени. «Однако не исключена возможность, что в данном случае мы имеем дело с сооружением, которое совмещало в себе обе названные функции»¹¹.

Захоронение на Чонг-депе. Энеолит

Общественные здания известны и в последний, геоксюрский период существования оазиса. Они вскрыты и на Геоксюре-1, и на Чонг-депе. Непременный их атрибут — круглый очаг-диск в центре помещения. Такие святилища существовали при каждом многокомнатном доме-массиве, т. е. являлись святилищами большой семьи.

Но на Геоксюре-1 в слоях геоксюрского периода кроме семейных святилищ обнаружено здание, резко отличающееся от всех остальных. Пол в нем плавно понижается к центру помещения, где находится керамический диск с невысоким бортиком и круглым отверстием в середине. Этот диск «вписан» в пол, тщательно заглажен и обожжен до равномерного розового оттенка. Круглое отверстие в середине диска заполнено золой; вокруг диска, на полу, найдено несколько фрагментов керамики,

Захоронение на Чонг-депе. Энеолит

кости джейрана, мелкого и крупного рогатого скота. Тут же, недалеко от очага, обнаружены обожженные кости от трех человеческих скелетов, лежащих на слое горелого хвороста.

«Наличие полусожженных костяков,— пишет В. И. Саррианиди, раскопавший это помещение,— видимо, указывает на специальное трупосожжение, а керамический диск в центре комнаты делает это предположение наиболее вероятным»¹². Действительно, такого рода алтари, на которых производились жертвоприношения, известны — для эпохи античности — во многих курганах Крыма, Тамани, Кубани, Дона, в некрополях Греции, в Юго-Западном Иране. «Таким образом, подобные алтари обычно связаны с погребальным обрядом, иногда трупосожжением... Вероятно, и здание святилища с хол-

ма Геоксюр-1 предназначалось отчасти и для обряда трупосожжения; на керамическом диске производились жертвоприношения и возжигание жертвенного огня»¹³.

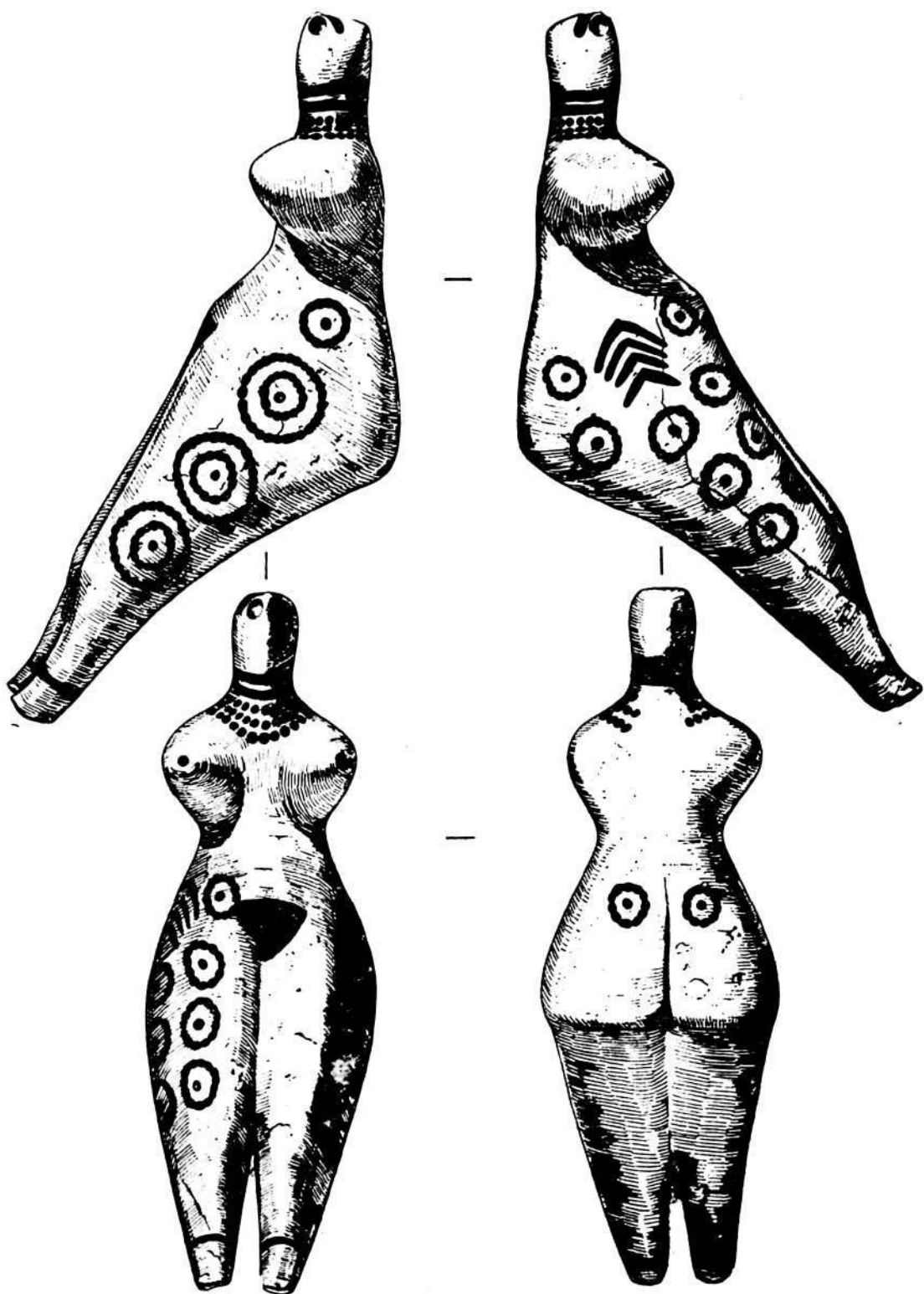
Что же касается верований древних земледельцев Геоксюрского оазиса, то о них уже рассказывалось в одной из предыдущих глав, поэтому к сказанному добавим лишь некоторые детали. Так, на Ялангаче в основаниях очагов вместе с целыми костяными изделиями — шилом и лоцилом — были найдены фрагменты женских статуэток. И. Н. Хлопин считает, что, возможно, в данном случае женское божество следует рассматривать как охранительницу домашнего очага. И на керамике, и на женских статуэтках часто встречаются солярные символы, из чего можно заключить, что культ огня и солнца также был одним из важнейших у жителей Геоксюрского оазиса.

Но обитатели геоксюрских поселений не только приносили жертвы богам и молили их о помощи против надвигающейся пустыни — они пытались с ней реально бороться. И хотя геоксюрцы потерпели (и не могли не потерпеть при том уровне техники) поражение, этот эпизод в истории древних земледельцев Южного Туркменистана заслуживает особого внимания: как-никак речь идет о создании первой в этом регионе ирригационной системы.

Под прямым углом

Когда археологи начали исследования в Геоксюрском оазисе, перед ними сразу же встали два вопроса: откуда геоксюрцы брали воду и куда эта вода исчезла. Чтобы ответить на них (и тем самым установить причину запустения оазиса), необходимо было реконструировать природную среду IV—III тысячелетий до н. э. Но такую работу мог выполнить лишь специалист, которого в то время в XIV отряде ЮТАКЭ еще не было. Только в 1960 г. в отряде появился палеогеограф — Г. Н. Лисицына, о которой мы уже упоминали на страницах этой книги.

Свою работу в Геоксюрском оазисе она начала с объезда всей его территории. О том, что геоксюрские поселения располагались в древней дельте Теджена, зна-

Терракотовая статуэтка богини плодородия
с календарем (?) на бедрах. Ялангач-депе.
Энеолит

ли и раньше, но дело в том, что сухие русла пра-Теджена, заполненные речными наносами, а сверху занесенные песками, были совершенно незаметны, за исключением русла того протока, на котором стояло Акча-депе. Впрочем, нужно учитывать, что, когда мы пишем «незаметны», «виден» и прочее в том же роде, имеется в виду состояние этой территории в конце 1950 — начале 1960 г., т. е. до проведения Каракумского канала и современной распашки.

Так как наземные обследования результатов не дали, было решено осмотреть территорию Геоксюрского оазиса с воздуха. В том же, 1960 г. Г. Н. Лисицына и В. М. Массон совершили облет всего оазиса. С самолета сразу стали видны древние русла дельты Теджена, неразличимые с земли. Но они просматривались лишь на отдельных участках и не давали полного представления о древней гидрографической сети.

Только аэрофотосъемка, проведенная в 1961 г., позволила получить достаточно полное представление о древней дельте Теджена. Река, как уже упоминалось, начинала ветвиться на протоки южнее, чем сейчас. Один из этих дельтовых рукавов уходил на северо-восток; именно на нем располагались Чонг-депе, Муллали, Геоксюр-7, Ялангач. На центральном протоке стояли Геоксюр-9, Айна-депе, Геоксюр-1; на западном — Акча-депе.

Анализ снимков показал, что в эпоху существования Геоксюрского оазиса действовали сначала одни, затем — другие протоки. Это объясняется, в частности, тем, что протоки Теджена быстро заполняются осадками и река вынуждена пробивать себе новые русла. Вот так же «блуждали» и дельтовые протоки Теджена несколько тысяч лет назад.

На рубеже IV—III тысячелетий до н. э. большая часть рукавов дельты пересохла, зато начали действовать некоторые новые протоки, правда, менее мощные, чем существовавшие прежде. Вначале ученые решили, что именно возникновение новых русел и было той единственной причиной, которая позволила двум поселениям — Геоксюру-1 и Чонг-депе — продлить свое существование. Но последующие исследования показали, что археологи недооценивали геоксюрцев.

Зимой 1961/62 г., рассматривая (в который раз!) аэрофотоснимки, Г. Н. Лисицына обратила внимание на

белое пятно, расположенное близ западной окраины Муллали-депе. Что-то и в конфигурации, и в расположении этого пятна насторожило исследователя. В самом деле, почему форма округлая и почему какая-то белая линия тянется от пятна к темной линии сухого русла Теджена? Белая линия выглядела подозрительно прямо...

Что же это такое?.. Поле? Но почему оно круглое?.. Нет, древняя пашня неотличима от окружающей местности... Бархан? Форма не та... Странно, что это за линия... Тянется к сухому руслу... Сухому?

И тут молнией блеснула мысль: так ведь тогда-то, пять тысяч лет назад, русло не было сухим! Значит, это канал! А круглое белое пятно — водоем, может быть, искусственный?!

Все как будто бы говорило о том, что на фотоснимке запечатлено искусственное сооружение. Но проверить это, находясь в Москве, было невозможно, пришлось набраться терпения и ждать до мая 1962 г. И вот экспедиция у Муллали-депе.

В том самом месте, где на снимке виднелось белое пятно, заложили раскоп. Он показал, что тут был искусственный водоем — один из древнейших прудов на земном шаре. Открытие обрадовало и одновременно ошеломило ученых, так как ломало уже сложившиеся представления о развитии ирригации.

Площадь пруда, вызвавшего такое волнение, невелика — всего 1 тыс. кв. м; глубина — 3,5 м; первоначальный объем водоема — более 2,6 тыс. куб. м. Арык, идущий от реки к пруду, был неглубок — всего лишь метр. Во время паводка вода самотеком шла из Теджена в водоем. Когда же уровень воды в реке понижался, то вода из пруда не уходила, так как глубина арыка была меньшей, чем водоема, да и перекрыть эту канаву ничего не стоило. Количество воды в пруду, видимо, несколько менялось год от года, в зависимости от уровня паводковых вод в Теджене. Фрагменты керамики, найденные в водоеме, относятся к геоксюрскому периоду, но, возможно, пруд был выкопан уже в конце предыдущего, ялангачского.

Это сооружение — незначительное, с нашей точки зрения, — было крупным техническим достижением для геоксюрцев. Во время летних засух пруд служил источ-

ником питьевой воды и для людей и для скота и потому играл огромную роль в жизни Муллали-депе.

В том же, 1962 г. у Геоксюра-1 заложили траншею, которая пересекла русло, существовавшее в геоксюрский период. Оказалось, что этот естественный проток, после того как он пересох, был превращен в арык и продолжал действовать уже как искусственное сооружение.

Итак, геоксюрцы, теснимые пустыней, перешли от пассивного использования паводковых вод к активному: они выкопали пруд, провели к нему арык, начали использовать высохшее русло как канал. Неужели жители оазиса не додумались до постройки настоящих каналов?

— Не верится что-то в это, толковые они были ребята,— не раз повторял мне В. М. Массон весной 1963 г.,— должны быть у геоксюрцев настоящие оросительные каналы. Надо искать...

А Г. Н. Лисицына снова и снова изучала листы аэрофотосъемки. Те самые фотографии, которые она, казалось, знала уже наизусть. И вот на одном из снимков, у Геоксюра-1, она обратила внимание на какие-то почти невидимые линии, идущие параллельно друг другу. Каналы? Сомнительно... А вдруг? И хотя в то, что это каналы, никто не верил, летом 1963 г. на том месте, где аэрофотосъемка показала едва заметные линии, были заложены траншеи.

Оказалось, что это каналы! Маленькие, примитивные, но самые настоящие каналы — древнейшие на территории СССР. В Месопотамии орошаемое земледелие возникло раньше, чем на юге Туркмении: в Чога-Мами вскрыто русло оросительного канала VI тысячелетия до н. э. Но там известен лишь разрез русла, ибо в Двуречье на тех же местах орошаемое земледелие существовало и в последующие эпохи. Старые каналы забрасывались, заиливались, исчезали; эти участки перепахивали, там снова строились каналы — и так много раз. В Геоксюрском же оазисе, заброшенном жителями в начале III тысячелетия до н. э., в последующие времена, как уже говорилось, никто не жил. Поэтому ирригационная сеть геоксюрцев сохранилась в своем первозданном виде.

Открытие на территории Геоксюрского оазиса каналов эпохи энеолита — выдающееся достижение ученых,

участвующих в изучении прошлого Туркмении, и прежде всего Г. Н. Лисицыной.

Эти древнейшие каналы (их было три) отведены от одного из русел Теджена почти под прямым углом. С современной точки зрения это явно нерационально, но ведь каналы у Геоксюра — самые первые, так что требовать от ирригаторов оазиса технического совершенства было бы смешно. Ширина каналов (между отвалами) — 5; 3,5 и 2,5 м; глубина — в среднем 1,2 м; берега крутые; протяженность каналов — 3 км, не считая отходящих от них арыков, выводящих воду непосредственно на поля. Вдоль каналов хорошо прослеживаются выбросы: геоксюрцы внимательно следили за столь важными для них сооружениями и регулярно чистили их.

Глубина каналов на разных участках трассы была разной, так что вода шла по ним самотеком. У выхода из русла Теджена каналы были широкие и мелкие; дальше от реки они становились более узкими и глубокими; таким образом, их пропускная способность была примерно одинаковой на всем протяжении.

Характерно, что, сделав столь существенный шаг в развитии своего хозяйства, гарантирующий им относительно устойчивые урожаи, геоксюрцы на всякий случай не забывали и богиню плодородия: в одном из каналов найдена женская статуэтка. Мол, техника — техникой, а пренебрегать помощью великой богини все-таки не следует...

Первая ирригационная система древних земледельцев Южного Туркменистана была построена скорее всего в конце ялангачского периода и действовала до тех пор, пока не прекратил свое существование Геоксюрский оазис. С помощью каналов у Геоксюра-1 орошалось примерно 50 га. Урожай ячменя с этой площади, по расчетам Г. Н. Лисицыной, мог прокормить с учетом продуктов животноводства и охоты 1—1,2 тыс. человек.

Древние земледельцы, жившие некогда в дельте Теджена, показали себя людьми стойкими и способными. Они освоили девственные земли, построили поселения с оригинальными оборонительными сооружениями, создали оросительную систему. Но устоять против пустыни не смогли: даже изобретение каналов лишь отсрочило гибель оазиса, но не спасло его. Сброс вод Теджена в его древнюю дельту сокращался с каждым годом, рукава

пересыхали, травы выгорали, сохли туган; наступил наконец момент, когда жителям оазиса просто неоткуда уже было выводить воду на поля.

Причина роковых для древних земледельцев изменений крылась в том, пишет Г. Н. Лисицына, что дельта Теджена в течение последних тысячелетий мигрировала на северо-запад. Существенную роль в этом, несомненно, сыграли новейшие тектонические движения предгорных районов Туранской низменности¹⁴.

Ирригационная система геоксюрцев была открыта в 1963 г., итоговая монография Г. Н. Лисицыной «Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении» опубликована в 1965 г. Какие же новые данные получены в последующие годы? Когда работа над книгой подходила к концу, я задал этот вопрос Гориславе Николаевне.

— Никаких. Да новых данных по каналам и быть не может: вся территория бывшего Геоксюрского оазиса распахана под хлопок. Так что,— засмеялась Горислава Николаевна,— мои данные — первые и последние, проверить их уже нельзя...

Впрочем, проверять их и не надо: работы Г. Н. Лисицыной отличаются скрупулезной точностью. А то, что территория Геоксюрского оазиса вновь используется человеком, совсем неплохо: земли здесь богатые, дают высокие урожаи; почему они должны пустовать? А вот Геоксюр-1 надо бы сохранить как замечательный памятник культуры, может быть, превратить его в музей.

Итак, никакие усилия людей не могли спасти пересыхающий оазис. «На обреченные рощи и поля,— с несвойственным ему пафосом пишет И. Н. Хлопин,— неумолимо надвигалась пустыня; все предвещало скорую и неизбежную гибель оазиса. Во имя продолжения своей жизни люди уходили, проклиная своих богов за отсутствие помощи от них и разбивая их изображения; уходили, покидая столетиями обжитые места»¹⁵.

Куда же ушли геоксюрцы?

По следам геоксюрцев

Весной 1957 г. В. М. Массон и В. И. Сарияниди колесили по пустыне к югу от Геоксюрского оазиса в поисках поселений древних земледельцев. В частности, они

хотели отыскать некий Хапуз — загадочное поселение, о котором рассказывали в Ашхабаде археологи, а в пустыне — пастухи. Но где находится это дepe, никто толком не знал.

— Обнаружили мы его совершенно случайно, — рассказывал В. М. Массон. — Дорога на Хапуз такая путаная, что я и сейчас толком не знаю, как к нему добраться...

Разговор этот происходил в кабине ГАЗ-63 во время того самого маршрута 1959 г., о котором рассказывалось в начале этой главы.

Добраться же до Хапуза нам было необходимо потому, что изучение этого поселения могло дать ответ на ряд вопросов, связанных с судьбой геоксюрцев после их ухода из оазиса. Ключевое значение Хапуза стало ясно уже тогда, при первом посещении поселения. Однако в 1957 г. из-за недостатка времени его не удалось даже внимательно обследовать (все-таки почти 10 га!), так что необходимо было и осмотреть еще раз это поселение, и пробить шурф до материка, и провести хотя бы небольшие раскопки, но прежде всего найти к нему кратчайший путь.

...Неожиданно мы очутились рядом с кошарами. Вылезли из кабины, чтобы размяться, стали осматриваться. Оказалось, что выехали к какому-то понижению, напоминающему речную долину, но без воды. Вдоль нее тянулась ярко-зеленая полоса. Это были кусты тамарикса, около которых росла сочная трава. По краям долины, на барханчиках, виднелись довольно густые заросли саксаула. Тут же имелся колодец, а в трехстах-четырехстах метрах от нас виднелся невысокий, какой-то неяркий холм.

Прохаживаясь около машины и рассматривая это зеленое, привлекательное местечко, мы продолжали начатый разговор.

— Ну, хорошо, вот ты говоришь, что после высыхания оазиса геоксюрцы пошли на юг. Что же, так их следы и затерялись? — поинтересовался я.

— И да и нет. Видишь ли, — Вадим Михайлович помедлил, — трудно себе представить, чтобы вся дельта Теджена пересохла одновременно. Естественнее предположить, что какие-то протоки продолжали еще действовать, но они уже не достигали Геоксюрского оазиса.

Возможно, что геоксюрцы, продвигаясь к югу, остановились на одном из действовавших рукавов Теджена и некоторое время жили там. Кто знает, может, они поселились как раз на том самом Хапузе, который мы с Сариниди с трудом отыскали в 1957 г. Керамика, которую мы тогда собрали на Хапузе, показала, что его верхний слой относится к первой половине II тысячелетия до н. э., т. е. ко времени уже после запустения Геоксюрского оазиса. Но когда возник Хапуз, неизвестно. Чтобы узнать это, надо пробить шурф до материка, посмотреть, какая керамика окажется в нижнем, первом слое поселения. Так вот, прошло какое-то время, пересох и тот рукав, на котором стоял Хапуз, жители покинули его и снова двинулись в путь...

Вадим Михайлович неожиданно замолк, остановился как вкопанный и пристально посмотрел на тот самый невзрачный холм, который находился в трехстах-четырехстах метрах от нас.

— Слушай, а ведь это, кажется, Хапуз!

— Что ты, даже на дepe-то не похоже...

— Ораз, в машину, поехали!

Въехали прямо на холм, выскочили из кабины, огляделись. Кругом — сплошные черепки: действительно Хапуз. Другие дepe видны за три-пять километров, Геоксюр-1 — даже за десять, а Хапуз не увидишь и за километр, так как он окружен грядами барханов.

Кстати, покидая Хапуз, мы направились — по компасу — прямо на запад и вскоре выехали на шоссе Теджен — Серахс. Оказалось, что добираться до Хапуза очень просто: он расположен всего в 11 км к востоку от этой дороги, и надо только знать, где с нее свернуть в сторону.

Мы тщательно осмотрели поселение и собрали уйму подъемного материала. Тут была и керамика, и обломки бронзовых изделий, и фрагменты каменных сосудов, и кремневые наконечники стрел, и женские статуэтки. Через два года после нашего обследования, в 1962 г., на Хапузе побывал В. И. Сариниди, заложил там шурф и произвел раскопки. В результате всех этих работ удалось установить следующее.

Хапуз (площадь — почти 10 га; высота — 7 м) расположен в 18 км к югу от Чонг-дepe. Поселение находилось в излучине русла, имеющего ширину в среднем

60 м. Это древнее русло Теджена до сих пор хорошо видно с земли, и до сих пор оно заполняется водой после весенних дождей. В то время как северная часть древней дельты Теджена уже пересохла, в ее южной части протоки (в том числе и тот, на котором располагался Хапуз) продолжали действовать еще более тысячи лет.

Шурф, доведенный до материка, вскрыл в нижнем слое Хапуза керамику геоксюрского стиля (времени Намазга III). Выше шли комплексы, соответствующие Намазга IV—V. Значит, покинув свои поселения в оазисе, геоксюрцы переселились на Хапуз и жили там в продолжение всего III тысячелетия до н. э. В первой половине II тысячелетия до н. э. жизнь теплилась уже только на небольшом участке поселения, но вскоре она заглохла и там; Хапуз окончательно опустел. Причиной тому было, видимо, продолжающееся изменение водного режима Теджена.

Хапузцы жили в многокомнатных домах и сооружали склепы для коллективных захоронений. Посуду они изготавливали уже частично на гончарном круге и обжигали ее в сложных двухъярусных горнах. В общем, переселенцы из Геоксюрского оазиса продолжали и на новом месте жить так же, как и прежде.

Ну а куда же отправились потомки геоксюрцев, покинув Хапуз?

Археологические работы на юге Афганистана, в районе г. Кандагара, а также в районе Кветты, главного города пакистанской провинции Белуджистан, дали богатый материал о культурах древних земледельцев этой части Азии. В частности, в районе Кандагара раскопано крупное поселение Мундигак, культура которого достигла расцвета во второй половине III — начале II тысячелетия до н. э. В долине Кветты известно двадцать четыре поселения древних земледельцев, существовавших в IV—II тысячелетиях до н. э.

Оказалось, что и у кветтско-кандагарских племен, и у геоксюрцев почти полностью идентичные росписи на керамике, статуэтки из глины, орнаменты на печатях. А так как у кветтско-кандагарских племен все эти элементы относятся к более позднему времени, чем у геоксюрцев, и нехарактерны для группы белуджистанско-индийских памятников в целом, то «это позволяет считать,

что во второй половине III — начале II тысячелетия до н. э. имело место продвижение (возможно, неоднократно) земледельческих племен из Северо-Восточного Ирана и Южной Туркмении в Афганистан и Белуджистан»¹⁶.

Вполне возможно также, что продвижение иранских и южнотуркменских племен в район Кветты было как-то связано и с упадком цивилизации Хараппы, и с вторжением ариев в Индию. Но эти проблемы лежат уже за пределами нашей книги.

Итак, мы видим, что влияние геоксюрской культуры прослеживается на территории нескольких стран. Не случайно в последние годы на страницах зарубежных археологических изданий одна за другой появляются публикации о находке элементов геоксюрской культуры во многих древних культурах Востока. Присутствие геоксюрского пласта легко устанавливается по устойчивым стилистическим особенностям, характерным как для великолепной полихромной керамики геоксюрцев, так и для их изящных женских статуэток.

Вот, пожалуй, то главное, что мы знаем на сегодня об истории Геоксюрского оазиса и о последующей судьбе геоксюрцев.

Когда последние жители покидали погибающий от жажды оазис, недалеко существовало рядовое в то время поселение древних земледельцев, Алтын-депе, еще только накапливавшее силы для своего блестящего финального взлета.

¹ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана, с. 146.

² По сообщению В. И. Масальского, в Гератском оазисе водами Теджена (на территории Афганистана река носит название Герируд) уже в начале XX в. орошалось 100 тыс. десятин. См.: В. И. Масальский. Туркестанский край, с. 111.

³ Данные о температуре и влажности в оазисах см. в кн.: Э. М. Мурзаев. Средняя Азия. М., 1961, с. 94.

⁴ И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита, с. 137.

⁵ Там же, с. 82.

⁶ Там же.

⁷ И. Н. Хлопин. Племена раннего энеолита Южной Туркмении. Л., 1962, с. 17.

⁸ В. И. Сарнианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965, с. 6.

⁹ В. И. Сарияниди, Г. А. Кошеленко. За барханами — прошлое, с. 86—87.

¹⁰ В. И. Сарияниди. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен.— «Успехи среднеазиатской археологии». Вып. I. Л., 1972, с. 24.

¹¹ И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита, с. 79.

¹² В. И. Сарияниди. Культовые здания поселения анауской культуры.— «Советская археология». 1962, № 1, с. 50.

¹³ Там же, с. 51.

¹⁴ Г. Н. Лисицына. Древние земледельцы в дельте Теджена.— «Природа». 1963, № 10, с. 102.

¹⁵ И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита, с. 141.

¹⁶ В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. Т. I. М., 1964, с. 42.

Город золотого быка

Миниатюрное Двуречье

Алтын-депе находится в 4 км к востоку от селения Меана, расположенного на берегу небольшой речушки Акмазар. Примерно в 20 км к юго-востоку от Меана протекает другая небольшая речка — Чаача. Сейчас обе они маловодны, до Теджена не доходят.

Не то было прежде: в VI—III тысячелетиях до н. э. и Акмазар и Чаача представляли собой довольно крупные водотоки, сбрасывающие свои воды в Теджен. В половодье все эти реки — Теджен, Акмазар, Чаача — образовывали единую, весьма обширную и многоводную дельту. В 10 км к северо-западу от Меана расположен обширный солончак, до которого лишь немного не доходит один из дельтовых рукавов Акмазара; четыре-восемь тысяч лет назад на месте этого солончака было скорее всего озеро, наполнявшееся водой во время весенних разливов.

Определения углей, найденных на поселениях древних земледельцев, расположенных в этом районе, показали, что древесные породы (по количеству) располагаются в таком порядке: карагач — 57, тополь — 43, клен — 3, тамарикс — 2, арча — 1. Это говорит о том, что берега Акмазара и Чаачи были покрыты типичной тугайной растительностью.

Сейчас на подгорной равнине, примыкающей к низким юго-восточным отрогам Копетдага, климат континентальный, засушливый (за год выпадает около 200 мм осадков); почвы — сероземы; растительность — типичная сухая степь. В эпоху существования здесь культуры древних земледельцев климат, как уже не раз говорилось, практически почти не отличался от современного,

почвы же, видимо, были аллювиальными. Весной весь этот район целиком (или почти целиком) затоплялся паводковыми водами, которые отлагали приносимый ими ил и делали почву достаточно плодородной.

Если мы примем во внимание, что в VI—III тысячелетиях до н. э. Акмазар и Чаача были намного более полноводными, чем ныне; что в то время действовало гораздо большее число их дельтовых протоков; что существовало еще немало других речушек и ручьев, впоследствии пересохших; что тугайные леса еще не были вырублены, то можно с достаточной степенью уверенности утверждать: весь этот подгорный район представлял собой место, богатое водой, лесом, дичью, кормами для скота, плодородными почвами.

Возможно даже, что тугаи представляли собой не узкие ленты, вытянутые вдоль Акмазара и Чаачи, а один сплошной массив, тянувшийся от предгорий до впадения этих рек в Теджен. Но даже если это и преувеличение, то несомненно следующее: там, где русла рек и дельтовых протоков располагались недалеко друг от друга, леса, растущие по их берегам, сливались в достаточно крупные массивы.

Словом, отмечает Г. Н. Лисицына, именно здесь, у подножия юго-восточных отрогов Копетдага, природные условия были наиболее благоприятны для непрерывного развития культуры¹. Не случайно, что именно здесь, в этом миниатюрном Двуречье Южного Туркменистана, располагалось так много поселений древних земледельцев, в том числе и столь большие, как Илгынлы-депе и Алтын. Все они стояли на берегах наиболее крупных дельтовых протоков.

Алтын давно уже привлек внимание ученых. Его обследовали А. А. Семенов (1929 г.), А. А. Марущенко (1935 г.), М. Е. Массон (1949 г.), Б. А. Куфтин (1952 г.), В. М. Массон и В. И. Сариниди (1955 г.); здесь проводили раскопки археологи Москвы, Ленинграда и Ашхабада. С 1965 г. исследования на Алтыне руководит В. М. Массон, сделавший ряд крупных открытий на этом поселении.

В результате многолетних работ удалось установить, что Алтын существовал во времена Намазга II—V, но возникло поселение, видимо, раньше, в Намазга I, если не в Анау I А или даже в джейтунскую эпоху. Эта не-

определенность объясняется тем, что до сих пор ни один шурф и раскоп не доведены до материка.

Уже в позднем энеолите (Намазга III), в начале III тысячелетия до н. э., Алтын превращается в крупное поселение площадью 26 га. Оно продолжает расти в эпоху ранней бронзы (Намазга IV) и достигает расцвета в эпоху развитой бронзы (в пору раннего Намазга V); в ту же эпоху, во время позднего Намазга V, Алтын забрасывается. На данном этапе наших знаний, считает В. М. Массон, комплексы раннего Намазга V можно ориентировочно датировать 2100—1850 гг. до н. э.; комплексы позднего Намазга V—1850—1650 гг. до н. э.²

В эпоху расцвета Алтын занимал площадь 46 га и в нем насчитывалось примерно 5 тыс. жителей, т. е. это был очень крупный для того времени центр. Остатки поселения и сейчас возвышаются на 22 м над окружающей равниной.

Лучше всего изучен поздний Алтын, периода Намазга V, который поразил археологов не столько находками тех или иных предметов материальной культуры, сколько своей планировкой, своей архитектурой, своей структурой.

Структура позднего Алтына

В эпоху бронзы Алтын был окружен своего рода укрепленной линией, состоящей из утолщенных стен домов, расположенных на краю поселения, и соединяющей их специально построенной обводной стеной с прямоугольными или полукруглыми башнями. В разное время и в разных местах толщина этой стены была различной. Археологи вскрыли участки стены толщиной и 0,8 м, и 2,3 м, и даже 6 м; размеры одной из башен — 2,2×2,8 м.

Но самым удивительным оказались не стены и башни, а структура позднего Алтына. Все поселения древних земледельцев, в том числе и ранний Алтын, состояли из набора сначала однокомнатных домов, потом многокомнатных домов-массивов, разделенных узкими улочками, и представляли собой не заранее спланированный комплекс, а стихийно разраставшееся множество, своего рода хаос домов-массивов.

Совсем не то — поздний Алтын. Это уже, по словам В. М. Массона, не просто «сумма большесемейных об-

щин», в результате соединения которых получился центр с многотысячным населением, а поселение с определенной и довольно четкой структурой³; в его архитектуре заметно стремление к монументальности, в планировке — к строгой, нередко геометрической правильности плана. Поселение состояло из четырех различных частей, каждая из которых резко отличалась от других и планировкой, и архитектурой, и предметами материальной культуры. На сегодня выделены следующие части: квартал ремесленников, квартал состоятельных горожан, квартал знати, культовый комплекс (названия, естественно, условные).

Квартал ремесленников занимал около 2 га и был расположен в северной части Алтына. Люди здесь жили в таких же домах-массивах, разделенных улочками в 1—1,5 м шириной, как и их предки. Дома-массивы состояли из отдельных жилых комнат, рассчитанных каждая на одну малую семью, общего хозяйственного двора и общей кухни. Стены домов имели толщину в один кирпич (30 см); планировка небрежная, качество строительства невысокое, отделка помещений плохая. В среднем на одну семью приходилось по 27 кв. м жилой и хозяйственной площади.

В квартале ремесленников жили, видимо, в основном керамисты; тут же, рядом с их домами, располагались и гончарные горны. Еще в 1959—1961 гг. А. Ф. Ганялин раскопал здесь семь горнов; в последующие годы их продолжали находить один за другим, так что в 1975 г. было известно уже более 20 горнов; большинство из них — двухъярусные, весьма совершенной конструкции. Учитывая, что раскопан далеко не весь квартал, археологи предполагают, что всего на Алтыне действовало более 50 керамических печей.

Подводя итог изучению квартала ремесленников, ашхабадский археолог И. С. Масимов подчеркнул то обстоятельство, что ремесленники жили «в постройках невзрачной архитектуры... расположенных рядом с гончарными горнами»⁴.

Среди костей животных, найденных в этом квартале, преобладают кости кулана и джейрана.

Квартал состоятельных горожан находился к югу от производственного центра поселения. Там, «на более высоких всхолмлениях, недоступных ды-

му и копоты гончарных печей,— пишет В. М. Массон,— располагались дома более состоятельных горожан»⁵. Улицы здесь были чуть пошире, чем в ремесленном квартале (1,7—2,1 м); планировка более четкая; отделка помещений выполнена тщательнее.

Многокомнатные дома-массивы разделялись сплошными стенами на ряд «квартир», каждая из которых состояла из двух-трех жилых комнат. У каждой семьи имелся свой хозяйственный дворик с кухней и тандыром — печью для выпечки хлеба. Тут же раскопаны и могилы. Детей до шести-семи лет хоронили в пределах дома, иногда — в больших глиняных сосудах.

Среди костей животных преобладают кости овец и коз.

Квартал знати был расположен еще дальше к югу и занимал самую высокую часть холма. Улицы в этом квартале прямые и по тем временам широкие: 2—2,5 м вместо 1—1,5 м, как в квартале ремесленников; вымощены они глиняными черепками, так что во время дождей знатым алтынцам не приходилось ходить по жидкой глине. Дома в этом квартале отличаются четкостью планировки, тщательностью отделки (жилые помещения отлично оштукатурены); стены двойной толщины (50—60 см). Каждая семья имела свой дом площадью 43—102 кв. м, но строились дома и большего размера: раскопаны жилые здания площадью 150 и 180 кв. м.

В домах этого квартала найдены бронзовые и серебряные печати, на которых изображены кресты и фигуры фантастических животных, серебряные булавки, изящные терракотовые женские статуэтки и т. п. Располагавшиеся поблизости коллективные гробницы отличаются обилием и разнообразием погребального инвентаря, среди которого множество бус из бирюзы, лазурита, сердолика, бронзы (у керамистов же погребения до удивления бедные).

Среди костей животных преобладают кости молодых баранов.

Культовый центр существовал в Алтыне на протяжении нескольких поколений и трижды кардинально перестраивался. Лучше всего изучены сравнительно хорошо сохранившиеся наиболее ранние строения. В то время, т. е. в конце III тысячелетия до н. э. (раннее На-

мазга V), культовый комплекс занимал площадь около 1 тыс. кв. м. Его архитектурным центром была четырехступенчатая башня, построенная из сырцового кирпича. Соорудили ее таким способом: небольшой холм, содержащий культурные остатки времени позднего Намазга IV, облицевали сырцовыми кирпичами и к этому холму пристроили башню. По фасаду в длину она имела 21 м, а ее четыре ступени поднимались как минимум на 8 м. Башня была украшена пилястрами; своей архитектурой она явно напоминает знаменитые зиккураты Месопотамии.

На севере культовый центр отделялся от остального поселения изолированно стоящим домом с примыкающими к нему подсобными постройками. Скорее всего это было жилище главного жреца, так как оно напоминает дома из квартала знати; располагалось же это здание рядом с культовым комплексом. К югу от него найден большой погребальный комплекс, состоящий из ряда помещений. Тут и святилище со священным очагом, алтарем и предметами культа, и собственно гробница.

Культовый центр Алтына трижды перестраивался, в результате чего башня стала и массивнее и выше (12 м); увеличился в размерах и дом жреца.

Такой была структура позднего Алтына. Как видите, структура достаточно сложная, которой мы не находим ни на одном из поселений древних земледельцев Южного Туркменистана в предшествующие эпохи.

Что же отражала структура Алтына, о чем свидетельствовали его планировка и монументальная архитектура?

Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо остановиться на материальной базе алтынского общества, на некоторых характерных особенностях его культуры.

По заказу потребителя

В основе хозяйства алтынцев лежали поливное земледелие и отгонное степное скотоводство. Для обработки полей применялись, вероятно, деревянные мотыги и палки-копалки с каменными утяжелителями. Тяговая сила быков и верблюдов использовалась, возможно, для пахоты примитивной деревянной сохой. Зерно хранилось

в ямах, а также в больших глиняных сосудах — хумах. Археолог В. А. Завьялов в одном из хозяйственных помещений, раскопанных в квартале состоятельных горожан, обнаружил несколько хумов, углубленных под пол — одни на четверть, другие на половину, а третьи даже полностью.

Среди домашних животных преобладал мелкий рогатый скот; держали алтынцы и крупный рогатый скот, а также свиней, верблюдов, собак. Определенное значение продолжала сохранять охота; в добыче преобладали куланы, джейраны и безоаровые козлы, если только куланы не были в то время полудомашними животными.

В течение нескольких лет группа специалистов под руководством Г. Ф. Коробковой проводила на Алтыне эксперименты по моделированию различных хозяйственных процессов. Это дало возможность получить представление о том, как работали алтынцы, какими были производительность их инструментов и общий уровень производства.

Расчеты Г. Ф. Коробковой, основанные на трасологических экспериментах и моделировании производственных процессов, показали, что одна алтынская семья, состоявшая из пяти человек, могла в среднем вскопать за день около 2000 кв. м площади, для чего необходимо было трудиться десять-двенадцать часов. «И так изо дня в день,— пишет Г. Ф. Коробкова,— пока не кончится посевная страда и не будут засеяны обработанные поля. Потом нужно следить за поливом и бороньбой, требующей также и времени и сил. А когда созреет зерно, наступает не менее тяжелый процесс — жатва. И если учитывать, что в те далекие времена не было еще совершенных уборочных машин, которые заменяли ручные бронзовые и вкладышевые каменные серпы, невольно почувствуешь алтыновскому земледельцу»⁶.

Та же условная семья из пяти человек, применяя составные кремневые и бронзовые серпы, могла за день убрать урожай с 1600—2000 кв. м площади. Мы уже говорили, что медных серпов обнаружить пока не удалось; бронзовый же серп давно уже был найден на Анау. Наконец в 1974 г. такой же серп был найден и на Алтыне.

К сожалению, мы не имеем данных о том, каких серпов на Алтыне было больше — каменных или бронзовых;

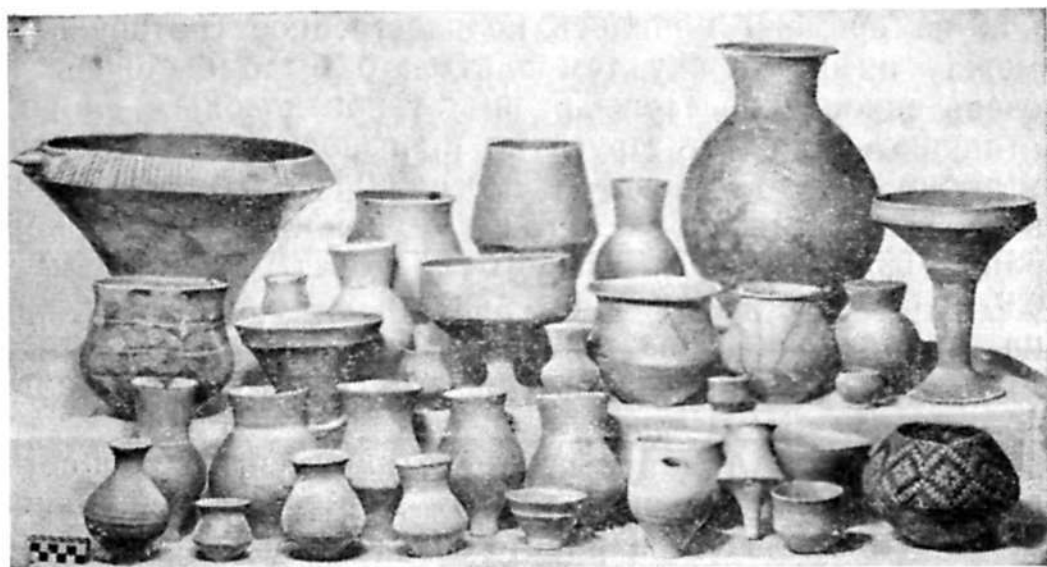
как во времени менялось количественное соотношение между ними. Между тем знать это было бы очень и очень важно, ибо серпы разных типов довольно сильно отличаются друг от друга по производительности. Как мы уже писали в разделе «Росписи Песседжика», производительность серпа с гладким кремневым лезвием равна 0,5 м²/мин, кремневого с зубчатым лезвием — 0,9—1,1 м²/мин; производительность же бронзового серпа, как показали опыты Г. Ф. Коробковой, достигает 1,3—1,4 м²/мин (производительность современного стального серпа — 1,7 м²/мин).

Население Алтына в пору его наивысшего расцвета достигало 5 тыс. человек, т. е. 1—1,25 тыс. семей. Ясно, что в земледельческих работах было занято не все население: уже сама структура Алтына свидетельствует о том, что среди его жителей были и ремесленники, и жрецы, и знать, на чем мы подробно остановимся в следующем разделе. Во всяком случае, полагает Г. Ф. Коробкова, можно считать, что в земледелии было занято 600—800 семей. Значит, все сельскохозяйственное население Алтына могло убирать в день 100—160 га. Всего же, по ориентировочным подсчетам, поля алтынцев занимали 1,5—2 тыс. га.

Как показали эксперименты, масса времени и сил у алтынских женщин уходила на помол зерна на зернотерках. Оказалось, в частности, что за час работы женщина может растереть до 500 г зерна, превратив его в муку хорошего качества (эта цифра подтверждается этнографическими данными). Тщательные исследования показали, что женщины Алтына тратили невероятные усилия на домашнее хозяйство, расходуя большую часть времени на переработку продуктов земледелия и скотоводства, на приготовление пищи и изготовление одежды⁷.

Но если основой основ алтынского хозяйства было поливное земледелие, дававшее значительный прибавочный продукт, то другой кит, на котором покоилось благополучие позднего Алтына,— ремесленное производство. А в нем главную роль играли изготовление посуды и металлургия.

Квартал ремесленников не случайно занимал столь большую площадь. Дело в том, что на Алтыне производство посуды достигло громадных размеров. Археолог

*Стандартная керамика Алтына.
Эпоха бронзы*

Э. В. Сайко, исследовавшая керамическое производство на позднем Алтыне, рассчитала, что одна обжигательная печь могла давать в год шестнадцать — двадцать тысяч изделий. Так как печей было явно более пятидесяти, то алтынские ремесленники могли производить за год примерно миллион штук посуды — цифра солидная и для нашего времени, а для той эпохи прямо-таки ошеломляющая.

Для выделки посуды характерен не только объем, но и поразительная стандартизация изделий. Выпускалась продукция более двадцати пяти различных форм, причем сосуды одного типа практически не отличались друг от друга. В пору Намазга V вся посуда изготавливалась уже на гончарных кругах быстрого вращения и обжигалась в двухъярусных горнах, в которых достигался устойчивый режим обжига при температуре 1000—1200°. Качество алтынской керамики очень высокое.

Э. В. Сайко на основе тщательного изучения алтынской керамики пришла к таким выводам: посуда поры Намазга V отличается от изделий предшествующего времени и по форме, и по характеру поверхности; характер этих отличий свидетельствует, что они были связаны со значительными изменениями в технике изготовления сосудов; все сосуды вытянуты из одного куска.

«Хорошо читается,— пишет Э. В. Сайко,— движение глиняной массы под углом и вверх. Для того чтобы глина была приведена в такое движение, необходимое при центрировании и вытягивании стенок сосуда, вращение подставки, на которой находится глина, должно быть довольно быстрым. Здесь мы имеем дело с инструментом формовки, обладающим большой скоростью вращения, достаточной для того, чтобы привести в необходимое движение глиняную массу. Следовательно, одним из наиболее важных показателей (качеств) керамики Алтын-депе являются новые технические принципы изготовления — формовки изделий при вращении глиняной массы, что принципиально меняет условия, возможности формовки и обеспечивает новую линию в развитии форм»⁸.

Однако длительная равномерность движения, определяющая качество при сложном моделировании глины, еще не была освоена. Поэтому окончательный контур изделий достигался за счет их дополнительной обработки ножом, что, понятно, снижало производительность труда.

Громадный объем производства уже сам по себе свидетельствует, что перед нами товарное производство, работа на заказ, на потребителя.

Другой важной отраслью хозяйства была металлургия, о которой мы уже подробно говорили. Здесь хочется только подчеркнуть, что мастера с Алтына обладали изощренной техникой, профессиональным мастерством, большим вкусом, о чем свидетельствуют и печати из серебра и бронзы, и серебряные булавки с навершиями в виде животных, и особенно золотые головки волка и быка⁹.

Обе они полые, литые; детали отработаны пунсоном. Высота головы волка — 1,5 см; головы быка — 7,5 см; рога и уши у быка вставные, сделаны из серебряной проволоки, обернуты золотой фольгой; на лбу и в глазах быка — вставки из бирюзы. Эти вставки, рога и уши удерживались какой-то мастикой, ныне совершенно высохшей.

В больших количествах производили алтынские умельцы и женские украшения, поражающие красотой и филигранностью отделки. Чтобы представить себе объем производства, скажем, бус, достаточно указать, что толь-

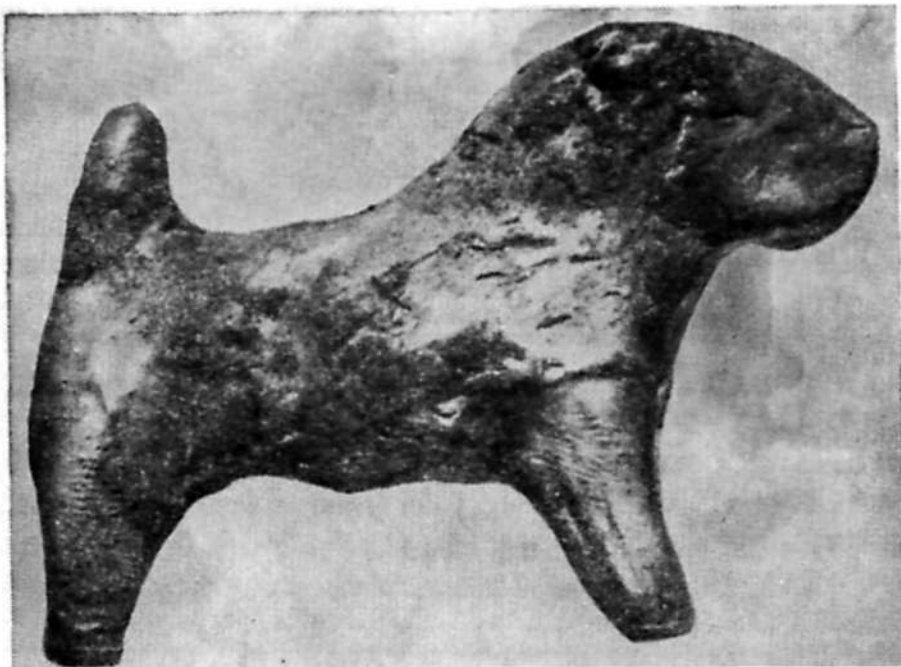

*Серебряная печать. Алтын-депе.
Эпоха бронзы*

ко в святилище найдены 864 бусины, из которых 9 золотых, 101 лазуритовая и 639 бирюзовых!

Многочисленные находки моделей глиняных повозок свидетельствуют о важном значении этого вида транспорта для алтынцев. Повозки были четырехколесными, иногда с высокими бортами, иногда без них, представляя собой нечто вроде платформ. В них запрягались верблюды. Это отличительная черта хозяйства алтынцев, ибо, например, в Месопотамии в те времена в качестве транспортных животных применялись онагры (ослы), а в Индии — быки.

Мы уже говорили о том, что трудиться алтыдцам приходилось немало и жизнь их была отнюдь не безоблачной. Это подтверждается и изучением многочисленных скелетов, найденных на Алтыне. По расчетам антрополога Т. П. Кияткиной, средняя продолжительность жизни алтынцев — всего около 23 лет (женщин — 35 лет, мужчин — 36 лет). Очень высокой была детская смертность, особенно в возрасте до трех лет. Жители поселения страдали кариесом зубов; часто встречались переломы, главным образом ребер; отмечены и травмы черепа. Словом, о счастливом «золотом веке» не могло быть и речи. Принадлежали жители Алтына к восточносредиземно-

*Терракотовая статуэтка собаки (фокстерьер?).
Алтын-депе. Эпоха бронзы*

морской расе. Это были высокие, узколицы, стройные люди, напоминающие современных туркмен.

Алтынцы и в эпоху бронзы продолжали поклоняться женским божествам, о чем свидетельствуют многочисленные находки терракотовых статуэток. Женских статуэток на Алтыне все еще больше, чем мужских, но само появление последних и их широкое распространение в поздний период существования поселения — очень важный факт.

Пожалуй, наиболее существенно то, что в культовом комплексе Алтына не найдено ни одной женской статуэтки, зато именно там и был обнаружен бык с бирюзовой луной во лбу. Образ быка типичен для мировоззрения многих раннеземледельческих племен. В святилищах Чатал-Гуюка, например, открыто множество изображений быков. В шумерской мифологии в образе небесного быка обычно выступает лунное божество. Видимо, весь культовый комплекс Алтына был посвящен богу Луны. Это выдвижение на авансцену мужских божеств говорит о больших изменениях в религиозных воззрениях древних земледельцев Южного Туркменистана.

Усложняются в позднем Алтыне и погребальные об-

*Голова богини. Керамика. Алтын-депе.
Эпоха бронзы*

ряды. Археологи обнаружили самые различные захоронения: и групповые, и одиночные, и даже такие, при которых людей расчленяли на части! Дети начиная с шести-семи лет помещались в коллективные гробницы, меньшего же возраста погребались отдельно (в ямах или в крупных сосудах). Гончары хоронили своих близких рядом с домами, по старинке. В квартале состоятельных горожан В. А. Завьялов раскопал довольно необычное захоронение: скелет мужчины 17—23 лет не в обычном положении, на боку, в позе спящего, а в сидячем, при-

слоненным к стене, причем кисти рук были отделены и захоронены в двух соседних помещениях.

На восточной окраине Алтына В. М. Массон раскопал квадратное в плане здание (2,2×2,2 м) — нечто вроде мавзолея, огороженного стеной. В нем найдены останки 38 человек, 34 сосуда и другие изделия, в том числе бронзовая печать, располагавшаяся у пояса одного из погребенных.

В захоронениях ремесленников нет ни украшений, ни терракотовых статуэток — одни глиняные сосуды, да и тех немного. В могилах состоятельных горожан сосудов уже больше, встречаются бусы и печати. В погребениях знати и жрецов инвентарь особенно богат — именно там найдены ценнейшие художественные изделия Алтына.

В различных помещениях культового комплекса происходили, видимо, довольно сложные погребальные церемонии, в том числе и культовые трапезы. Об этом свидетельствуют кухонные мусорные слои, найденные на обширном хозяйственном дворе, расположенном между «домом жреца» и погребальным комплексом. Видимо, помещение, которое археологи поместили № 7, было святилищем, а помещение № 9 — коллективной усыпальницей, где головы наиболее знатных лиц, отделенные от туловищ, размещали в нишах по стенам.

Мы уже писали о том, что вряд ли алтынцы успели создать письменность. Действительно, документов на Алтыне пока не найдено, но на терракотовых женских статуэтках обнаружено шесть групп повторяющихся знаков. Наиболее часто встречающийся знак — «треугольник с ресничками» — мог читаться как имя божественной покровительницы города, священной супруги верховного лунного божества. Так как некоторые знаки напоминают раннешумерские и протоэламские, то все это, вместе взятое, дает возможность заключить, полагает В. М. Массон, что на Алтыне шел процесс формирования системы письменности, использующей достижения соседних цивилизаций, в первую очередь эламской¹⁰.

Мы видим, что в поздний период существования Алтын-депе в нем появилось многое, что отличает его как от раннего Алтына, так и от других поселений древних земледельцев. В самом деле, Алтын имеет определенную структуру; ремесленники живут отдельно от других групп населения; посуда производится в объеме, намного

превышающем потребности алтынцев; различия в площади и качестве «квартир», размещение домов разных типов по территории поселения, погребальный инвентарь свидетельствуют, что налицо достаточно резкие имущественные различия; на поселении возводится монументальный культовый комплекс; пантеон божеств пополняется мужскими божествами, в том числе и астральными; на статуэтках встречаются знаки, напоминающие пиктограммы, что говорит о зарождении письменности.

Что же, может быть, мы делаем ошибку, упорно называя поздний Алтын поселением? Может быть, это уже город и перед нами не древнеземледельческая культура, а цивилизация древневосточного типа?

На пороге цивилизации

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал: «...цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе»¹¹. Именно на стадии перехода от родового строя к классовому происходит «дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, следовательно, производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, тем самым превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества»¹².

Разбирая различные формы ремесла, В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» писал: «Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства... Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»¹³. Исторически ремесло как «первая форма промышленности» связано с рождением городов: когда возникли города, писал Ф. Энгельс в статье «Карл Маркс», то вместе с ними родились «обособленная ремесленная промышленность и торговый оборот...»¹⁴. А «закрепление

противоположности между городом и деревней» Ф. Энгельс считает одним из «характерных» признаков цивилизации¹⁵.

Еще одна характерная черта перехода к цивилизации — «введение завещаний, с помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти»¹⁶. Завещание же трудно написать, если общество еще не создало письменности, а письменность — типичный признак зарождения цивилизации.

В эпоху цивилизации происходит «первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы»¹⁷. Появляются рабовладельцы и рабы. А так как в основе цивилизации лежит «эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии»¹⁸. Неизбежным результатом этого является появление государства, которое служит «связующей силой цивилизованного общества...»¹⁹.

Итак, к характерным признакам цивилизации следует отнести: первое — отделение ремесла от земледелия и превращение домашних промыслов в первую форму промышленности; производство продукции для обмена; превращение товарного производства в жизненно необходимый процесс для общества. Второе — формирование крупных городских центров и закрепление противоположности между городом и деревней. Третье — появление письменности и введение завещаний. Четвертое — разделение общества на антагонистические классы и возникновение классовой борьбы. Пятое — рождение государства.

Соответствует алтынское общество этим критериям или нет?

В Джейтуне, в каждом хозяйстве производилось все, что нужно для жизни, т. е. домашние промыслы составляли необходимую принадлежность натурального хозяйства. Совсем не то в Алтыне: отделение ремесла от земледелия зашло здесь настолько далеко, что гончары, например, даже жили уже отдельно от остальных обитателей поселения, рядом со своими печами. Работали они уже не столько для себя, сколько для обмена, т. е. у них было товарное производство. Оно наверняка оказывалось «жизненно необходимым для общества», ибо в противном случае незачем было создавать производственные мощности, рассчитанные на изготовление миллиона

сосудов в год при наличии в Алтыне всего лишь тысячи с небольшим семей.

В. М. Массон считает, что в эту эпоху именно гончарное ремесло было той формой промышленного производства, которое и определило выделение городских центров из массы сельских поселений.

Очень большую роль сыграло развитие металлургии и строительного дела. Но чтобы изготавливать сложные и совершенные произведения искусства, такие, как золотые головки быка и волка; чтобы производить в столь больших количествах стандартную посуду высокого качества; чтобы огромными массами выделывать бусы различных типов из разного по механическим свойствам материала; чтобы сооружать стены, башни, большие дома, мавзолеи и зиккураты,— для всего этого нужны были профессионалы, занятые исключительно (или преимущественно) каким-то определенным ремеслом.

Следовательно, уже одно это говорит, что единой прежде массы свободных общинников, занятых каждый и земледелием, и скотоводством, и ремеслом, и охотой, больше не существовало — из них выделились группы людей, занятые производством тех или иных орудий труда, оружия, украшений, посуды и т. д. Появление же такой социальной прослойки, как городские ремесленники,— исключительно важный факт, ибо в дальнейшем они играли активную роль в историческом процессе.

Был ли поздний Алтын городом?

Существует много определений понятия «город». Это объясняется тем, что функции городов многочисленны и к тому же они менялись во времени. Поэтому возьмем город только на стадии его становления и посмотрим, какое определение дает ему такое фундаментальное издание, как Большая Советская Энциклопедия (БСЭ).

В трех изданиях БСЭ достаточно полно отразились различные подходы к тем или иным социально-историческим явлениям за весь, по существу, период существования советского общества. Но в оценке города на стадии его становления все три издания до удивления близки друг другу.

Первое издание (1930 г.): «...город, рассматриваемый под углом зрения его генезиса, как определенного социально-экономического целого, есть прежде всего рыночное поселение, возникающее в результате

общественного разделения труда и появления классов»²⁰. Второе издание (1952 г.), по существу, повторяет — в несколько расширенной форме — характеристику первого, но поясняет, что постоянный рынок обеспечивает «обменные связи города с его сельским окружением»²¹. Третье издание (1972 г.) не дает чего-либо принципиально нового по сравнению с предыдущими²².

Изучая возникновение городов и переход общества от первобытнообщинного строя к раннеклассовому, В. М. Массон счел необходимым указать еще на одну характерную черту раннего города, но уже не вообще, а в конкретном регионе, на Ближнем Востоке: «...стремление к монументальности и к строгой, можно сказать, геометрической регулярности плана... Видимо, в данном случае архитектура откликнулась на социальный заказ, уходящий корнями в имущественную дифференциацию общества, в выделение племенной аристократии и противопоставление ее массе рядовых общинников»²³.

Будем считать, что в совокупности три издания БСЭ вместе с соображением, высказанным В. М. Массоном, дали исчерпывающую характеристику рождающемуся городу на Востоке. Соответствует ли этой характеристике Алтын? Да, ибо он давал продукцию на рынок; ремесленники в нем уже отделились от остальной массы населения; явно происходил процесс социальной дифференциации; был воздвигнут монументальный культовый комплекс. Следовательно, Алтын — типичный город, древнейший (наряду с Намазгой) из числа известных на территории нашей страны.

Как же обстоит дело с другими критериями, свидетельствующими о становлении цивилизации?

О письменности мы уже говорили — она находилась скорее всего на стадии сложения; было ли государство, точно неизвестно, но, видимо, оно не успело еще сформироваться. Остается разобраться в вопросе об имущественной дифференциации, о разделении общества на классы.

Чтобы нагляднее представить себе степень имущественного и социального расслоения алтынского общества, сравним результаты исследований не по раскопкам, не по кварталам, а по определенным показателям (дома, погребальный инвентарь, пища и т. д.).

Расположение кварталов. Квартал ремесленников находился в низкой части города, около горнов; квартал состоятельных горожан — на более высоком месте, вдали от дыма и копоти производственного центра; квартал знати занимал самую высокую часть холма.

Ширина улиц в квартале ремесленников — 1—1,5 м; состоятельных горожан — 1,7—2,1 м; знати — 2—2,5 м.

Характер и размеры жилых помещений. В квартале ремесленников «квартиры» общие; стены домов — в один кирпич; отделка помещений небрежная; на одну семью в среднем приходится по 27 кв. м жилой и хозяйственной площади.

В квартале состоятельных горожан каждая семья имела «отдельную квартиру»; отделка помещений более тщательная, на одну семью здесь приходится в среднем бóльшая площадь, чем в квартале ремесленников, и меньшая, чем в квартале знати.

В квартале знати каждая семья имела свой дом; стены домов — в два кирпича; отделка помещений исключительно высокого качества; на одну семью приходилось по 43—102 кв. м жилой и хозяйственной площади, но некоторые дома имели, как уже говорилось, и бóльшие размеры.

Погребальный инвентарь. В квартале ремесленников бедный, в квартале состоятельных горожан — уже богаче, в квартале знати и в жреческих погребениях — самый богатый.

Состав пищи. В квартале ремесленников среди костей животных преобладают кости куланов и джейранов; состоятельных горожан — овец и коз; знати — молодых баранов.

Итак, все говорит о том, что на Алтыне существовало несколько социальных групп, различающихся и по роду занятий, и по имущественному положению, и по социальному статусу. Из общей массы свободных общинников уже выделилась (или находилась на стадии выделения) светская и жреческая аристократия; ремесленники отделились от крестьян; были ли купцы, мы не знаем, однако, судя по достаточно обширным контактам с окружающими странами²⁴, такое предположение можно сделать. Но все это свободные люди; что же касается

рабов, то никаких сведений на этот счет Алтын пока не дал.

На чем же могло базироваться влияние племенной аристократии? Обратите внимание на характерную деталь — обилие и разнообразие печатей на Алтыне, что обычно указывает на существование частной собственности. К сожалению, на Алтыне пока что не обнаружены оттиски печатей. Возможно, что алтынская знать владела крупными стадами скота, который на протяжении тысячелетий у многих народов Евразии был мерилем богатства. Не случайно ремесленники употребляли в пищу мясо куланов и джейранов: у них, видимо, скота было мало и недостаток мяса приходилось восполнять охотой. Можно предположить также, что племенная знать захватила управление ирригационными системами; могла она контролировать и торговлю. Исключительно важно, наконец, и то, что к знати, — а именно к той ее части, которая превратилась в особую, привилегированную общественную группу — жречество, — перешло отправление религиозных и погребальных церемоний, т. е., по существу, в ее руках был теперь контроль над идеологией.

Таким образом, если взять все критерии цивилизации, то мы увидим, что большая часть их характерна для Алтына. Это говорит о том, что общество Алтына и Намазги переживало процесс разложения первобытнообщинного строя и сложения классового общества. «Можно предположить, — замечает акад. Е. М. Жуков, — что процесс формирования классов, рождения государства растянулся на весьма продолжительное время, исчисляемое многими тысячелетиями»²⁵.

Необходимо также учитывать, что процесс превращения первобытного общества в классовое прошел через ряд переходных форм. Поэтому порой трудно, а подчас просто невозможно определить, куда следует относить то или иное конкретное общество: к первобытнообщинному строю или к классовой формации.

Очевидно, общества Алтына и Намазги в пору Намазга V и VI находились уже не на стадии первобытнообщинного строя. В то же время несомненно и другое: Алтын и Намазга эпохи бронзы — еще не сложившееся классовое общество, напоминающее, скажем, древнеегипетское царство или государства Месопотамии. Видимо,

полагает В. М. Массон, это был особый этап истории человечества — раннеклассовое общество, в котором по ведущим, прогрессивным для той эпохи явлениям следует видеть первый этап классовой формации²⁶.

Итак, алтынское общество — раннеклассовое, это формирующаяся раннегородская цивилизация древневосточного типа, наиболее древняя из числа известных на территории СССР. Раннеклассовое общество Южного Туркменистана не было изолированным явлением на Ближнем Востоке — оно входило в зону раннегородских культур, охватывающую Иран, Афганистан и Белуджистан. В Афганистане городом, подобным Алтыну, был Мундигак; в Сеистане — Шахри-Сохте. Но это — зона именно раннегородских цивилизаций, ибо в то время уже существовали великие городские цивилизации Египта, Месопотамии, Элама, Хараппы. Другими словами, зона раннегородских цивилизаций составляла как бы периферию великих цивилизаций Востока с уже сложившейся государственностью, письменностью, резким классовым расслоением.

Раннеклассовые общества формировались на местной основе, но, безусловно, использовали достижения своих соседей — великих цивилизаций Востока, что особенно заметно в архитектуре, в зачатках письменности, в скульптуре. Вспомним хотя бы золотую головку алтынского быка с луной во лбу — связь бога Луны с образом быка характерна для религиозных воззрений шумеров²⁷.

Что же послужило причиной гибели или, вернее, запустения Алтына и Намазги? Почему эти раннеклассовые общества не превратились в классовые, почему в тот период в Южной Туркмении не завершилось сложные цивилизации?

¹ Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении, с. 91.

² В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад, 1970, с. 19.

³ В. М. Массон. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 146—147.

⁴ И. Масимов. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе. — «Каракумские древности». Вып. III. Ашхабад, 1970, с. 63.

⁵ В. М. Массон. Цивилизация Алтын-депе. — «Памятники Туркменистана». 1974, № 2(18), с. 14.

⁶ Г. Ф. Коробкова. Трудный хлеб первых горожан.— «Памятники Туркменистана». 1974, № 2(18), с. 18.

⁷ Там же, с. 19.

⁸ Э. В. Сайко. Технологическая характеристика керамики развитой бронзы из Алтын-депе.— «Каракумские древности». Вып. IV. Ашхабад, 1972, с. 143.

⁹ Возможно, именно в результате находок такого рода изделий местными жителями холм и получил свое современное название (по-туркменски «Алтын-депе» — «золотой холм»).

¹⁰ В. М. Массон. Цивилизация Алтын-депе, с. 17.

¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 21, с. 173—174.

¹² Там же, с. 165.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 3, с. 328, 329.

¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 19, с. 111.

¹⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 21, с. 176.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 175.

¹⁸ Там же, с. 177.

¹⁹ Там же, с. 176.

²⁰ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 1. Т. 18, с. 17.

²¹ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. Т. 12, с. 172.

²² Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3. Т. 7, с. 114.

²³ В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г., с. 21.

²⁴ На Алтын-депе в слоях начала II тысячелетия до н. э. вскрыто богатое женское погребение. Наряду с другими предметами в нем обнаружены и палочки из слоновой кости. Такие же палочки оказались в составе клада, замурованного в стену одного из алтынских домов. В более ранних слоях, относящихся к концу III тысячелетия до н. э., в храмовом погребальном комплексе найдены бусины из слоновой кости. И палочки и бусины из слоновой кости — типичные изделия хараппских мастеров. Неоднократное нахождение предметов индийского экспорта в различных по времени слоях свидетельствует о том, что торговые связи Алтына с городами цивилизации Хараппы не были случайными, по крайней мере для поры Намазга V (конец III — начало II тысячелетия до н. э.).

²⁵ Е. М. Жуков. Краткое вступление.— В кн.: «Конференция „Возникновение раннеклассового общества“». Тезисы докладов». М., 1973.

²⁶ В. М. Массон. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке.— «Вопросы истории». 1967, № 5, с. 82.

²⁷ В. М. Массон. Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе.— «Советская археология». 1974, № 4, с. 18.

Кризис древнеземледельческих культур

Мы рассказали о работах советских ученых, открывших одну из блестящих страниц всемирной истории. Свой рассказ мы не случайно начали с «России» П. П. Семенова-Тян-Шанского: сравнение с томом, посвященным Средней Азии («Туркестанский край»), позволило, как нам кажется, с достаточной наглядностью показать, сколь существенно изменились наши познания по истории этого региона с начала XX в. Однако на многие вопросы ответа еще нет. Так, до сих пор неизвестны прародина древних земледельцев Южного Туркменистана и причины, вызвавшие кризис II тысячелетия до н. э.

Изучение древнеземледельческой культуры продолжается, проявляются новые факты, позволяющие по-иному осветить различные периоды ее истории, пересмотреть некоторые концепции, еще вчера представлявшиеся бесспорными. Со временем будут, несомненно, получены ответы и на те вопросы, которые остаются пока что нерешенными. Сейчас существуют лишь предположения о том, что же послужило причиной (или причинами) запустения Алтына и Намазги.

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что во II тысячелетии до н. э. кризис отмечается не только на юге Туркменистана — он охватил обширные территории Ближнего Востока и Северной Индии. Так, в Иране в первой половине II тысячелетия до н. э. замирает жизнь на Шах-тепе, Тюренг-тепе, Тепе-Гиссар. Раскопки на Гиссаре показали, что здания верхнего слоя этого поселения разрушены в результате пожара. В развалинах найдены скелеты людей, раздавленных рухнувшими крышами. В этот же период забрасываются и города цивилизации Хараппы — сама Хараппа и Мохенджо-Даро. В Вавило-

нию во второй половине XVIII в. до н. э. вторгаются различные племена, в том числе и касситы, которые в XVI в. до н. э. захватывают всю страну. Словом, факты свидетельствуют о том, что в Средней Азии, на Ближнем Востоке, в Северной Индии происходили какие-то грандиозные для того времени события, оказавшие сильное воздействие на жизнь обитавших там племен.

Б. А. Куфтин, говоря о причинах упадка культуры древних земледельцев Южного Туркменистана, называет среди них наступление засушливого периода («ксеротермический максимум») и обострившуюся борьбу за водные источники.

В. М. Массон полагает, что причиной упадка этой культуры послужило совокупное действие ряда факторов: наступление засушливого периода сократило площадь пригодных для обработки земель и тем самым усилило борьбу между общинами за пастбища и водные источники; переход части оседлого прежде населения к скотоводству; кризис общин подгорной полосы, достигнувших максимума возможного в развитии земледелия, базировавшегося на ограниченных водных источниках.

Можно указать и на другие причины, например засоление почв и вырубку горных и тугайных лесов. Однако решить вопрос о причинах кризиса II тысячелетия до н. э. сейчас еще невозможно. Пожалуй, действие лишь одного из перечисленных факторов, послуживших, возможно, причиной этого кризиса, поддается более или менее рациональному объяснению — речь идет об ухудшении природной обстановки.

В главе о Джейтуне подробно рассказывалось о том, что относительно влажный период на рубеже III—II тысячелетий до н. э. сменился более сухим. Возможно, что как раз на середину II тысячелетия до н. э. и пришелся пик, максимум сухого периода. Если это действительно так, то естественное уменьшение количества влаги должно было иметь поистине трагические последствия для части населения Ближнего Востока и Средней Азии. Ведь необходимо учитывать, что естественное ухудшение природных условий усиливалось разрушительной деятельностью человека.

Люди рубили леса, а это приводило к смыву почвы со склонов гор, к обмелению рек, а то и к полному пере-

сыханию небольших речушек и ручьев. Люди орошали поля и, вымывая соль из глубоких пластов на поверхность, нередко превращали плодородные земли в мертвые солончаки. С обезлесенных, обнаженных склонов гор на поля древних земледельцев обрушивались сели; скот, выбивая пастбища, превращал закрепленные пески в подвижные барханы, засыпавшие при своем движении целые оазисы...

Видимо, совокупное действие усушения климата и разрушительной деятельности человека особенно сильно сказалось там, где крупных рек нет, где мало воды, где площадь плодородных земель невелика. Именно таким районом и является Южный Туркменистан.

Другое дело — долины великих рек Азии. Ресурсы воды в этих районах были (для той эпохи) неограниченными, а площади плодородных земель гораздо большими, нежели на юге Туркмении или на севере Афганистана. А так как развитие общества в долинах великих рек шло наиболее быстрыми темпами, то обитавшие там племена встретили кризис II тысячелетия до н. э. более подготовленными, чем, скажем, племена Прикопетдагской подгорной полосы. В этом, несомненно, сказалась положительная роль великих рек, роль географического фактора.

В свое время английский историк и социолог Г. Бокль утверждал, что «самое могущественное влияние на род человеческий» оказывают «климат, пища, почвы и общий вид природы...»¹. И всю вторую главу книги «История цивилизации в Англии» он посвятил доказательству этой точки зрения, стремясь обосновать прямую зависимость развития человечества от природных условий.

Этот географический детерминизм не признается ныне не только советскими учеными, но и большинством буржуазных. Однако отрицание такой крайности, как географический детерминизм, не должно бросать нас в другую крайность — к принижению роли природных условий в истории человечества.

По словам Ф. Энгельса, различия в природных условиях между Старым и Новым Светом привели к тому, что «население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем...»². Речь тут идет о древних культурах, на которые географические условия оказывали наиболее сильное влияние. Эти условия в одних

случаях могли замедлять развитие общества, в других — ускорять.

Огромное количество новых материалов, полученных археологами, историками, этнографами уже после смерти Ф. Энгельса, убедительно доказало особую важность учета воздействия географического фактора именно на ранних ступенях истории человечества, когда, как пишет акад. Е. М. Жуков, «роль географического фактора была, безусловно, гораздо более значительной, чем при последующих, классовых формациях»³.

Другой известный советский историк и археолог, акад. Б. Б. Пиотровский, писал: «На ранних ступенях истории человечества географические условия имели чрезвычайно важное значение, что отразилось в зональном распределении начальных форм производящего хозяйства, классов образования и становления государств в определенной полосе земного шара. Так, первые государства возникли примерно между 20 и 40 параллелями северного полушария»⁴.

Переходя теперь от общих соображений к конкретному материалу, мы видим, что первые цивилизации не случайно возникли между 20° и 40° с. ш., и не вообще в поясе, расположенном между 20° и 40° с. ш., а именно в долинах великих рек, пересекающих этот пояс.

Великие реки, о которых мы говорим,— это еще с детства знакомые нам по учебникам истории и географии Нил, Тигр, Евфрат, Инд, Хуанхэ. Возникновение первых цивилизаций в долинах этих рек было в значительной мере обусловлено исключительно благоприятными природными условиями. Однако только благоприятных природных условий мало — нужны еще и коллективы людей, находящиеся на определенном уровне социально-экономического развития и способные оптимально использовать те условия, которые их окружают.

Только сочетание этих двух факторов может послужить толчком к более быстрому развитию культуры и сложению на ее базе цивилизации, классового общества, государства. Сами по себе природные условия, даже самые благоприятные, даже при наличии великих рек, ни к какой цивилизации привести не могут.

Роль, которую сыграли некоторые великие реки в истории человечества, объясняется тем, что аллювиальные почвы в их долинах были исключительно плодород-

ны и давали устойчивые высокие урожаи. В Шумере, например, урожаи ячменя достигали в среднем сам-36. Вот этот-то огромный рост прибавочного продукта и оказался той материальной базой, на которой стремительно развивалось общество⁵.

Племена же, обитавшие в стороне от великих рек, развивались более медленно, ибо их ирригационная база — небольшие речки и ручьи — сдерживала накопление прибавочного продукта. Именно этим и объясняется, что городская цивилизация формируется в Южной Туркмении лишь на рубеже III—II тысячелетий до н. э., тогда как в Египте и Месопотамии этот процесс проходил на тысячу лет раньше. Столь же замедленно, как и в Южной Туркмении, происходило сложение раннеклассового общества в Малой Азии и Афганистане.

По расчетам В. М. Массона, в Южном Двуречье от появления первых земледельцев до сложения раннеклассового общества прошло около двух с половиной тысяч лет, а в Малой Азии — пять тысяч лет! Вот вам пример воздействия географической среды: не она определила путь развития человеческого общества, но в одном случае замедлила его развитие, в другом — ускорила.

Поэтому-то кризис середины II тысячелетия до н. э., обрушившийся на народы Ближнего Востока и Средней Азии, застал их находящимися на разных уровнях развития. Племена, уже достигшие стадии цивилизации, легче перенесли кризис, нежели племена, еще не достигшие этого уровня. Древние земледельцы Южного Туркменистана, не успевшие создать своих государственных образований, обитавшие в условиях подгорной полосы с ее хрупкой экосистемой, не смогли найти выхода из тупика. Города и селения забрасывались, население массами уходило в другие края — и на запад Туркмении, на Мисрианскую равнину, и на восток, в дельту Мургаба. Культурные традиции не прерывались (комплекс Намазга V сменился комплексом Намазга VI), но развитие общества в этом регионе замедлилось.

Еще раз подчеркиваем, что ухудшение природной обстановки не было ни главной, ни единственной причиной, вызвавшей кризис II тысячелетия до н. э. Возможно, некоторое ухудшение природной среды сыграло лишь роль спускового механизма, вызвав действие других факторов.

В Прикопетдагской подгорной полосе решающей причиной кризиса была скорее всего ограниченность водных ресурсов. Речки и ручьи, стекающие с Копетдага, не позволяли в силу своей маловодности увеличивать площади пахотных земель, жестко ограничивали численность населения и тем самым замедляли становление цивилизации и сложение государства.

* * *

За пять тысяч лет своего существования культура древних земледельцев Южного Туркменистана прошла путь от века камня до века бронзы. В течение этого длительного периода примитивное земледелие Джейтуна, основанное на лиманном орошении, сменилось более развитым земледелием Геоксюра и Алтына, которое базировалось уже на относительно сложных ирригационных системах. Но прогресс отмечается не только в земледелии — он заметен решительно во всем: в скотоводстве и металлургии, в керамическом производстве и ткачестве. Ремесло выделяется в самостоятельную отрасль хозяйства, мелкие поселения превращаются в протогорода. Эволюционируют семейные и общественные отношения, обычаи и культы; сменяются стили в искусстве; появляются имущественные и социальные различия, на смену первобытному обществу идет классовое, на основе древнеземледельческой культуры складывается цивилизация древневосточного типа...

Вот, пожалуй, то основное, о чем мне хотелось рассказать в популярной книге, посвященной древнеземледельческой культуре Южного Туркменистана. Для того чтобы эта книга могла быть написана, нужны были десятилетия упорной работы многих ученых. За эти десятилетия было все: блестящие открытия и сказочные удачи, тяжкие разочарования и ошибки, подтвердившиеся гипотезы и неоправдавшиеся предположения...

Но не меньше открытий ждет нас в будущем. Кто знает, какие сюрпризы преподнесут археологам не тронутый раскопками Илгынлы, малоизученный Песседжик, давно знакомые Анау и Кара-депе, нижние слои Алтына и неисчерпаемая Намазга... Исследования продолжают, и можно с полной уверенностью сказать, что работы ближайших лет значительно расширят наши представ-

ления о древнеземледельческой культуре Южного Туркменистана и заставят во многом по-иному взглянуть на те проблемы, о которых рассказывалось в этой книге.

¹ Бокль. История цивилизации в Англии. Т. 1. СПб., 1895, с. 16.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 21, с. 30.

³ Е. М. Жуков. Краткое вступление.— В кн.: «Конференция. „Возникновение раннеклассового общества“. Тезисы докладов». М., 1973.

⁴ Б. Б. Пиотровский. Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства.— В кн.: «Конференция. „Возникновение раннеклассового общества“. Тезисы докладов». М., 1973, с. 1.

⁵ В. М. Массон. Природа и происхождение цивилизации.— «Природа». 1969, № 3, с. 18.

ОТ РЕДАКТОРА

Не случайно автор данной книги обратился к истории ранних земледельцев Южной Туркмении, району, который является древнейшим на территории СССР центром становления оседлой земледельческо-скотоводческой культуры. Эта культура, наиболее ранние памятники которой первоначально зафиксированы в подгорной зоне Копетдага в VI тысячелетии до н. э. (так называемая джейтунская неолитическая культура), получила свое дальнейшее развитие как на данной территории, так и в сопредельных с ней районах древнедельтовых равнин рек Теджена, Мургаба и Атрека. По существу, вся Южная Туркмения в течение последних восьми тысяч лет являлась местом постоянного заселения и активной деятельности человека.

Многовековая история нашла свое отражение в огромном количестве археологических памятников, различных по возрасту и характеру. Здесь и холмы-депе, оставшиеся на местах поселений эпох неолита, энеолита и бронзы; и укрепленные замки, крепости и целые города античного времени; и развалины городов, рабатов, караван-сараев и укреплений средних веков. Именно многообразие древностей, сосредоточенное на сравнительно небольшой площади, уже с начала XX в. привлекло к себе самое пристальное внимание археологов и привело к целому ряду замечательных открытий, в первую очередь осветивших ранние этапы истории населявших эту территорию племен. Это процесс перехода от присваивающего типа хозяйства к производящему, к экономике нового типа, начальный этап так называемой «неолитической революции», о которой так много пишут в последние годы в специальной литературе.

Книга И. Б. Шишкина, рассказывающая об истории

изучения древнейших памятников Южной Туркмении и их значении для понимания важнейших современных проблем древней истории, знакомит читателя со спецификой археологических исследований в сухих (аридных) районах нашей страны, вводит в круг тех новых научных направлений, которые возникли в процессе изучения этого древнейшего культурного центра. Популярность изложения не мешает автору со скрупулезной точностью вводить читателя в сущность научных теорий и открытий, и в этом важность и значимость его работы. Книга не только знакомит любителей археологии с одной из интереснейших страниц истории нашей страны, но и, что особенно ценно, с полным правом может служить источником для специалистов, не занимающихся Востоком.

Участник раскопок памятников энеолита в Южной Туркмении, И. Б. Шишкин проявляет огромный интерес к ранним эпохам, что важно и с чисто научных позиций. В последние годы Южная Туркмения стала одним из важнейших районов сельскохозяйственного освоения Средней Азии в связи с пуском нескольких очередей Каракумского канала им. В. И. Ленина. Тысячелетиями пустовавшие территории обрели новую жизнь. Преобразовался пустынный ландшафт, еще недавно столь характерный для этих районов. Возникновение новых оазисов предусматривает сохранение памятников старины, а многочисленные археологические объекты по-прежнему остаются доступными для раскопок и исследований. Однако, как уже говорилось, изучение руин времени неолита и энеолита позволяет реконструировать важнейший этап исторического развития первобытного общества — переход от кочевого образа жизни охотников и собирателей к оседлому, прогресс земледельческого и скотоводческого хозяйства. Поэтому параллельно с археологическими работами именно в последние десятилетия большое внимание было уделено изучению древней экономики.

Для реконструкции скотоводства (равно как и охоты) обычно используют определения многочисленных остеологических остатков, находимых непосредственно при раскопках древних поселений. В качестве важного фактологического источника служат специальные палеогеографические и палеоботанические исследования, позволяющие определять характер окружающей природной

среды и восстанавливать, хотя бы в самом общем приближении, состав древних пастбищ.

Более сложны для решения вопросы истории земледелия, поскольку прочная оседлость и находки предметов материальной культуры, непосредственно связанных с земледелием, еще не позволяют судить о его характере. Для этого требуется изучение палеоэтноботанических материалов, почв и остатков древних оросительных сооружений, также являющихся своеобразными археологическими документами.

Замечательным объектом для работ этого направления оказался Геоксюрский оазис энеолитических поселений, расположенный в древней дельте р. Теджен, которому автор книги заслуженно уделяет большое внимание. Изучение земледелия благодаря привлечению методов смежных дисциплин, а также отсутствию на этой территории памятников более поздних культур позволило восстановить здесь древнюю гидрографическую сеть, реконструировать оросительные сооружения эпохи энеолита, оконтурить массивы культурных земель. Именно здесь удалось обнаружить пока древнейшие для территории СССР ирригационные каналы.

В отличие от этой области подобные работы в подгорной зоне Копетдага оказались гораздо менее эффективными благодаря сочетанию непрерывной тысячелетней культуры с интенсивностью аллювиально-делювиальных процессов, скрывших от глаз исследователей древнейшие следы производственной деятельности земледельца. Освоение этих территорий еще больше затрудняет изучение именно таких очень специфичных и плохо выраженных археологических памятников, как оросительные сооружения, и требует особенно внимательного отношения к свидетельству уже утраченных объектов, каковыми являются, в частности, геоксюрские каналы.

Автору книги свойственно бережное обращение с научными фактами, большими и малыми; используя их, он старается по возможности всесторонне показать жизнь человеческих коллективов, несколько тысячелетий назад вступивших в единоборство с суровыми условиями пустыни, показывает полемичность некоторых научных положений, нередко спорит с исследователями и высказывает свою точку зрения на тот или иной вопрос. Очень живо и интересно описаны им все возможные

способы охоты древних людей, где он зачастую отступает от общепринятых археологами мнений и канонов. Эти разделы книги, несомненно, представят для читателей особый интерес.

На страницах книги И. Б. Шишкин стремится осветить не только научные проблемы, но и показывает нелегкий труд археологов, которые в условиях безводья, при сорокаградусной жаре, постоянных сильных ветрах, лишены элементарных удобств, с поразительным упорством, по крупицам собирают те факты, которые в итоге систематизируются и вырастают в стройные научные концепции.

Добытый огромным трудом фундамент научных данных позволил определить место Южной Туркмении среди других древнейших центров становления оседло-земледельческого хозяйства как в нашей стране, так и за рубежом. Самобытность южнотуркменистанской культуры, особенности развития ее палеоэкономики, характер древних связей с территориями Ирана, Афганистана, Индии и другими областями выделяют этот центр как крупный самостоятельный культурный очаг, занимающий промежуточное положение между ближневосточным культурным миром и среднеазиатской ойкуменой.

Значение Южной Туркмении в истории древнейших культур нашей страны трудно переоценить, и обращение журналистов и писателей к этой теме вполне закономерно. Обилие древностей на этой территории столь велико, что, несмотря на значительный объем книги И. Б. Шишкина, она освещает лишь некоторые важнейшие археологические проблемы, а сколько еще научных загадок таит в себе туркменская земля!

Книга И. Б. Шишкина является удачным пополнением обширной библиотеки научно-познавательной литературы и будет тепло встречена читателями.

Г. Н. Лисицына

СОДЕРЖАНИЕ

Открытие пяти тысячелетий	3
Первые земледельцы и первые живописцы	8
Охотники Джебела	8
Копетдаг и подгорная полоса. Прошлое и настоящее	16
Открытие Джейтуна	21
Домики из «булок»	24
Что они сеяли и кого разводили	34
На водопоях Карасу	47
Некоторые расчеты	58
Жизнь общественная и семейная	59
Росписи Песседжика	62
Древние земледельцы в энеолите и бронзе	77
Анау и Намазга — символы стратиграфии	77
Анаусцы — кто же они?	84
От однокомнатных — к многокомнатным	87
Камень сменяется металлом	91
Дама с календарем	97
Леопард без головы	103
Великолепное Кара	103
Люди рода Козла	110
Ориентация скелетов	122
Оазис убегающей реки	126
Археологический заповедник	126
Девять геоксюр	133
Фамильные склепы и «мужские дома»	141
Под прямым углом	146
По следам геоксюрцев	152
Город золотого быка	158
Миниатюрное Двуречье	158
Структура позднего Алтына	160
По заказу потребителя	163
На пороге цивилизации	172
Кризис древнеземледельческих культур	180
От редактора	187

Игорь Борисович Шишкин

У СТЕН
ВЕЛИКОЙ НАМАЗГИ

Редактор *Э. О. Секар*
Младший редактор *М. В. Ходакова*
Художник *В. Тикун*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*

Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 13/1 1977 г.
Подписано к печати 18/VII. 1977 г. А-02907
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 6
Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,22
Тираж 10 000 экз. Изд. № 4026. Зак. № 19
Цена 35 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, д. 28

Цена 35 коп.